

ИД «Академия Естествознания»

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 8 2026

FUNDAMENTAL RESEARCH

Scientific journal

No. 8 2026

PH Academy of Natural History

Фундаментальные исследования

Научный журнал

Журнал издается с 2003 года.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397 от 16.10.2015.

«Фундаментальные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, научные обзоры.

Журнал включен в Белый список, уровень 2.

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий (ВАК РФ). К1.

В журнале публикуются статьи, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты завершённых исследований, проблемного или научно-практического характера. Журнал ориентируется на ученых, преподавателей, экономистов. Авторы журнала уделяют особое внимание экономической эффективности рассматриваемых решений.

Основные разделы журнала – экономические науки.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

Технический редактор

Доронкина Е. Н.

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

Корректор

Галенкина Е. С.,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Бизенкова Мария Николаевна, к.м.н.

Дудкина Н. А.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. *Апенько С. Н.* (Омск); д.э.н., проф. *Безрукова Т. Л.* (Воронеж); д.э.н., доцент *Белоусова Н. В.* (Санкт-Петербург); к.э.н., доцент *Беспалова В. В.* (Санкт-Петербург); д.ф.-м.н., проф. *Бичурин М. И.* (Нижегород); к.э.н. *Болаев А. В.* (Элиста); д.э.н., проф. *Бурда А. Г.* (Краснодар); д.э.н., доцент *Гиззатова А. И.* (Уральск); д.э.н., доцент *Дорохина Е. Ю.* (Москва); д.э.н., проф. *Киселев С. В.* (Казань); д.э.н., проф. *Климовец О. В.* (Краснодар); д.э.н., проф. *Коваленко Е. Г.* (Саранск); д.э.н., проф. *Косякова И. В.* (Самара); д.э.н., проф. *Макринова Е. И.* (Белгород); д.э.н., доцент *Попова И. В.* (Донецк); д.э.н., проф. *Роздольская И. В.* (Белгород); д.э.н., к.г.н. доцент *Самарина В. П.* (Старый Оскол); д.э.н., проф. *Серебрякова Т. Ю.* (Чебоксары); д.э.н., проф. *Скуфьина Т. П.* (Апатиты); д.э.н., проф. *Титов В. А.* (Москва); д.э.н., проф. *Тяглов С. Г.* (Ростов-на-Дону); д.э.н., доцент *Федотова Г. В.* (Волгоград); д.э.н., проф. *Филькевич И. А.* (Москва); д.э.н., проф. *Халиков М. А.* (Москва); д.э.н., проф. *Чиладзе Г. Б.* (Тбилиси); д.э.н., доцент *Ювица Н. В.* (Москва); д.э.н., проф. *Юрьева Л. В.* (Екатеринбург)

ISSN 1812-7339

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,798

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,752

Периодичность

12 номеров в год

Учредитель, издатель и редакция

ООО ИД «Академия Естествознания»

Почтовый адрес

105037, г. Москва, а/я 47

Адрес редакции и издателя

440026, обл. Пензенская, г. Пенза, ул. Московская, влд. 27

Типография

ООО «НИИ Академия Естествознания»
410035, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5

E-mail

edition@rae.ru

Телефон

+7 (499) 705-72-30

Подписано в печать

31.08.2026

Дата выхода номера

30.09.2026

Формат

60x90 1/8

Усл. печ. л.

11,75

Тираж

1000 экз.

Заказ

ФИ 2026/8

Распространяется по свободной цене

© ООО ИД «Академия Естествознания»

Fundamental research

Scientific journal

The journal has been published since 2003.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. **Certificate – PI No. FS 77-63397** dated October 16, 2015.

"Basic Research" is a peer-reviewed scientific journal, which publishes articles of a problematic, scientific and practical nature and scientific reviews.

The journal is included in the White List, level 2.

The journal is included in the current List of peer-reviewed scientific publications (HCC RF). K1.

The journal publishes articles of scientific novelty, which are the results of completed research, of a problematic or scientific-practical nature. The journal focuses on scientists, teachers, economists. The authors of the journal pay special attention to the economic efficiency of the considered solutions.

The main sections of the journal are economic sciences.

CHIEF EDITOR

Ledvanov Mikhail Yurievich, Dr. Sci. (Medical), Prof.

Technical editor

Doronkina E. N.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Bichurin Mirza Imamovich, Dr. Sci. (Physical and Mathematical), Prof.

Corrector

Galenkina E. S.,

Dudkina N. A.

EXECUTIVE SECRETARY

Bizenkova Maria Nikolaevna, Cand. Sci. (Medical)

EDITORIAL BOARD

Dr. of Economics, Prof. **Apenko S. N.** (Omsk); Dr. of Economics, Prof. **Bezrukova T. L.** (Voronezh); Dr. of Economics, Docent **Belousova N. V.** (Saint-Petersburg); Cand. of Economics, Docent **Bespalova V. V.** (Saint-Petersburg); Dr. of Physical and Mathematical Sciences, Prof. **Bichurin M. I.** (Nizhny Novgorod); Cand. of Economics **Bolaev A. V.** (Elista); Dr. of Economics, Prof. **Burda A. G.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Docent **Gizzatova A. I.** (Uralsk); Dr. of Economics, Docent **Dorokhina E. Yu.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Kiselev S. V.** (Kazan); Dr. of Economics, Prof. **Klimovets O. V.** (Krasnodar); Dr. of Economics, Prof. **Kovalenko E. G.** (Saransk); Dr. of Economics, Prof. **Kosyakova I. V.** (Samara); Dr. of Economics, Prof. **Makrinova E. I.** (Belgorod); Dr. of Economics, Docent **Popova I. V.** (Donetsk); Dr. of Economics, Prof. **Rozdolskaya I. V.** (Belgorod); Dr. of Economics, Cand. of Geographical Sciences, Docent **Samarina V. P.** (Sary Oskol); Dr. of Economics, Prof. **Serebryakova T. Yu.** (Cheboksary); Dr. of Economics, Prof. **Skufina T. P.** (Apatity); Dr. of Economics, Prof. **Titov V. A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Tyaglov S. G.** (Rostov-on-Don); Dr. of Economics, Docent **Fedotova G. V.** (Volgograd); Dr. of Economics, Prof. **Filkevich I. A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Khalikov M. A.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Chiladze G. B.** (Tbilisi); Dr. of Economics, Docent **Yuvitsa N. V.** (Moscow); Dr. of Economics, Prof. **Yuryeva L. V.** (Ekaterinburg)

ISSN 1812-7339

Electronic version: <http://fundamental-research.ru>

Rules for authors: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Impact-factor RISQ (two-year) = 1,798

Impact-factor RISQ (five-year) = 0,752

Periodicity	12 issues per year		
Founder, publisher and editors	LLC PH Academy of Natural History		
Mailing address	105037, Moscow, p.o. box 47		
Editorial and publisher address	440026, Penza region, Penza, Moskovskaya st., bldg. 27		
Printing house	LLC SPC Academy of Natural History 410035, Saratov, st. Mamontova, 5		
E-mail	edition@rae.ru	Telephone	+7 (499) 705-72-30
Signed for print	31.08.2026	Number issue date	30.09.2026
Format	60x90 1/8	Conditionally printed sheets	11,75
Circulation	1000 copies	Order	ФН 2026/8

Distribution at a free price

© LLC PH Academy of Natural History

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика)

СТАТЬЯ

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: МОДЕЛИ СМЕШАННОЙ ЧАСТОТЫ <i>Бабешко Л. О.</i>	6
ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МАСШТАБИРОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ <i>Герасимова К. А.</i>	15
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ <i>Долотова Н. П.</i>	23
МАТРИЦЫ ДИЗАЙНА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА (КОНТРОЛЯ) НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ <i>Налоева Л. А., Федченко Е. А.</i>	30
ДЕПОЗИТОСПОСОБНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА И ЕГО КЛИЕНТОВ <i>Продолятченко П. А.</i>	38
КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА БАНКА РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ <i>Савина Т. Н., Имяреков С. М., Дружинкин М. И., Полякова Л. Г.</i>	47
ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ <i>Саенко И. И., Бобрышева В. Е., Гришин Е. В., Черепухин Т. Ю., Дьяков С. А.</i>	54

Экономические науки (5.2.3 Региональная и отраслевая экономика)

СТАТЬИ

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ФАКТОРОВ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) <i>Аслаева С. Ш.</i>	63
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ <i>Борзунов И. В., Борзунова Н. С., Сусоева А. В., Колобов Е. А.</i>	69
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОВЫШЕНИЯ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ДОБЫЧИ НЕФТИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ КОНЪЮНКТУРЫ <i>Садыкова Р. Р., Фатхутдинова О. А., Закирова Ч. С., Лапицкая А. А.</i>	75
КОНЦЕПЦИЯ МОДЕЛИ БЕСШОВНОЙ ИНТЕРМОДАЛЬНОЙ ЛОГИСТИКИ ТУРИСТОВ НА МАРШРУТАХ КРЫМ – КУБАНЬ <i>Тимиргалеева Р. Р., Гришин И. Ю.</i>	85

CONTENTS

Economic sciences (5.2.4 Finance, 5.2.5 World economy)

ARTICLES

FIXED CAPITAL INVESTMENT AS A DRIVER OF ECONOMIC GROWTH: MIXED-FREQUENCY MODELS

Babeshko L. O. 6

FINANCIAL RISKS AND LIMITATIONS OF SCALING INITIATIVE BUDGETING IN RUSSIA'S REGIONS

Gerasimova K. A. 15

FEATURES OF EDUCATIONAL LOANING IN RUSSIA

Dolotova N. P. 23

DESIGN MATRICES AS A TOOL FOR STATE AUDIT OF R&D EXPENDITURES: METHODOLOGY AND APPLICATION

Naloeva L. A., Fedchenko E. A. 30

THE DEPOSIT-CARRYING ABILITY OF A COMMERCIAL BANK AND ITS CLIENTS

Prodolyatchenko P. A. 38

MONETARY POLICY OF THE BANK OF RUSSIA: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Savina T. N., Imyarekov S. M., Druzhinkin M. I., Polyakova L. G. 47

ASSESSMENT OF THE FINANCIAL POTENTIAL OF WHOLESALE ENTERPRISES UNDER INTENSIFYING COMPETITION

Saenko I. I., Bobrysheva V. E., Grishin E. V., Cherepukhin T. Yu., Dyakov S. A. 54

Economic sciences (5.2.3 Regional and sectoral economics)

ARTICLES

ASSESSMENT OF SPATIAL DIFFERENTIATION AND FACTORS OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Aslaeva S. Sh. 63

SPATIAL DEVELOPMENT OF MEDICAL REHABILITATION IN RUSSIAN REGIONS

Borzunov I. V., Borzunova N. S., Susoeva A. V., Kolobov E. A. 69

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR INCREASING OIL PRODUCTION PROFITABILITY IN AN UNSTABLE EXTERNAL ENVIRONMENT

Sadykova R. R., Fatkhutdinova O. A., Zakirova Ch. S., Lapitskaya A. A. 75

THE CONCEPT OF A SEAMLESS INTERMODAL LOGISTICS MODEL FOR TOURISTS ON THE CRIMEA-KUBAN ROUTES

Timirgaleeva R. R., Grishin I. Yu. 85

СТАТЬЯ

УДК 330.43:330.354:330.322.21
DOI 10.17513/fr.44069

CC BY 4.0

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: МОДЕЛИ СМЕШАННОЙ ЧАСТОТЫ

Бабешко Л. О. ORCID ID 0000-0002-7692-3894

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, Российская Федерация, e-mail: LBabeshko@fa.ru*

Инвестиции в основной капитал являются одним из основных инструментов реализации инвестиционной политики государства и важнейшим источником долгосрочного экономического роста. Количественная оценка эффективности капитальных вложений осложняется различной периодичностью публикации макроэкономических показателей: результаты инвестиционной деятельности формируются внутри года, тогда как показатели экономического роста обычно анализируются по годовым данным. Агрегирование квартальной информации до годового уровня приводит к потере части информации о внутригодовой динамике инвестиционной активности. Использование моделей смешанной частоты позволяет совместно использовать показатели различной периодичности без их предварительного агрегирования. Цель исследования состоит в оценке влияния инвестиций в основной капитал на экономический рост Российской Федерации на основе моделей смешанной частоты и определении лаговой структуры реализации инвестиционного эффекта. Исследование выполнено по данным о годовом индексе реального валового внутреннего продукта, квартальных индексах инвестиций в основной капитал и среднегодовых ценах на нефть за 2008–2025 гг. Оценены альтернативные спецификации моделей, различающиеся структурой распределенных лагов и параметризацией весовой функции, проведено их сравнение по информационным критериям и прогнозным характеристикам. Полученные результаты подтверждают необходимость учета временной структуры капитальных вложений при оценке эффективности инвестиционной политики. Использование моделей смешанной частоты позволяет повысить достоверность оценки инвестиционного эффекта и может служить инструментом обоснования решений в области управления государственными и корпоративными инвестициями.

Ключевые слова: инвестиции, экономический рост, валовой внутренний продукт, инвестиционная активность, данные смешанной частоты, распределенные лаги, прогнозирование

FIXED CAPITAL INVESTMENT AS A DRIVER OF ECONOMIC GROWTH: MIXED-FREQUENCY MODELS

Babeshko L. O. ORCID ID 0000-0002-7692-3894

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
Moscow, Russian Federation, e-mail: LBabeshko@fa.ru*

Fixed capital investment is one of the principal instruments of government investment policy and a major source of long-term economic growth. Quantitative assessment of investment efficiency is complicated by the different publication frequencies of macroeconomic indicators. Investment activity evolves within a year, whereas economic growth is typically evaluated using annual data. Aggregating quarterly observations into annual values results in the loss of information on the intra-year dynamics of investment activity. Mixed-frequency models make it possible to combine variables observed at different frequencies without prior temporal aggregation. The purpose of this study is to assess the impact of fixed capital investment on the economic growth of the Russian Federation using mixed-frequency models and to identify the lag structure of the investment effect. The analysis is based on annual indices of real gross domestic product, quarterly indices of fixed capital investment, and average annual Brent oil prices for the period 2008–2025. Alternative model specifications with different distributed lag structures and weighting functions are estimated and compared using information criteria and forecasting performance. The results demonstrate the importance of accounting for the temporal distribution of investment when assessing the effectiveness of investment policy. Mixed-frequency models provide a more accurate assessment of the investment effect by preserving information contained in quarterly investment indicators. The proposed approach can be used to support decision-making in public investment policy, corporate investment management, and macroeconomic forecasting.

Keywords: investment, economic growth, gross domestic product, investment activity, distributed lags, forecasting, mixed-frequency data

Введение

Экономический рост является одним из основных показателей, характеризующих эффективность функционирования национальной экономики. Достоверная оценка и прогнозирование динамики валового внутреннего продукта необходимы для разработки бюджетной, инвестиционной и денежно-кредитной политики, оценки перспектив социально-экономического развития и принятия управленческих решений.

Одним из важнейших факторов экономического роста выступают инвестиции в основной капитал, определяющие возможности расширения производственного потенциала экономики, технологического обновления предприятий и повышения конкурентоспособности национального хозяйства. Современные исследования подтверждают определяющую роль инвестиционной активности в обеспечении экономического роста и структурной трансформации российской экономики [1]. Поэтому количественная оценка вклада инвестиций в динамику валового внутреннего продукта важна для обоснования инвестиционной политики государства и бизнеса.

Решение этой задачи осложняется различной периодичностью публикации статистических показателей. В настоящем исследовании годовой индекс реального валового внутреннего продукта рассматривается совместно с квартальными данными об инвестициях в основной капитал. Агрегирование квартальных данных до годового уровня приводит к потере информации о внутригодовой динамике капитальных вложений, вследствие чего оценки влияния инвестиций на экономический рост могут оказаться менее точными.

Для решения этой проблемы применяются модели смешанной частоты (Mixed Data Sampling, MIDAS). В отличие от традиционных моделей распределенных лагов, модели смешанной частоты используют параметризованную систему весов, что дает возможность учитывать влияние высокочастотных регрессоров при относительно небольшом числе оцениваемых параметров.

Регрессионные модели смешанной частоты получили широкое распространение при исследовании макроэкономических и финансовых процессов, поскольку позволяют совместно использовать показатели, публикуемые с различной периодичностью. Их применение охватывает прогнозирование волатильности финансовых рынков, оценку инфляционных процессов, прогнозирование валового внутреннего продукта, оперативную оценку текущего состояния экономики (наукастинга, nowcasting), ана-

лиз финансовых рисков и исследование факторов экономического роста.

Одной из первых прикладных работ, продемонстрировавших возможности моделей смешанной частоты в финансовой эконометрике, является исследование Ghysels, Santa-Clara и Valkanov [2]. Авторы предложили использовать модели MIDAS для прогнозирования волатильности финансовых рынков на основе высокочастотных данных о доходности финансовых активов. Показано, что параметризованные распределенные лаги позволяют эффективно использовать высокочастотную информацию при небольшом числе оцениваемых параметров и обеспечивают более высокую точность прогнозирования волатильности.

Теоретическое развитие моделей смешанной частоты представлено в работе Andreou, Ghysels и Kourtellos [3]. На примере модели экономического роста Солоу авторы показали преимущества использования высокочастотной информации без предварительного агрегирования данных. Предложенная параметризованная система весов распределенных лагов позволяет избежать потери информации, характерной для традиционного агрегирования, а результаты асимптотического анализа и моделирования методом Монте-Карло подтверждают более высокую эффективность моделей MIDAS по сравнению с традиционными подходами.

Дальнейшее развитие моделей смешанной частоты связано с их использованием в задачах краткосрочного макроэкономического прогнозирования. Andreou, Ghysels и Kourtellos [4] предложили использовать ежедневные финансовые показатели для оценки текущего состояния экономики и прогнозирования квартального валового внутреннего продукта. На основе большого массива финансовых данных сформированы интегральные факторы, обеспечивающие повышение точности наукастинга и краткосрочного прогнозирования экономического роста.

Сравнение моделей смешанной частоты с альтернативными методами прогнозирования выполнено в работе Bai, Ghysels и Wright [5], где регрессии MIDAS сопоставлены с моделями пространства состояний и фильтром Калмана. Авторы показали, что модели MIDAS обеспечивают сопоставимую точность прогнозов валового внутреннего продукта и инфляции при значительно более простой спецификации модели и меньшей чувствительности к ошибкам спецификации.

Сопоставлению моделей MIDAS и бридж-моделей посвящено исследование Schumacher [6]. На данных стран еврозоны автор показал, что модели MIDAS обладают

преимуществами при оперативной оценке валового внутреннего продукта благодаря непосредственному многошаговому прогнозированию, использованию параметризованных распределенных лагов и возможности учета опережающих высокочастотных показателей.

Развитию вычислительного инструментария посвящены работы Ghysels, Kvedaras и Zemlys [7] и Ghysels, Qian [8]. В первой работе представлен программный пакет *midasr* для среды R, реализующий современные методы оценивания, выбора спецификации, диагностики и прогнозирования моделей MIDAS. Во второй работе предложен новый способ оценивания регрессий смешанной частоты на основе метода наименьших квадратов с профилированием параметров полиномиальной функции весов, позволяющий снизить вычислительную сложность оценивания и расширить область применения моделей MIDAS.

Значительное число исследований посвящено использованию моделей смешанной частоты и альтернативных методов для оперативной оценки валового внутреннего продукта. Dahlhaus, Guénette и Vasishtha [9] применили динамические факторные модели для наукастинга темпов роста ВВП стран BRIC+M. Поршаков, Пономаренко и Синяков [10] разработали динамическую факторную модель для оперативной оценки ВВП России. Микош и Соланко [11] выполнили сравнительный анализ моделей MIDAS, U-MIDAS и bridge-моделей при прогнозировании российского ВВП, показав преимущества моделей смешанной частоты.

Zhemkov [12] предложил метод комбинирования прогнозов большого числа эконометрических моделей для оперативной оценки российского ВВП. Макеева и Станкевич [13] сравнили ограниченные и неограниченные модели MIDAS, MIDAS с L1-регуляризацией, MFBVAR (байесовская векторная авторегрессионная модель смешанной частоты) и классические авторегрессионные модели, установив, что выбор спецификации существенно влияет на точность наукастинга.

Отдельное направление исследований связано с использованием моделей смешанной частоты для анализа финансовых условий и оценки финансовых рисков. Ferrara, Mogliani и Sahuc [14] предложили байесовскую квантильную MIDAS-модель для мониторинга риска экономического роста, показав, что ежедневные финансовые индикаторы обеспечивают своевременное выявление рисков ухудшения экономической конъюнктуры, повышают точность оперативной оценки валового внутреннего продукта и позволяют оценивать влияние

мер денежно-кредитной политики в режиме реального времени.

Проведенный обзор показывает, что опубликованные исследования посвящены преимущественно применению моделей смешанной частоты для прогнозирования валового внутреннего продукта, оперативной оценки макроэкономической динамики, анализа финансовых рынков, мониторинга финансовых рисков и других задач макроэкономического прогнозирования. Одновременно активно развивается эконометрический аппарат моделей MIDAS, включая методы оценивания, процедуры выбора спецификации и сравнительный анализ с альтернативными подходами.

Исследованию влияния инвестиций на экономический рост посвящен ряд современных работ. В работе [15] инвестиционный фактор представлен капиталом НИОКР, рассчитанным методом постоянной инвентаризации. Авторы используют панельные данные Росстата по 76 регионам России за 2001–2021 гг. и оценивают статические и динамические пространственные модели Дарбина. Прямое исследование связи инвестиций в основной капитал и ВВП представлено в работе [16], в которой на основе дефлированных данных по России за 2000–2019 гг. построена модель с бесконечным распределенным лагом. Оценены краткосрочный и долгосрочный мультипликаторы инвестиций, а также выявлен положительный эффект инвестиционных вложений в основной капитал на ВВП, распределенный во времени.

В статье [17] анализируется динамика инвестиций в основной капитал в России и ее взаимосвязь с изменениями реального ВВП. Выделены основные этапы расширения и сокращения инвестиционной и производственной активности, а также рассмотрены факторы, обусловившие изменение темпов валового накопления основного капитала. На основе межотраслевого анализа выявлены лидирующие направления по темпам роста инвестиционной активности. Показано, что воспроизводство активной части основного капитала российской промышленности с начала 2000-х гг. характеризуется преимущественно негативными тенденциями. Обосновывается необходимость наращивания инвестиционных вложений в основной капитал в отдельных отраслях российской экономики.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о неоднозначности причинно-следственной связи между инвестициями в основной капитал и экономическим ростом. Наряду с выявленным положительным влиянием инвестиционной активности на выпуск [1; 18], исследования

причинности демонстрируют возможность двунаправленной связи между инвестициями и экономическим ростом [19]. При этом направление и характер взаимосвязи могут различаться в кратко- и долгосрочном периодах, что подчеркивает важность учета временных лагов при оценке влияния инвестиционной активности на выпуск.

Учет временной структуры взаимосвязи требует также сохранения информации о динамике показателей внутри года. В большинстве рассмотренных исследований показатели инвестиций и выпуска приводятся к единой частоте наблюдений либо влияние инвестиционной активности оценивается с использованием стандартных моделей распределенных лагов. В настоящей работе применяется подход со смешанной частотой наблюдений: годовой индекс физического объема ВВП моделируется с использованием квартального индекса физического объема инвестиций в основной капитал. Такой подход позволяет сохранить внутригодовую информацию об инвестиционной динамике и оценить распределенное во времени влияние квартальных изменений инвестиционной активности на годовую динамику ВВП. Выбор MIDAS-регрессии обусловлен тем, что данный класс моделей позволяет оценивать взаимосвязи между показателями, наблюдаемыми с различной частотой, без предварительного агрегирования высокочастотной информации.

Цель исследования – оценка влияния инвестиций в основной капитал на экономический рост Российской Федерации на основе моделей смешанной частоты, сравнении альтернативных спецификаций с различной структурой распределенных лагов и определении лаговой структуры, обеспечивающей наиболее адекватную оценку инвестиционного эффекта и высокое качество прогнозирования.

Материалы и методы исследования

В качестве эмпирической базы использованы официальные статистические данные Российской Федерации за 2008–2025 гг., включающие годовой индекс реального валового внутреннего продукта, квартальные индексы инвестиций в основной капитал и среднегодовые цены на нефть марки Brent. Методологическую основу исследования составляют модели регрессии смешанной частоты (MIDAS), позволяющие оценивать влияние квартальных показателей инвестиционной активности на годовую динамику экономического роста без предварительного агрегирования высокочастотной информации. Выбор спецификаций осуществлялся путем сравнения моделей с различной структурой распре-

деленных лагов по информационным критериям, показателям качества аппроксимации и прогнозным характеристикам.

Ограничением исследования является небольшой объем низкочастотной выборки, обусловленный использованием годового индекса реального ВВП в качестве зависимой переменной. Несмотря на наличие квартальных данных по инвестициям в основной капитал, число наблюдений для оценки моделей определяется частотой зависимой переменной и составляет 17 годовых значений за 2008–2024 гг. Расширение временного интервала ограничено необходимостью обеспечения сопоставимости статистических показателей, рассчитанных в единой методологии. Использование более ранних данных может привести к нарушению однородности временных рядов вследствие изменений в статистическом учете и структурных характеристиках экономики. Поэтому результаты интерпретируются как сравнительная оценка альтернативных спецификаций MIDAS в рамках рассматриваемого периода.

Результаты исследования и их обсуждение

Модель смешанной частоты MIDAS представляет собой регрессионную модель, объединяющую временные ряды с различной периодичностью наблюдений. Зависимая переменная наблюдается с более низкой частотой. В настоящем исследовании в качестве зависимой переменной используется годовой индекс реального валового внутреннего продукта Российской Федерации. Основным объясняющим фактором выступают квартальные инвестиции в основной капитал. Использование квартальных данных позволяет учитывать внутригодовую динамику инвестиционной активности без предварительного агрегирования до годового уровня. При необходимости в модель могут включаться дополнительные (контрольные) переменные, наблюдаемые с той же периодичностью, что и зависимая переменная.

Связь между низкочастотной зависимой переменной и высокочастотными регрессорами задается системой распределенных лагов. В отличие от классических моделей распределенных лагов, широко применяемых при моделировании экономических процессов [20], в моделях MIDAS оцениваются не отдельные коэффициенты при каждом лаге, а параметры функции весов. Это позволяет существенно сократить число оцениваемых параметров и избежать переобучения модели при ограниченном объеме выборки. Наиболее распространенными являются линейные полиномы Ал-

мон, экспоненциальные полиномы Алмон и бета-полиномы [7, 3]. Общая спецификация модели MIDAS включает следующие составляющие

$$y_t = \beta_0 + z_t^T \beta + \sum_{j=l}^u w(j, \theta) x_{t-j/m} + \varepsilon_t,$$

где y_t – низкочастотная зависимая переменная; z_t – вектор низкочастотных регрессоров; β – вектор параметров низкочастотных регрессоров; $x_{t-j/m}$ – высокочастотный регрессор; $w(j, \theta)$ – функция весов распределенных лагов; θ – вектор параметров весовой функции распределенных лагов; m – отношение частот; l, u – нижняя и верхняя границы окна лагов; ε_t – случайная ошибка.

В качестве базовой спецификации в работе используется модель, связывающая годовой индекс реального валового внутреннего продукта (DGP_t) с квартальными инвестициями в основной капитал ($INV_{t-j/4}$):

$$DGP_t = \alpha + \sum_{j=l}^u w(j, \theta) INV_{t-j/4} + \varepsilon_t. \quad (1)$$

Начало оценочной выборки определяется наличием всех необходимых лаговых значений высокочастотного регрессора. Для заданного окна лагов $l:u$ в каждый момент времени t должны быть доступны значения инвестиционного показателя:

$$INV_{t-l/4}, \dots, INV_{t-u/4}.$$

Поэтому первое наблюдение, включаемое в оценивание, определяется максимальной величиной квартального лага u . При увеличении верхней границы окна лагов в модель включаются более ранние значения инвестиционного показателя, что требует наличия дополнительных исторических данных.

Предварительные вычислительные эксперименты показали, что модели с экспоненциальным полиномом Алмон и бета-полиномом характеризуются менее устойчивой процедурой нелинейного оценивания по сравнению с линейным полиномом Алмон. Поэтому для моделирования высокочастотных регрессоров выбран линейный полином Алмон.

Помимо инвестиций в основной капитал на динамику валового внутреннего продукта воздействуют макроэкономические показатели, для учета их влияния в спецификацию моделей MIDAS включают контрольные переменные. Для российской экономики нефтяные цены являются одним из основных факторов, определяющих экспортные доходы, состояние платежного баланса, бюджетные поступления, инвестиционную активность и темпы экономического

роста. Учет нефтяной конъюнктуры позволяет оценить вклад инвестиций в основной капитал с учетом влияния одного из значимых внешних факторов, определяющих динамику российской экономики.

Поскольку оценивание моделей выполнено по 17 годовым наблюдениям (2008–2024 гг.), которым соответствуют 68 квартальных наблюдений инвестиций в основной капитал, и число независимых наблюдений определяется годовым рядом зависимой переменной, включение большого числа дополнительных регрессоров и использование сложных функций весов приводит к сокращению степеней свободы и снижению устойчивости оценок. В этих условиях использование цены нефти марки *Brent* в качестве единственной контрольной переменной представляется экономически и статистически наиболее обоснованным.

Расширенная спецификация, включающая мировые цены на нефть, принимает вид

$$DGP_t = \alpha + \beta \cdot Oil_t + \sum_{j=l}^u w(j, \theta) INV_{t-j/4} + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где $INV_{t-j/4}$ – квартальные инвестиции в основной капитал (высокочастотные регрессоры, $m=4$); Oil_t – среднегодовая цена нефти марки *Brent* (низкочастотный регрессор).

Одним из важнейших элементов спецификации моделей MIDAS является выбор временного окна высокочастотных лагов ($l:u$), которое определяет состав квартальных наблюдений инвестиций, используемых при объяснении годового значения валового внутреннего продукта. В работе сравниваются четыре спецификации моделей MIDAS, различающиеся границами окна высокочастотных лагов: 0:3, 1:4, 2:5 и 3:6. В табл. 1 приведено соответствие окон высокочастотных лагов диапазонам квартальных наблюдений инвестиций, используемым в пакете *midasr* [7].

Параметры моделей MIDAS оцениваются нелинейным методом наименьших квадратов, реализованным в пакете *midasr* среды *R*.

При выборе окончательной спецификации модели учитывались информационные критерии, статистическая значимость коэффициентов, устойчивость оценок и качество прогнозирования, что соответствует современным подходам к оценке устойчивости эконометрических моделей [21]. Это позволяет определить лаговую структуру, наиболее адекватно отражающую временной механизм влияния инвестиций в основной капитал на экономический рост Российской Федерации. Структура и источники выборочных данных представлены в табл. 2.

Таблица 1

Окна высокочастотных лагов в моделях MIDAS

Окно высокочастотных лагов ($l:u$)	Используемые кварталы инвестиций
0:3	I–IV кварталы текущего года
1:4	IV квартал предыдущего года, I–III кварталы текущего года
2:5	III–IV кварталы предыдущего года, I–II кварталы текущего года
3:6	II–IV кварталы предыдущего года, I квартал текущего года

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 2

Структура и источники выборочных данных

Переменная	Обозначение	Частота	Источник и идентификатор ряда
Индекс физического объема ВВП	DGP_t	годовая	Росстат, ВВП годы (с 1995)*
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал	INV_t	квартальная	2008Q1-2020Q4: НИУ ВШЭ, SOPHIST, код ряда: INVFC_Q_DIRI; 2021Q1-2025Q4: ЕЭК**, код формата F10.01.04
Среднегодовая цена нефти Brent	Oil_t	годовая	U.S. EIA, Series ID: PET.RBRTE.A. Europe Brent Spot Price FOB (Dollars per Barrel), Annual***

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

* Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. URL: Росстат – раздел «Национальные счета» (дата обращения: 18.06.2026).

** Для периода 2008Q1-2020Q4 использован статистический ряд НИУ ВШЭ SOPHIST INVFC_Q_DIRI – индекс физического объема инвестиций в основной капитал. В связи с ограниченной доступностью данных SOPHIST за последующий период значения за 2021Q1-2025Q4 дополнены данными Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, квартальные данные, код формата ЕЭК F10.01.04. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/current_stat/investments/series/ (дата обращения: 18.06.2026).

*** U.S. Energy Information Administration (EIA). Europe Brent Spot Price FOB (Dollars per Barrel), Annual. Series ID: PET.RBRTE.A. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/rbrteA.htm> (дата обращения: 18.06.2026).

В качестве исходных данных используются индексы физического объема валового внутреннего продукта и инвестиций в основной капитал, характеризующие изменение показателей относительно соответствующего периода предыдущего года. Использование относительных показателей позволяет существенно снизить влияние сезонных колебаний и долгосрочного тренда.

Для исследования влияния структуры квартальных лагов инвестиций на экономический рост были оценены несколько спецификаций моделей. Основное внимание уделено моделям с параметризованной функцией весов полинома Алмон, которые получили наиболее широкое распространение в прикладных исследованиях благодаря компактной параметризации и устойчивости оценивания [7, 3, 8]. В этих моделях четыре квартальных коэффициента распределенных лагов определяются двумя оцениваемыми параметрами полиномиальной функции весов.

В качестве альтернативной спецификации дополнительно исследованы модели с нормализованным экспоненциальным полиномом Алмон (Nealmon), допускающим более гибкую форму распределения лаговых весов. Сравнение моделей с полиномами Almon и Nealmon позволяет оценить чувствительность результатов к выбору параметрической функции весов. Для каждой функции весов, как отмечено в табл. 1, рассмотрены четыре варианта временного окна высокочастотных лагов: 0:3, 1:4, 2:5 и 3:6, соответствующие различным сочетаниям кварталов текущего и предыдущего года. Дополнительно оценены модели с включением и без включения контрольной переменной – среднегодовой цены нефти Brent, что позволило оценить влияние макроэкономического контроля на качество моделей и устойчивость оценки инвестиционного эффекта. В табл. 3 представлены статистические характеристики значимости и качества моделей (1).

Таблица 3

Сравнение моделей MIDAS с полиномом Алмон
при различных окнах квартальных лагов

Окно лагов ($l:u$)	R^2	F	p -value	AIC	BIC	σ	Прогноз ВВП на 2025 г., %
0:3	0,42	5,16	0,0210	88,20	91,53	2,82	102,66
1:4	0,47	5,67	0,0169	81,9	84,89	2,69	98,92
2:5	0,51	6,65	0,0103	80,56	83,66	2,59	101,48
3:6	0,37	3,87	0,0481	84,36	87,45	2,92	104,24

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 4

Проверка устойчивости оптимальной спецификации MIDAS
(окно лагов 2:5)

Спецификация модели	R^2	F	p -value	AIC	BIC	σ	Прогноз ВВП на 2025 г., %
Almon (1)	0,51	6,65	0,0103	80,56	83,66	2,59	101,48
Almon (2)	0,52	4,35	0,0271	82,05	85,91	2,66	100,92
Nealmon (1)	0,51	6,87	0,0092	80,29	83,38	2,57	101,99
Nealmon (2)	0,16	0,74	0,5496	91,13	94,99	3,53	100,53

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

При расширении окна распределенных лагов, как было отмечено выше, первые наблюдения исключаются из оценки из-за отсутствия соответствующих квартальных данных. Это было учтено при вычислении статистик характеризующих качество и статистическую значимость моделей.

Среди моделей с полиномом Алмон наилучшие значения коэффициента детерминации R^2 , F -статистики, информационных критериев AIC и BIC , а также остаточной стандартной ошибки модели достигаются при окне лагов 2:5. Полученные результаты свидетельствуют, что использование инвестиционных данных за период с III квартала предыдущего года по II квартал текущего года обеспечивает наилучшее сочетание статистических характеристик качества модели и прогнозных свойств.

В табл. 4 приводятся результаты сравнения оптимальной спецификации MIDAS (окно лагов 2:5) для моделей (1) и (2), с разными функциями весов.

В последнем столбце табл. 3 и 4 приведены прогнозы индекса реального ВВП Российской Федерации на 2025 г. Поскольку фактическое значение показателя (101,0 %) не использовалось при оценивании моделей, полученные прогнозы характеризуют их вневыборочные прогностические свойства. Минимальная абсолютная ошибка

прогноза (0,08 процентного пункта) получена для модели с полиномом Алмон, окном лагов 2:5 и включением цены нефти Brent в качестве контрольной переменной.

Проверка устойчивости показала, что модели с функциями весов Almon и Nealmon обеспечивают близкие результаты. Незначительное преимущество модели Nealmon по информационным критериям (менее 0,3 пункта по AIC и BIC) не сопровождается улучшением остальных характеристик качества и исчезает при включении контрольной переменной. Одним из возможных объяснений этого может служить снижение устойчивости нелинейной процедуры оценивания при усложнении спецификации и небольшом объеме выборки. Аналогичные проблемы численной реализации нелинейных MIDAS-моделей отмечаются в работе Ghysels и Qian [8], в которой для повышения устойчивости оценивания предложена процедура профилирования параметров полиномиальной функции весов. Это позволяет рекомендовать полином Алмон в качестве базовой функции весов благодаря более простой параметризации и устойчивой процедуре оценивания.

Заключение

В работе исследовано влияние инвестиций в основной капитал на экономический

рост Российской Федерации с использованием моделей регрессии смешанной частоты (MIDAS), позволяющих учитывать квартальную динамику инвестиционной активности без предварительного агрегирования данных до годового уровня.

Выполнено сравнение моделей с различными окнами высокочастотных лагов квартальных инвестиций. Установлено, что наилучшие статистические характеристики достигаются при использовании окна лагов 2:5, включающего инвестиции с III квартала предыдущего года по II квартал текущего года. Данная спецификация обеспечивает наилучшее сочетание статистических характеристик качества модели. Полученные результаты свидетельствуют, что влияние инвестиций в основной капитал на экономический рост реализуется не мгновенно, а с временным лагом между осуществлением капитальных вложений и их вкладом в экономический рост.

Проверка устойчивости моделей подтвердила предпочтительность использования полинома Алмон в качестве базовой функции весов. Включение среднегодовой цены нефти Brent в качестве контрольной переменной не приводит к значительному улучшению качества модели, что свидетельствует о доминирующем влиянии инвестиционной активности на объяснение вариации рассматриваемого показателя в рамках выбранной спецификации.

Полученные результаты расширяют область применения моделей смешанной частоты в исследованиях инвестиционных процессов. В отличие от большинства существующих работ, ориентированных преимущественно на прогнозирование макроэкономических показателей, настоящее исследование демонстрирует возможности моделей MIDAS для количественной оценки инвестиционного эффекта и обоснования выбора структуры распределенных лагов.

Предложенный подход может быть использован при разработке моделей оценки эффективности инвестиционной политики и прогнозирования экономического роста на основе высокочастотных инвестиционных индикаторов.

Список литературы

1. Сухарев О. С. Инвестиционная функция экономического роста России // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 1. С. 35–50. URL: <https://financetp.fa.ru/jour/article/view/1133> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-1-35-50.
2. Ghysels E., Santa-Clara P., Valkanov R. Predicting Volatility: Getting the Most Out of Return Data Sampled at Different Frequencies // Journal of Econometrics. 2006. Vol. 131. Is. 1–2. P. 59–95. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304407605000060> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.jeconom.2005.01.004.
3. Andreou E., Ghysels E., Kourtellis A. Regression Models with Mixed Sampling Frequencies // Journal of Econometrics. 2010. Vol. 158. Is. 2. P. 246–261. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0304407610000072> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.jeconom.2010.01.004.
4. Andreou E., Ghysels E., Kourtellis A. Should Macroeconomic Forecasters Use Daily Financial Data and How? // Journal of Business & Economic Statistics. 2013. Vol. 31. Is. 2. P. 240–251. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07350015.2013.767199> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1080/07350015.2013.767199.
5. Bai J., Ghysels E., Wright J. State Space Models and MIDAS Regressions // Econometric Reviews. 2013. Vol. 32. Is. 7. P. 779–813. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07474938.2012.690675> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1080/07474938.2012.690675.
6. Schumacher C. A Comparison of MIDAS and Bridge Equations // International Journal of Forecasting. 2016. Vol. 32. Is. 2. P. 257–270. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0169207015001144> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.ijforecast.2015.07.004.
7. Ghysels E., Kvedaras V., Zemlys V. Mixed Frequency data sampling regression models: the R package midasr // Journal of Statistical Software. 2016. Vol. 72. Is. 4. P. 1–35. URL: <https://www.jstatsoft.org/v72/i04/> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.18637/jss.v072.i04.
8. Ghysels E., Qian H. Estimating MIDAS regressions via OLS with polynomial parameter profiling // Econometrics and Statistics. 2019. Vol. 9. P. 1–16. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2452306218300066> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.ecosta.2018.02.001.
9. Dahlhaus T., Guenette J. D., Vasishta G. Nowcasting BRIC+M in real time // International Journal of Forecasting. 2017. Vol. 33. Is. 4. P. 915–935. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0169207017300572> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.ijforecast.2017.05.002.
10. Porshakov A., Ponomarenko A., Sinyakov A. Nowcasting and Short-Term Forecasting of Russian GDP with a Dynamic Factor Model // Journal of New Economic Association. 2016. Vol. 2 (30). P. 60–76. URL: <https://www.econorus.org/enjsub.php?id=311> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.31737/2221-2264-2016-30-2-3.
11. Микош Х., Соланко Л. Прогнозирование роста российского ВВП с использованием данных со смешанной периодичностью // Деньги и кредит. 2019. № 78 (1). С. 19–35. URL: <https://rjmf.econs.online/2019/1/forecasting-quarterly-russian-gdp-growth-with-mixed-frequency-data/> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.31477/rjmf.201901.19.
12. Zhemkov M. Nowcasting Russian GDP using forecast combination approach // International Economics. 2021. Vol. 168. P. 10–24. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2110701721000524> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.inteco.2021.07.006.
13. Макеева Н. М., Станкевич И. П. Наукастинг элементов использования ВВП России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. № 26 (4). С. 598–622. URL: <https://ej.hse.ru/article/view/29170> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-598-622.
14. Ferrara L., Mogliani M., Sahuc J.-G. High-Frequency monitoring of growth at risk. International Journal of Forecasting. 2022. Vol. 38. Is. 2. P. 582–595. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0169207021001102> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.1016/j.ijforecast.2021.06.010.
15. Раецкий А. М., Терещенко Д. С. Экономический рост и инвестиции в НАО: эмпирический анализ российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2 (67). С. 46–64. URL: <https://www.>

econorus.org/sub.phtml?id=457 (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.31737/22212264_2025_2_46-64.

16. Конорев А. М., Барсуков М. В., Осиневич Л. М. Кредитные источники финансирования инвестиций в основной капитал как инструмент стимулирования экономического роста // *Фундаментальные исследования*. 2020. № 12. С. 114–119. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=42919> (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.17513/ff.42919.

17. Потапенко А. В. Динамика инвестиций в основной капитал в России в 2011–2021 гг. // *Проблемы современной экономики*. 2023. № 3 (87). С. 89–94. URL: <https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7610> (дата обращения: 21.07.2026).

18. Morina F., Misiri V., Gashi F. Long-term Relationship between Investment and Economic Growth: A Cointegration Analysis of OECD Countries // *European Journal of Govern-*

ment and Economics. 2023. Vol. 12. Is. 2. P. 175–195. URL: [European Journal of Government and Economics](https://www.ejge.org/issue/view.aspx?issn=1799-7999&issueId=122264) (дата обращения: 21.07.2026). DOI: 10.17979/ejge.2023.12.2.9909.

19. Lach L. Fixed Capital and Long Run Economic Growth: Evidence from Poland // *Systems Science*. 2010. Vol. 36. Is. 4. P. 33–50. URL: https://www.researchgate.net/publication/259265106_Fixed_capital_and_long_run_economic_growth_evidence_from_Poland (дата обращения: 21.07.2026).

20. Бабешко Л. О. Моделирование инвестиционных процессов: оценка распределенных лагов методом Драймза // *Управление риском*. 2016. № 1 (77). С. 36–41. URL: <https://start.rucont.ru/efd/603179> (дата обращения: 21.07.2026).

21. Бабешко Л. О., Бывшев В. А. Анализ стабильности модели прогнозирования объемов взаимной торговли России с партнерами БРИКС // *Финансы: теория и практика*. 2025. Т. 29 № 4. С. 129–145. URL: [10.26794/2587-5671-2025-29-4-1902-01](https://www.financet.ru/efd/2587-5671-2025-29-4-1902-01). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-4-1902-01.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Financing: The article was prepared based on the results of research conducted using budgetary funds allocated under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ МАСШТАБИРОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Герасимова К. А. ORCID ID 0000-0001-5421-5937

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: k.a.gerasimova@list.ru*

В статье анализируются финансовые риски и институциональные ограничения масштабирования инициативного бюджетирования в регионах России на основе данных 2024–2025 гг. Эмпирическую базу составили официальные материалы Минфина России, Счётной палаты и НИФИ. С применением статистического, сравнительного и системного методов показано, что сокращение планового объёма межбюджетных трансфертов на 9,3% (с 3,59 до 3,26 трлн руб.) сопровождалось уменьшением числа реализованных проектов на 15% (с 37,4 до 31,8 тыс.) при росте доли внебюджетного софинансирования. Автор подчёркивает, что данное сопутствующее изменение не позволяет установить причинно-следственную связь ввиду ограниченности временного ряда и отсутствия контроля региональных факторов. Выявлено, что 56,1% МБТ утверждаются с корректировками в ходе исполнения бюджета, что создаёт неопределённость для муниципальных планировщиков. Отмечено недостаточное использование цифровых платформ, краудфандинга и цифровых финансовых активов, а также слабое вовлечение молодёжи и социально уязвимых групп, что препятствует масштабированию. Систематизированы три группы рисков: институционально-бюджетные, технологические и организационно-масштабные. В качестве гипотетических направлений их минимизации предложены переход к многолетнему планированию субсидий, внедрение цифровых инструментов и разработка методик тиражирования, однако реализация этих мер требует пилотной апробации и корректировки нормативной базы.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, масштабирование инициативного бюджетирования, финансовые риски и ограничения, цифровые финансовые инструменты, повышение эффективности инициативного бюджетирования, межбюджетные трансферты

FINANCIAL RISKS AND LIMITATIONS OF SCALING INITIATIVE BUDGETING IN RUSSIA'S REGIONS

Gerasimova K. A. ORCID ID 0000-0001-5421-5937

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Rostov State University of Economics (RINH)”, Rostov-on-Don,
Russian Federation, e-mail: k.a.gerasimova@list.ru*

The paper examines financial risks and institutional constraints hindering the scaling of participatory budgeting in Russian regions, using data for 2024–2025. The empirical basis includes official materials from the Russian Ministry of Finance, the Accounts Chamber, and the Financial Research Institute. Employing statistical, comparative, and systemic methods, the study shows that a 9.3% reduction in planned interbudgetary transfers (from 3.59 to 3.26 trillion rubles) was accompanied by a 15% decrease in the number of implemented projects (from 37.4 to 31.8 thousand), alongside an increase in the share of extra-budgetary co-financing. The author emphasises that this concomitant change does not allow establishing a causal relationship due to the limited time series and the lack of control for regional factors. It is found that 56.1% of transfers are approved with amendments during budget execution, creating uncertainty for municipal planners. The study notes underutilisation of digital platforms, crowdfunding, and digital financial assets, as well as weak involvement of youth and vulnerable groups, which hinders scalability. Three groups of risks are systematised: institutional-budgetary, technological, and organisational-scale. As hypothetical measures to mitigate them, the paper suggests a transition to multi-year subsidy planning, introduction of digital tools, and development of replication methodologies; however, their implementation requires pilot testing and regulatory adjustments.

Keywords: participatory budgeting, scaling participatory budgeting, financial risks and constraints, digital financial instruments, improving the effectiveness of participatory budgeting, intergovernmental transfers

Введение

В современной системе публичных финансов Российской Федерации инициативное бюджетирование (ИБ) утвердилось в качестве одного из ключевых механизмов вовлечения граждан в решение вопросов местного значения и повышения прозрачности бюджетного процесса. За период с 2015 по 2024 год практика ИБ про-

шла путь от локальных пилотных проектов до масштабного института, охватывающего большинство субъектов РФ и десятки тысяч муниципальных образований. Однако значительный рост числа проектов и объёмов финансирования, достигнутый в прошлом десятилетии, в последние годы столкнулся с эффектом «плато»: при сохранении общего тренда на развитие ИБ наблюдается замед-

ление темпов прироста проектов, сокращение их количества и нарастание системных дисбалансов в финансовом обеспечении.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью переосмысления финансовой архитектуры ИБ в условиях макроэкономической нестабильности, снижения межбюджетных трансфертов (МБТ) и трансформации бюджетного законодательства. В системе ИБ в настоящее время наблюдается возникновение финансовых рисков, которые связаны со снижением эффективности использования бюджетных средств и снижением доверия со стороны граждан к инструментам ИБ. При этом важно отметить, что эмпирический анализ в данной работе базируется на данных 2024–2025 гг. в агрегированном по Российской Федерации виде, что не позволяет установить строгие причинно-следственные связи между изменениями межбюджетных трансфертов и динамикой проектов ИБ.

В современной экономической литературе наряду с наличием значительного объема работ, посвященных отдельным аспектам ИБ, наблюдается недостаточность исследования финансовых рисков и институциональных барьеров для развития проектов ИБ. Также недостаточно изучена взаимосвязь между объемом межбюджетных трансфертов и результативностью реализуемых инициативных проектов. Следует отметить и недостаточность исследования рисков, связанных с реализацией нового Федерального закона № 33-ФЗ¹, а также отсутствие систематизации ограничений, препятствующих привлечению дополнительных (либо альтернативных) источников финансирования инициативных проектов.

Цель настоящего исследования заключается в комплексной диагностике финансовых рисков и институциональных ограничений, сдерживающих масштабирование инициативного бюджетирования в регионах Российской Федерации, с последующей типологизацией выявленных барьеров по уровням их возникновения (федеральный, региональный, муниципальный) и характеру воздействия на результативность проектов.

Материалы и методы исследования

Теоретической и методологической базами исследования послужили работы российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам бюджетного федерализма, инициативного бюджетирования

и анализу проектно-программных механизмов финансирования социально значимых инициатив. Эмпирической основой исследования послужили официальные данные Министерства финансов России и Счетной палаты Российской Федерации за 2024–2025 гг., а также аналитические обзоры Научно-исследовательского финансового института Минфина России за 2024 и 2025 гг. В качестве методов исследования применялись статистический метод для расчетов темпов роста, долей и абсолютных изменений по опубликованным годовым отчетам; сравнительно-правовой метод для сопоставления показателей двух лет; системный анализ для группировки рисков.

Анализ динамики ключевых показателей ИБ в Российской Федерации за 2024–2025 гг. (табл. 1) показывает, что при общем значительном накопленном объеме (свыше 217 тыс. проектов на сумму более 300 млрд руб., реализованных в 81 регионе) в 2025 г. наблюдается уменьшение числа проектов до 31,8 тыс. против 37,4 тыс. в 2024 г. и снижение доли местного софинансирования с 54% до 47%. Данная разнонаправленная динамика (рост общей стоимости проектов при сокращении их количества) указывает на возможное наличие системных ограничений, однако для выявления их точной природы и оценки вклада каждого фактора необходим более детальный анализ, выходящий за рамки двухлетнего агрегированного сопоставления.

Ключевой финансовый риск, выявленный в ходе исследования, связан с нестабильностью и непредсказуемостью объемов межбюджетных трансфертов, выделяемых из региональных и федерального бюджетов на софинансирование инициативных проектов. В соответствии с «Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов», плановый объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в 2025 году составил 3,26 трлн руб., что на 9,3% ниже планового показателя 2024 года (3,59 трлн руб.). При этом, по данным Счетной палаты, фактические расходы на МБТ в 2024 году составили 3,653 трлн руб. Кроме того, в первом полугодии 2025 года кассовое исполнение осуществлялось по 57 межбюджетным трансфертам, из которых бюджетные ассигнования по 32 трансфертам (56,1%) были предусмотрены федеральным законом с изменениями².

¹ Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федер. закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ: принят Государственной Думой 5 марта 2025 г.: одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 г.: послед. ред. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 17.07.2026).

² Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2026. № 3 (март). [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-3-2026> (дата обращения: 09.06.2026).

Таблица 1

Динамика ключевых показателей инициативного бюджетирования
в Российской Федерации в 2024–2025 гг.

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изм.
Количество реализованных проектов, ед.	37 351	31 812	-5 539 ед.
Общая стоимость проектов, млрд руб.	60,1	67,7	+12,6% (темпы прироста)
Средняя стоимость одного проекта, млн руб.	1,61	2,13	+32 % (темпы прироста)
Доля внебюджетного софинансирования, %	6	7,95	+1,95 п. п.
Доля бюджетного финансирования, %	94	92,05	-1,95 п. п.
Количество муниципальных практик, ед.	471	495	+24 ед.
Общее число практик ИБ, ед.	704	792	+88 ед.

Примечание: составлено автором на основании источников:

1. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2025 г. – данные за 2024 год;
2. Информация НИФИ Минфина России о предварительных итогах 2025 года, представленная на II Всероссийской конференции [9], данные за 2025 год. Данные представлены в агрегированном по всем регионам виде; статистическая значимость различий между годами не оценивалась.

Таблица 2

Динамика межбюджетных трансфертов и риски финансирования
инициативного бюджетирования в 2024–2025 гг.

Показатель	2024 г.	2025 г.	Изм.
Плановый объём МБТ из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, трлн руб.	3,59	3,26	-0,33 трлн руб.
Темп роста МБТ к предыдущему году, %	-8,7	-9,3	-0,6 п. п.
Объём МБТ в расчёте на один субъект РФ (из 81 региона-участника), млрд руб.	44,4	40,3	-4,1 млрд руб.
Доля внебюджетного софинансирования проектов ИБ, %	6	8	+2 п. п.
Количество реализованных проектов ИБ, тыс. шт.	37,4	31,8	-5,6 тыс. шт.

Примечание: составлено автором на основании источников:

1. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов: утв. Минфином России: послед. ред. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_486923 (дата обращения: 09.06.2026);
2. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2026. № 3 (март). [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-3-2026> (дата обращения: 09.06.2026);
3. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/audit/project-2025> (дата обращения: 09.06.2026).

Данный факт означает, что по 56,1% межбюджетных трансфертов бюджетные ассигнования были утверждены с изменениями уже в процессе исполнения бюджета. Это создаёт для региональных и муниципальных властей неопределённость при бюджетном планировании, поскольку объёмы финансирования могут корректироваться после начала финансового года, что затрудняет своевременное заключение соглашений и реализацию проектов в запланированные сроки. Невозможность своевременного доведения средств приводит к срыву графиков реализации инициативных проектов, а также к возможной необходимости переноса

финансирования на следующий год или во все отказа от финансирования уже запланированных инициатив.

Для практики инициативного бюджетирования нестабильность межбюджетных трансфертов означает, что муниципальные образования не могут планировать участие в конкурсных отборах на долгосрочную перспективу. Также следует отметить, что ранее, в 2022–2023 гг., наблюдалось увеличение доли софинансирования инициативных проектов со стороны муниципальных образований и бизнеса при снижении доли финансирования из региональных бюджетов. Данный факт свидетельствует о перерас-

пределении финансовой нагрузки в системе инициативного бюджетирования [1].

Исследователи НИФИ Минфина России также обращают внимание на то, что мониторинг развития ИБ с 2015 года сталкивается с необходимостью регулярной корректировки его процедуры, исходя из текущих изменений в законодательном регулировании и практической реализации ИБ [2]. Это дополнительный фактор нестабильности, поскольку переходный период, связанный с принятием Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025 года, вносит неопределенность в правовое регулирование инициативных проектов, что наряду с финансовой нестабильностью создает институциональный риск для участников ИБ. Представленные в таблице 2 данные позволяют количественно оценить масштаб финансовых рисков, связанных с нестабильностью межбюджетных трансфертов (МБТ), и проследить их влияние на реализацию проектов инициативного бюджетирования.

В результате анализа данных таблицы 2 следует отметить сокращение планового объема МБТ из федерального бюджета в расчете на один регион (при постоянном числе регионов-участников, равном 81) с 3,59 трлн руб. в 2024 г. до 3,26 трлн руб. в 2025 г. (снижение на 9,3%). Также при этом наблюдается снижение темпов сокращения в 2025 г. по сравнению с 2024 г. (в 2024 г. падение составляло 8,7%), однако абсолютное уменьшение объемов продолжается. Учитывая тот факт, что доля МБТ в доходах местных бюджетов достигает порядка 70%, можно констатировать высокую зависимость муниципальных проектов инициативного бюджетирования от стабильности и регулярности поступлений из вышестоящих бюджетов [3].

Сопоставление двух агрегированных показателей (объем МБТ и число проектов) за 2024 и 2025 гг. показывает, что уменьшение планового объема МБТ на 9,3% сопровождалось сокращением числа проектов на 15%, однако из этого сопоставления нельзя делать вывод о прямой причинно-следственной связи, поскольку не учитываются региональная дифференциация, возможные лаговые эффекты и другие факторы (например, изменение нормативного регулирования или административная нагрузка). Выдвигаемая гипотеза о том, что сокращение МБТ могло затронуть преимущественно регионы с высокой долей федерального софинансирования [4], требует проверки на панельных данных с контролем региональных характеристик. Также следует отметить, что наряду с количественным сокращением ресурсов наблюдается качественное ухуд-

шение условий их предоставления (неритмичность кассового исполнения, необходимость переутверждения ассигнований), что потенциально может повышать транзакционные издержки и снижать готовность муниципалитетов участвовать в конкурсах, однако данное влияние также пока не оценено количественно.

Позитивным, хотя и недостаточным фактором выступает рост доли внебюджетного софинансирования с 6% в 2024 г. до примерно 8% в 2025 г. Однако в абсолютном выражении увеличение внебюджетных средств (граждан, бизнеса, инициативных платежей) не компенсирует потерь от сокращения межбюджетных трансфертов. Это подтверждает вывод о том, что текущая модель ИБ сохраняет высокую зависимость от государственного финансирования и остается уязвимой к вносимым корректировкам в утвержденные бюджеты.

Таким образом, описательный анализ двухлетней динамики позволяет идентифицировать нестабильность межбюджетных трансфертов как потенциально значимый системный фактор, сопутствующий снижению числа проектов. Вместе с тем, в силу ограниченности временного ряда и отсутствия контроля за региональными и институциональными переменными, автор рассматривает данную взаимосвязь как корреляционную. С учётом этого в работе предложены меры, направленные на снижение уязвимости ИБ от бюджетных колебаний, однако их эффективность должна быть оценена в последующих исследованиях на более полных данных.

К следующей группе ограничений можно отнести недостаточное использование цифровых финансовых инструментов для привлечения внебюджетных средств в инициативные проекты [5]. В практике ИБ применяются три основные группы цифровых решений, каждая из которых сталкивается с собственными ограничениями.

Цифровые платформы и инвестиционные платформы. Несмотря на то, что цифровые инвестиционные платформы становятся неотъемлемой частью современной системы ИБ, в практике инициативного бюджетирования эти инструменты применяются пока фрагментарно и преимущественно в пилотных проектах. Как отмечают Д. А. Шатохин, П. М. Боргояков, К. П. Косминский, использование инвестиционных платформ позволяет перейти от дотационной модели поддержки инициатив к привлечению смешанного финансирования, где цифровая платформа служит каналом взаимодействия между населением, бизнесом и государством [6]. Такой подход

может стать основой для устойчивого развития территорий.

Краудфандинг. На сегодняшний день краудфандинг в рамках ИБ находится на начальной стадии внедрения и представлен преимущественно единичными практиками. Краудфандинг в сфере ИБ находится в основном на стадии научных и методологических разработок, а не реальной практики.

Цифровые финансовые активы (ЦФА). Еще одним перспективным, но недостаточно используемым инструментом являются цифровые финансовые активы (ЦФА) [7, с. 144]. В научной литературе и экспертных дискуссиях обсуждается необходимость разрешить регионам выпуск ЦФА для финансирования приоритетных региональных проектов – по аналогии с облигациями, что могло бы стать драйвером рынка ЦФА и привлечения на него крупных игроков. Однако практическое использование ЦФА в муниципальном финансировании, и тем более в инициативном бюджетировании, пока отсутствует. Отсутствие нормативной базы, регулирующей применение ЦФА для финансирования социально значимых инициатив, неготовность большинства муниципальных образований к использованию цифровых финансовых инструментов, а также неразвитость цифровой инфраструктуры в малых и сельских поселениях – всё это ограничивает потенциал привлечения альтернативных источников финансирования проектов ИБ [8, с. 81].

На II Всероссийской конференции «Финансирование и софинансирование инициативного бюджетирования в Российской Федерации» (Калуга, май 2026 года) была проведена дискуссионная сессия «Цифровые, платформенные решения, платежные инструменты, искусственный интеллект», на которой участники обсудили внедрение цифровых и платформенных решений в практику ИБ, применение искусственного интеллекта для отбора и сопровождения проектов, а также роль платежных инструментов и инвестиционных платформ в привлечении финансирования для социально значимых инициатив [9]. Директор Ассоциации операторов инвестиционных платформ (АИОП) К. П. Косминский отметил, что дискуссия показала довольно высокий запрос со стороны регионов относительно цифровизации процессов ИБ: «платформенные решения, включая краудфандинг и цифровые платежные инструменты, становятся неотъемлемой частью современной модели общественного финансирования» [10]. АОИП намерена активно участвовать в развитии этого направления, объединяя экспертизу операторов инвестиционных платформ

с потребностями городских и сельских поселений. Тем не менее разрыв между обозначенными намерениями и реальным их внедрением остается значительным.

Третья группа ограничений связана с проблемами масштабирования и тиражирования успешных практик инициативного бюджетирования. Проведенное исследование свидетельствует о сохранении асимметрии в территориальном охвате ИБ при общей положительной траектории развития [11, с. 62]. Так, число муниципальных образований, в которых ИБ не реализуется, остается существенным. В качестве системных ограничений масштабирования выделяются ограниченность финансовых ресурсов, недостаточный уровень информированности населения и высокая административная нагрузка на организаторов инициативных проектов.

По результатам исследования можно констатировать, что масштабирование ИБ сдерживается следующими основными факторами: дефицитом бюджетных средств, низким уровнем осведомленности населения и избыточными административными регламентами. При этом положительный опыт реализованных проектов свидетельствует о значимости цифровых инструментов, качественного методического обеспечения и нормативного закрепления процедур ИБ [12].

Ориентация инициативного бюджетирования на краткосрочный цикл реализации ограничивает его применимость к масштабным и долгосрочным инвестиционным проектам [13, с. 44]. Анализ сложившейся практики показывает, что подавляющее большинство проектов сводится к локальным улучшениям среды (благоустройство, ремонт дорог и др.), реализуемым в пределах одного финансового года. Напротив, инициативы, связанные с созданием новых социальных сервисов, развитием социального предпринимательства, цифровизацией муниципальных услуг или требующие многолетнего сопровождения (например, экологические или инклюзивные проекты), в выборке практически не представлены. Вследствие этого существует риск того, что ИБ так и будет использоваться только в качестве инструмента точечных улучшений без выхода на уровень системных социально-экономических трансформаций. Исследователи НИФИ Минфина России предлагают в качестве возможного решения переход от преимущественно дотационной модели к смешанному финансированию с привлечением краудфандинга и инвестиционных платформ, однако на текущий момент подобные инструменты не получили массового применения.

Финансовые риски инициативного бюджетирования
Примечание: составлено автором по результатам данного исследования

В сложившейся практике инициаторами проектов в большинстве муниципалитетов выступают не гражданские объединения, а муниципальные учреждения (школы, детские сады, библиотеки, дома культуры) и территориальные органы власти, что позволяет квалифицировать ИБ как дополнительный механизм бюджетного финансирования в обход стандартных процедур бюджетного планирования. Как справедливо отмечает И. С. Анцыферова, «подлинной опорой инициативного бюджетирования в его существующем виде являются органы местного самоуправления: именно они оказывают решающее содействие и сами же получают наибольшее развитие в результате реализации инициативного бюджетирования» [14, с. 446]. Указанная тенденция лишает софинансирование его ключевой роли – подтверждения общественной поддержки проектов, а реальное участие граждан в бюджетном процессе сменяется формальным исполнением процедур [15]. В результате у населения формируется низкий уровень доверия к механизмам инициативного бюджетирования, а участие в нем воспринимается как малоэффективное и формальное [16].

Еще одним специфическим концептуально значимым ограничением масштабирования проектов ИБ выступает неравномерность вовлечения молодежи

и социально уязвимых слоев населения³, что формирует риск институциональной самодостаточности в долгосрочной перспективе. Молодые люди, не участвующие в реализации практик ИБ на этапах школьного и студенческого образования, вероятнее всего, сохранят свою пассивную позицию и во взрослой жизни, что может указывать на модель «неучастия» граждан в инициативных проектах из поколения в поколение. Аналогичную тенденцию можно отметить и в отношении инклюзивных проектов [17, с. 770-771], доля которых в общей структуре инициатив свидетельствует о недостаточном внимании властей к вопросам доступности лиц с ограниченными возможностями здоровья, пожилых граждан и других социально уязвимых групп населения к практикам инициативного бюджетирования.

³ В настоящем исследовании использовались агрегированные официальные данные по Российской Федерации в целом за 2024–2025 гг., что не позволило провести детализированный анализ структуры проектов по типам, инициаторам, возрастным и социальным группам (включая молодежь и лиц с ограниченными возможностями здоровья). Данные о распределении проектов по указанным категориям в открытых источниках Минфина России и НИФИ представлены фрагментарно и не систематизированы в разрезе, необходимым для корректного статистического анализа. В связи с этим вопросы типологии проектов, оценки вовлеченности различных групп населения и их вклада в реализацию инициатив остаются за рамками данной работы и требуют отдельного исследования на основе более детальных региональных данных, что составляет перспективу дальнейших научных изысканий.

Вместе с тем рост практик молодежного инициативного бюджетирования позволяет определить его как потенциальный сегмент инициативного бюджетирования для преодоления недостаточной вовлечённости молодёжи [18, с. 656]. Так, по данным Минфина России, в 2025 г. практикой молодежного инициативного бюджетирования было охвачено 53 региона, а общий объем финансирования достиг 1,68 млрд руб., увеличившись на 46% по сравнению с 2024 г. В результате было реализовано порядка трех тысяч проектов с участием более 639 тыс. молодых граждан [19].

В результате проведенного исследования были систематизированы группы финансовых рисков инициативного бюджетирования на основе статистического анализа данных и анализа научной литературы и нормативных актов (рисунок).

Представленные на рисунке финансовые риски структурированы по трем ключевым группам: институционально-бюджетные, технологические и организационно-масштабные. Стоит отметить, что первая группа рисков связана с макрофинансовой и правовой нестабильностью, вторая отражает недостаточное использование современных цифровых финансовых инструментов, а третья группа рисков непосредственно связана с внутренними барьерами развития ИБ на муниципальном уровне. Данные группы рисков демонстрируют взаимосвязь с последствиями для системы ИБ, среди которых можно отметить снижение числа проектов, стагнацию количества проектов ИБ, а также недоверие граждан в целом к механизму инициативного бюджетирования.

Заключение

Проведённый анализ финансовых рисков и ограничений масштабирования инициативного бюджетирования, основанный на данных 2024–2025 гг., позволил выявить ряд проблемных зон, в числе которых наиболее значимой представляется зависимость проектов от краткосрочной динамики межбюджетных трансфертов. Однако ввиду описательного характера использованного эмпирического материала мы не можем утверждать, что данная зависимость носит причинный характер; для окончательных выводов необходимы регрессионные модели на панели регионов с учётом контрольных факторов. Тем не менее даже на уровне выявленных корреляций очевидна целесообразность перехода к многолетнему планированию субсидий, внедрения цифровых инструментов и разработки методик масштабирования. Предлагаемые меры следует рассматривать как гипотетические направ-

ления снижения уязвимости ИБ, требующие дальнейшей апробации и количественной оценки.

Приоритетными направлениями, по мнению автора, являются стабилизация межбюджетных отношений, переход к многолетнему планированию субсидий, внедрение краудфандинга и цифровых финансовых активов (ЦФА), а также разработка методик масштабирования. Однако реализация этих мер сопряжена с правовыми и бюджетными ограничениями: действующее законодательство (№ 259-ФЗ)⁴ не наделяет муниципалитеты правом эмиссии ЦФА, краудфандинг требует детализации процедур в региональных НПА, а многолетнее планирование – корректировки Бюджетного кодекса и правил предоставления субсидий. Кроме того, сохраняются риски низкого спроса на ЦФА, недофинансирования проектов и снижения гибкости бюджета. В связи с этим предложенные меры носят гипотетический характер и требуют пилотной апробации с последующей доработкой нормативной базы.

Список литературы

1. Федосов В. А. Инициативное бюджетирование в России в условиях экономической нестабильности // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 4 (844). С. 748–764. DOI: 10.24891/fe.30.4.748.
2. Вагин В. В., Шаповалова Н. А. Актуальные вызовы и проблемы развития инициативного бюджетирования // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–26. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-9-26.
3. Левина В. В. Актуальные проблемы формирования доходов местных бюджетов // Финансовый бизнес. 2016. № 4 (183). С. 22–29. EDN: WJLNOB.
4. Рябова И. С., Изотенко К. Н. Основные тенденции развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Экономика строительства. 2026. № 4. С. 533–537. EDN: FRFGVK.
5. Гегедюш Н. С., Масленникова Е. В. Цифровые технологии в инициативном бюджетировании // Муниципальная академия. 2021. № 1. С. 125–132. DOI: 10.52176/2304831X_2021_01_125. EDN: AJTZYX.
6. Шатохин Д. А., Боргояков П. М., Косминский К. П. Бюджет участия города Красноярска. Цифровые платформы как инвестиционный инструмент развития территорий на примере административного центра Красноярского края // Бюджет. 2026. № 2 (февраль). URL: <https://bujet.ru/article/517434.php> (дата обращения: 09.06.2026).
7. Афанасьев Д. Г. Цифровая трансформация финансовой системы Российской Федерации и развитие рынка цифровых финансовых активов // Инновационное развитие экономики. 2022. № 6 (72). С. 143–149. DOI: 10.51832/2223798420226143. EDN: PUDXSB.
8. Кошелев К. А. Тенденции развития рынка цифровых финансовых активов в контексте цифровой трансформации мировой экономики // Финансы: теория и практика.

⁴ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (20.07.2026).

2022. Т. 26. № 4. С. 80–94. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-80-94. EDN: HMMSUU.

9. Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) Минфина России. Минфин России, НИФИ и Правительство Калужской области провели II Всероссийскую конференцию по финансированию инициативного бюджетирования, 28.05.2026. URL: <https://www.nifi.ru/ru/news-ru/novosti/2918-minfin-rossii-nifi-i-pravitelstvo-kaluzhskoj-oblasti-proveli-ii-vserossiyskuyu-konferentsiyu-po-finansirovaniyu-initsiativnogo-byudzhetrovaniya> (дата обращения: 09.06.2026).

10. Ассоциация операторов инвестиционных платформ (АОИП). АОИП выступила модератором дискуссии о цифровых решениях для инициативного бюджетирования, 29.05.2026. URL: <https://nbj.ru/blogz/aoip/73460/> (дата обращения: 09.06.2026).

11. Лукьянова Н. Г. Особенности развития инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 2. С. 61–69. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-61-69. EDN: PJOFKR.

12. Методические рекомендации по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации: послед. ред. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372984/ (дата обращения: 20.07.2026).

13. Векерле К. В., Соколов И. А. Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 2. С. 34–61. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-34-61. EDN: QVZMBQ.

14. Анцыферова И. С. Исследование факторов, возможностей и ограничений развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ методом экспертных интервью // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 446–449. EDN: XRUGRL.

15. Гаврилова Н. В. Практики инициативного бюджетирования в российских регионах // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 142–155. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-7-142-155. EDN: AGGFOX.

16. Фролова Е. В., Рогач О. В., Разов П. В. Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 66–77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6. EDN: WWGUPF.

17. Федосов В. А., Богатченко В. В. Современные тенденции развития инициативного бюджетирования в мире и в России // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 4 (784). С. 769–777. DOI: 10.24891/fc.25.4.769. EDN: ZDBWOD.

18. Бабина Ю. В. Молодежное инициативное бюджетирование как инструмент устойчивого развития сельских территорий // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15. № 4. С. 649–660. DOI: 10.20913/2224-1841-2025-4-6. EDN: ICMLGT.

19. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Николай Бегчин: Молодежное инициативное бюджетирование – важная составляющая формирования финансово грамотного и ответственного поколения, 09.07.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40495 (дата обращения: 23.07.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ

Долотова Н. П. ORCID ID 0000-0003-3601-3332

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: nazarchuk.natali@mail.ru*

Цель настоящей работы заключается в изучении теоретических основ образовательного кредитования (его понятия, сущности, классификации, целей и задач), а также в детальном анализе нормативно-правового регулирования данного механизма в Российской Федерации. В статье автор особое внимание уделил следующим ключевым аспектам: анализу и оценке современного состояния, количественных и качественных показателей рынка образовательных кредитов в Российской Федерации; выявлению основных проблем, препятствующих развитию указанного рынка; определению направлений и перспектив совершенствования системы образовательного кредитования в Российской Федерации. Дано определение образовательного кредита и рассмотрены его особенности. Ключевая характеристика образовательного кредита – возможность оплаты обучения в аккредитованной образовательной организации независимо от текущего уровня доходов заемщика. Использование льготных условий (пониженная процентная ставка, длительный срок погашения, отсрочка выплаты основного долга на время учебы) снижает долговую нагрузку на получателя образовательного кредита, что позволяет различным социальным группам населения оплачивать обучение. Публичное акционерное общество «Сбербанк России» аккумулирует около 98 % российского рынка образовательных кредитов с государственной поддержкой (по данным Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по состоянию на декабрь 2024 г.).

Ключевые слова: банк, процент, абитуриент, образовательный кредит, льготное кредитование, кредитный портфель, финансовая грамотность

FEATURES OF EDUCATIONAL LOANING IN RUSSIA

Dolotova N. P. ORCID ID 0000-0003-3601-3332

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Tambov State Technical University”, Tambov, Russian Federation,
e-mail: nazarchuk.natali@mail.ru*

The aim of this paper is to examine the theoretical foundations of education lending (its concept, essence, classification, goals and objectives), as well as to provide a detailed analysis of the legal and regulatory framework governing this mechanism in the Russian Federation. In the article, the author paid particular attention to the following key aspects: analyzing and assessing the current state, quantitative and qualitative indicators of the education loan market in the Russian Federation; identifying the main problems hindering the development of that market; and determining the directions and prospects for improving the education lending system in the Russian Federation. A definition of an education loan is provided, and its specific features are examined. The key characteristic of an education loan is the possibility of paying for tuition at an accredited educational institution regardless of the borrower's current income level. The use of preferential terms (a reduced interest rate, a long repayment period, and deferment of principal repayment during the period of study) reduces the debt burden on the education loan recipient, enabling various social groups to finance their education. Public Joint-Stock Company Sberbank of Russia accounts for approximately 98 % of the Russian market for state-supported education loans (according to data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as of December 2024).

Keywords: bank, interest, applicant, educational loan, preferential lending, loan portfolio, financial literacy

Введение

В условиях перехода к экономике знаний и цифровой трансформации отраслей многие страны столкнулись с проблемой дефицита квалифицированных кадров. В системе высшего образования наблюдались существенные сложности, обусловленные непрерывным ростом стоимости обучения. В условиях отсутствия полноценной готовности ряда государств к увеличению бюджетных расходов на образовательные услуги это стало одним из ключевых факторов для развития системы образовательного кредитования.

Образовательный кредит – это целевой заем с льготными условиями, предназначенный для оплаты обучения в учебных заведениях. Банк, который предоставил данный кредит, перечисляет денежные средства напрямую в образовательную организацию. Данная программа помогает студентам и их семьям покрыть расходы на образование, если нет возможности оплатить его сразу. Образовательный кредит, предлагаемый российскими банками, зачастую имеет коммерческую составляющую, выливающуюся в тождественность условий кредитования

с потребительским кредитом, что явилось результатом отсутствия государственной гарантии [1].

Реализация государственной программы льготного образовательного кредитования стала дополнительным фактором развития данного рынка. Современное поколение заемщиков воспринимает образовательный кредит как финансовый инструмент для достижения долгосрочных целей, поскольку инвестиции в обучение в аккредитованной образовательной организации впоследствии повышают конкурентоспособность на рынке труда.

Образовательные кредиты являются основной формой финансовой поддержки получения высшего образования в таких странах, как Швеция, Япония, Австралия, Нидерланды, Новая Зеландия, США и Китай. При этом кредиты студентам для оплаты обучения, как правило, предоставляются самими учебными заведениями [2].

Цель исследования – анализ и оценка развития рынка образовательных кредитов в России, а также определение ключевых направлений его совершенствования. Для достижения поставленной цели определены задачи:

1. Изучить теоретические основы образовательного кредитования.
2. Провести анализ современного состояния рынка образовательных кредитов в России.
3. Выявить системные проблемы, сдерживающие развитие рынка образовательного кредитования и предложить меры по их решению.

Научная новизна исследования. Разработана и обоснована концепция инвестиционно-образовательного налогового вычета – возврата 13 % от суммы уплаченных процентов по образовательному кредиту (по аналогии с ипотечным вычетом), что смещает фокус поддержки на этап построения трудового устройства.

Материалы и методы исследования

Теоретическую и информационную основу исследования составили: нормативные правовые акты Российской Федерации; научные труды, методические разработки и практические рекомендации отечественных и зарубежных ученых-экономистов в области анализа современного состояния рынка образовательного кредитования, а также материалы периодических изданий и сети Интернет по исследуемой проблематике.

Методологический инструментарий представлен совокупностью общенаучных и специальных методов исследования, в том числе классификацией, синтезом, анализом,

дедукцией, индукцией, сравнением, аналогией и обобщением.

Результаты исследования и их обсуждение

Экономическая сущность образовательного кредита может быть рассмотрена с двух позиций. Для студента образовательный кредит является способом финансирования текущего обучения за счет будущих доходов. Для государства – инструментом формирования квалифицированных кадров для отраслей экономики, способствующим повышению социальной стабильности.

В настоящее время образовательный кредит классифицируется на два вида:

– кредит с господдержкой предполагает субсидирование части процентной ставки государством, также может предусматриваться возможность отсрочки платежей по основному долгу и льготные условия по сроку и ставке.

– кредит без господдержки предоставляется на общих условиях, как обычный потребительский заем, но с целевым назначением. Условия таких кредитов зависят от конкретного банка, но обычно ставка выше по сравнению с кредитом с господдержкой, меньше сроки и отсутствие отсрочек.

Одними из главных показателей привлекательности образовательного кредитования являются льготный период, процентная ставка и наличие государственной поддержки образовательного кредитования. Эти факторы закреплены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1448 «О государственной поддержке образовательного кредитования» [3]. Данный документ устанавливает механизм реализации государственной поддержки образовательного кредитования. Государство компенсирует банку разницу между рыночной и льготной ставкой для заемщика, а также государство страхует риски банков, возмещая им 20 % от суммы, которую не вернул заемщик в случае его несостоятельности или невозможности выполнять обязательства, предусмотренные кредитным договором. Такой кредит обычно предоставляется без залога и поручителей.

Для студента (заемщика) основной целью, в рамках которой он берет кредит, является получение образования в выбранном вузе без финансовых ограничений. Для образовательного учреждения целью является привлечение дополнительных источников финансирования, способствующее увеличению числа абитуриентов. Для банка (кредитора) основная цель – получение долгосрочного процентного дохода и при-

влечение перспективной клиентской базы, то есть будущих молодых специалистов для дальнейшего сотрудничества.

Образовательное кредитование, несмотря на все свои недостатки, обладает потенциалом, но условия этого вида кредита нужно дорабатывать как для заемщиков, так и для кредиторов [4]. Для государства основной целью является расширение возможностей получения образовательных услуг, что способствует формированию квалифицированных кадров.

Основными задачами образовательного кредитования являются:

- дополнительная мотивация студента на учебу, поскольку в перспективе от этого будет зависеть его способность своевременного погашения долга перед банком;
- принцип равных образовательных возможностей для каждого и принцип социальной мобильности;
- обеспечение студенту стабильного финансирования каждого этапа образовательного процесса.

Образовательный кредит, будучи финансовым инструментом, носит, прежде всего, социальный характер и имеет ряд важных характеристик: целевой характер, персонализацию, наличие льготного периода и требования к размеру процентной ставки, которая должна быть ниже рыночной [5].

Анализ рынка образовательного кредитования является ключевым этапом для понимания его современного состояния, развития и функционирования. Применение системного подхода в условиях анализа количественных и качественных показателей позволит сформировать комплексную картину рынка образовательного кредито-

вания в России. Основную часть выплат по кредитам физических лиц составляют потребительские кредиты, которые в своем большинстве являются краткосрочными [6].

Количественный анализ позволяет оценить динамику, масштабы и финансовые результаты исследуемого рынка, где ключевым показателем является объем и динамика кредитного портфеля. Активность рынка и ширину охвата аудитории можно оценить по итогам сопоставления количества выданных образовательных кредитов и численности заемщиков, что позволит определить количество студентов, воспользовавшихся данным инструментом государственной поддержки.

Для финансирования образования используются как собственные, так и заемные средства. Однако при экономически нестабильном положении в стране возможность получения и последующего возврата образовательного кредита является серьезной проблемой [7].

Основное влияние на развитие образовательных кредитов оказывает денежно-кредитная политика. В современных условиях действия Центрального банка РФ направлены на охлаждение рынка кредитования. Среди осуществляемых Банком России мер можно выделить: увеличение процентных ставок; повышение нормативов достаточности капитала; ужесточение макропруденциальных лимитов [8].

Ключевой проблемой образовательного кредита выступает обеспечение его возвратности. В ситуации, когда кредит является необеспеченным, возникают большие риски как для банков, так и для государства в целом [9].

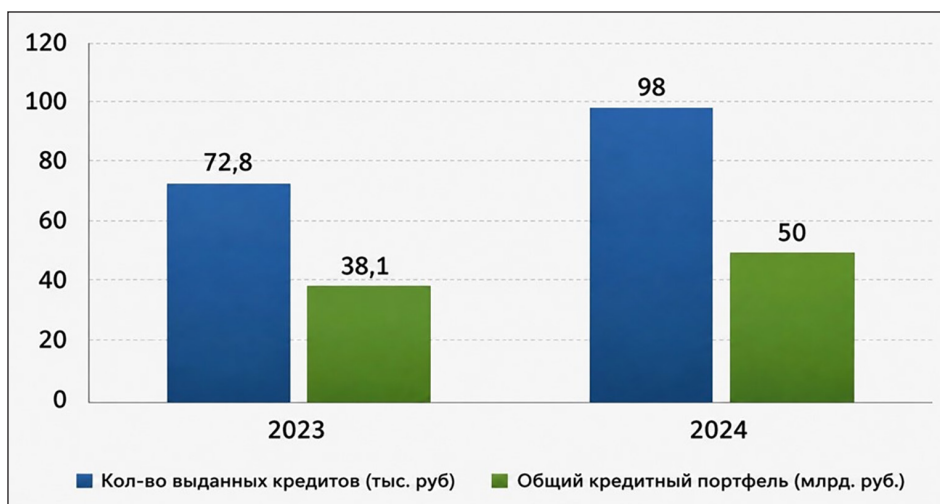

Рис. 1. Количество выданных образовательных кредитов и общий кредитный портфель за 2023–2024 гг. (тыс. и млрд руб.)
Примечание: составлен автором на основе источника [10]

По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2023 г. выдано 52,8 тыс. кредитов студентам вузов и абитуриентам, а также 20 тыс. кредитов на среднее специальное образование. Общий кредитный портфель по договорам о предоставлении образовательного кредита с господдержкой для студентов вузов составлял 38,1 млрд руб. В 2024 г. было выдано 98 тыс. кредитов на обучение в университетах и по программе среднего специального образования. Общий кредитный портфель по договорам о предоставлении образовательного кредита с господдержкой для студентов вузов составлял 50 млрд руб. (рис. 1) [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что образовательные кредиты все еще актуальны и востребованы, при этом положительная динамика общего объема кредитования в данном сегменте в условиях постоянного увеличения числа заемщиков указывает на растущий интерес к образовательному кредитованию, а также на долгосрочный потенциал такого инструмента. Средний размер образовательного кредита отражает финансовую нагрузку на заемщика и стоимость обучения, которую покрывает кредит.

По состоянию на декабрь 2024 г., согласно статистике Минобрнауки, было заключено более 215 тыс. кредитных договоров на обучение, а кредитный портфель составлял 60,5 млрд руб. Сбербанк, как и прежде, сохранил лидирующие позиции, на него приходится 98 % всех выданных кредитов, при этом 1 % выданных кредитов приходится на Тинькофф банк. По данным Минобрнауки средняя сумма кредита на образование в течение 3 лет варьировалась от 200 тыс. до 500 тыс. руб., а срок кредита — около 3–4 лет. Однако этот показатель условный, так как стоимость обучения

сильно разнится в зависимости от региона и статуса учебного заведения [10]. Это показывает, что сумма выданного кредита зависит от многих факторов, как от специальности, так и от учебного заведения, во многих вузах стоимость обучения может варьироваться в течение учебы, поэтому сумма кредита может увеличиваться.

Проведен причинно-следственный анализ. В 2023–2024 гг. стоимость обучения в ведущих вузах росла быстрее, чем реальные располагаемые доходы населения. Указанный разрыв вынуждает семьи замещать собственные средства заемными. Если бы доходы росли темпами, сопоставимыми с удорожанием образования, потребность в кредитах была бы существенно ниже. Таким образом, основной драйвер расширения рынка не повышение финансовой доступности, а инфляционное давление на бюджет домохозяйств.

Совокупность вышеперечисленных обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что в сегменте образовательного кредитования основными заемщиками являются выпускники школ, нацеленные на получение престижного высшего образования, и абитуриенты, стремящиеся самостоятельно профинансировать базовое высшее образование, а также физические лица, планирующие получить платное второе и последующее высшее образование.

По данным Почта-банка, 31 % опрошенных родителей готовы тратить на учебу ребенка в вузе не более 100 000 руб. в год, 27 % – до 200 000 руб. в год, 16 % – до 300 000 руб. в год, 13 % затрудняются с ответом, 7 % – до 400 000 руб. в год, 3 % – до 500 000 руб. в год и лишь 3 % респондентов готовы тратить на эти цели свыше полу-миллиона рублей ежегодно (рис. 2) [11].

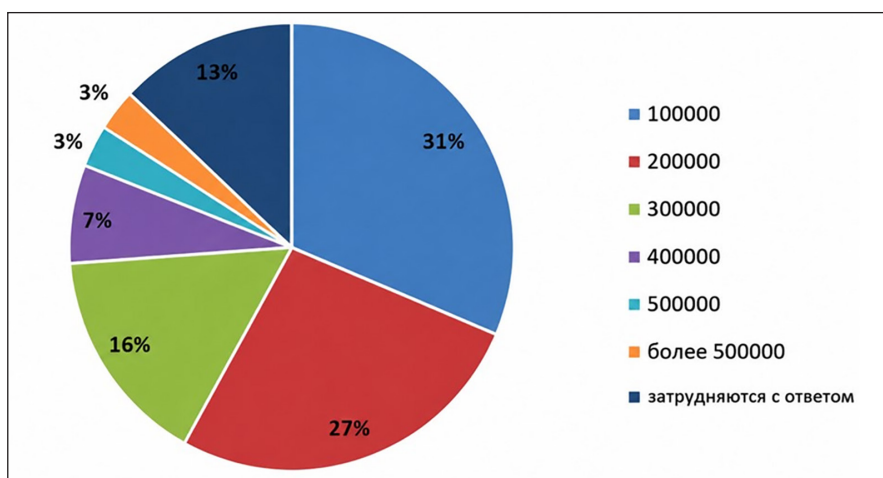

Рис. 2. Сколько готовы платить родители за высшее образование детей в год (%)
Примечание: составлен автором на основе источника [11]

Для оплаты высокой стоимости обучения в вузах требуются заемные средства. Законодательство допускает использование образовательного кредита гражданами в возрасте от 14 до 75 лет.

Понимая как индивидуальную, так и общественную полезность образования, следует отметить, что для многих потенциальных студентов высокие издержки на обучение представляют значительный барьер к оплате образовательных услуг [12].

Перспективы предоставления образовательных кредитов с государственной поддержкой имеют значение для оценки потенциальных возможностей расширения охвата высшего и среднего профессионального образования [13].

В настоящее время расширение программ образовательного кредитования одновременно сдерживается несколькими причинами. В первую очередь – недостаточным уровнем финансовой грамотности у абитуриентов. Одновременно с этим присутствуют значительные психологические барьеры, обусловленные нежелательностью заключения кредитного договора с банковской организацией в силу наличия риска, связанного с возможным невыполнением заемщиком обязательств перед кредитором. Со стороны кредитных организаций процесс замедления обусловлен имеющимися высокими кредитными рисками и неопределенностью в оценке будущей профессиональной состоятельности заемщиков. Главным препятствием является инфляционная динамика стоимости образовательных услуг, обуславливающая избыточную долговую нагрузку и снижающая потребительскую активность потенциальных студентов.

Государство реализует меры по расширению возможностей получения образования. Один из таких примеров – кредит на образование с государственной поддержкой [14].

Анализ текущего состояния российского рынка образовательного кредитования демонстрирует, что, несмотря на наличие мер государственной поддержки, удельный вес займов на образовательные цели в общем объеме кредитования физических лиц сохраняется на минимальном уровне. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии системных барьеров, препятствующих развитию отрасли. К числу основных факторов, как правило, относится и слабая популяризация образовательных кредитов среди населения, и недостаточный охват льготных программ, а также высокие риски для кредитных организаций и их жесткие требования к потенциальным заемщикам.

В настоящий момент система высшего образования РФ постоянно трансформируется. Это связано как с внутренними социально-экономическими процессами, так и с нововведениями в систему высшего образования [15].

Текущий этап функционирования российского рынка образовательного кредитования характеризуется высокой степенью концентрации и доминированием программ с государственным субсидированием ставки, снижающим конечную стоимость обслуживания долга для заемщика до льготного уровня в 3 %. Возрастная структура получателей кредитов охватывает широкий диапазон (от 14 до 75 лет), однако ядро целевой аудитории формируют молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет.

Согласно анализу структуры рынка, несмотря на кратный рост объемов выдач в последние годы, общая доля образовательных займов в совокупном кредитном портфеле физических лиц в России остается критически низкой – менее 1 %. Данная диспропорция обусловлена действием комплекса сдерживающих факторов, среди которых выделяются: низкий уровень базовой финансовой грамотности абитуриентов, выраженные психологические барьеры перед долгосрочной долговой нагрузкой, высокие риски неопределенности трудоустройства выпускников, а также жесткие требования коммерческих банков к оценке потенциальной платежеспособности заемщиков в отсутствие залогового обеспечения.

Особого внимания заслуживает анализ фискальных инструментов поддержки заемщиков. В настоящее время действующее законодательство Российской Федерации предусматривает право налогоплательщика на получение социального налогового вычета по расходам на обучение в размере 13 %. Однако данный механизм имеет ряд существенных ограничений:

- вычет предоставляется непосредственно в период оплаты обучения и жестко лимитирован предельным размером совокупных социальных расходов (150 000 руб. в год в рамках требований, предусмотренных статьей 219 Налогового кодекса Российской Федерации), что полностью нивелирует его эффективность при оплате обучения в ведущих вузах страны, где стоимость существенно превышает данный лимит;

- право на вычет реализуется, как правило, родителями студента, имеющими облагаемый доход, в то время как сам студент в период обучения и выплаты основного долга зачастую не имеет самостоятельного источника доходов, подлежащего налогообложению по ставке НДФЛ.

Сравнительные характеристики действующей системы и предлагаемой концепции

Критерий сравнения	Действующий социальный вычет (ст. 219 Налогового кодекса РФ)	Предлагаемый инвестиционно-образовательный вычет (авторская модель)
База для расчета вычета	Фактическая стоимость обучения (ограниченная лимитом)	Сумма уплаченных банку процентов по образовательному кредиту
Основной субъект вычета	Родители (законные представители) или работающий студент	Выпускник (молодой специалист) после официального трудоустройства
Временной период реализации	Период обучения (дискретно по годам оплаты)	Период активного погашения кредита после окончания вуза (в течение всего срока договора)
Лимитирование объема	Включен в общий лимит социальных вычетов (150 000 руб./год)	Самостоятельный лимит по аналогии с ипотечными процентами (до 3 млн руб. накопленным итогом)
Экономический эффект	Краткосрочная компенсация текущих затрат домохозяйства	Долгосрочное снижение стоимости обслуживания кредита и стимулирование официального трудоустройства

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Существующая система не в полной мере учитывает затраты на обслуживание процентной нагрузки: налоговый вычет возвращает 13 % от «тела» оплаченной стоимости образования, но не компенсирует расходы по уплате процентов коммерческому банку за весь период пользования кредитными средствами.

В рамках преодоления указанных ограничений в качестве ключевого элемента научной новизны предлагается концептуально новая модель налогового стимулирования – механизм долгосрочного налогового вычета по процентам на образовательный кредит по аналогии с имущественным налоговым вычетом по ипотечному кредитованию (таблица).

Количественно оценим потери бюджета от неэффективности текущей модели. Если бы вместо существующего социального вычета (максимум 19 500 руб. возврата в год) был введен инвестиционно-образовательный вычет, то при среднем кредите в сумме 350 тыс. руб. и ставке 3 % годовых за 5 лет сумма уплаченных процентов составит около 52 тыс. руб. Возврат 13 % от этой суммы (около 6800 руб.) создает дополнительный стимул для официального трудоустройства выпускников.

Суть научной новизны в рамках предлагаемого подхода заключается в легитимизации права молодого специалиста, успешно завершившего обучение и закрепившегося на рынке труда, осуществлять возврат 13 % от сумм, направленных на погашение процентов по образовательному займу, из объемов уплачиваемого им НДФЛ. Это смещает фокус государственной поддержки на этап поствузовского развития, стимулирует выпускников к выходу из теневого сектора занятости и максимизации официальной

заработной платы, напрямую связывая налоговые преференции с эффективностью капитализации полученных знаний.

Заключение

Проведенное исследование показало, что российский рынок образовательного кредитования характеризуется высокой степенью концентрации и доминированием программ с государственным участием при сохранении минимальной доли данного сегмента в общем кредитном портфеле физических лиц. В качестве ключевых факторов, сдерживающих динамику рынка, верифицированы низкий уровень финансовой грамотности населения, психологические барьеры потенциальных заемщиков, высокие кредитные риски, а также недостаточное совершенство действующих налоговых стимулов. В качестве перспективного вектора развития сегмента автором обоснована концепция инвестиционно-образовательного налогового вычета. Данный инструмент предполагает возврат 13 % от суммы уплаченных процентов по кредиту, что позволяет сместить вектор государственной поддержки на этап поствузовского трудоустройства и сформировать дополнительные стимулы для роста официальных доходов выпускников. Практическая реализация предложенной меры сопряжена с необходимостью точечной корректировки нормативно-правовой базы и перспективной оценки ее бюджетной эффективности. Таким образом, обеспечение устойчивого развития исследуемого сегмента требует комплексного совершенствования регуляторных и фискальных инструментов в сочетании с необходимым повышением финансовой грамотности населения.

Список литературы

1. Валиев Ш. З., Шайхутдинова Г. Ф., Талипова А. Х. Становление и развитие программ образовательного кредитования в России // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11–1. С. 139–143. EDN: XALCM.
2. Халин В. Г., Чернова Г. В. Образовательное кредитование в России: современное состояние // *Финансы и кредит*. 2015. № 48 (672). С. 47–60. EDN: VBRXBV.
3. Постановление Правительства РФ от 23 августа 2007 г. № 534 «О проведении эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов студентам образовательных учреждений высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию» (с изм. и доп.) // *Гарант*. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12155340/> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Добрынина А. Д. Образовательный кредит как инвестиция в будущее // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 9–1. С. 106–109. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11576.
5. Бахтина О. Ю. Образовательный кредит: альтернативная модель стимулирующего контракта // *Экономические системы*. 2020. Т. 13. № 2 (49). С. 32–42. DOI: 10.29030/2309-2076-2020-13-2-32-42.
6. Ниворожкина Л. И., Павленко Г. В. Потребительское или ипотечное кредитование? Анализ поведения домохозяйств // *Финансовые исследования*. 2022. № 2 (75). С. 100–110. DOI: 10.54220/finis.1991-0525.2022.75.2.010.
7. Игнатова Т. В., Филimonцева Е. М. Образовательные кредиты как инвестиции в профессионально-трудовой потенциал населения // *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия*. 2016. № 7. С. 29–32. EDN: WQSWLF.
8. Булычева Е. В. Образовательные кредиты: современное состояние и перспективы // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2025. № 11 (253). С. 137–149. EDN: YFTISO.
9. Ризванова И. А., Алексеева Е. А. Развитие современной практики предоставления образовательных кредитов // *Инновационное развитие экономики*. 2023. № 1 (73). С. 122–129. DOI: 10.51832/222379842023112.
10. Об итогах деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2024 год // *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. [Электронный ресурс] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/07/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4.pdf> (дата обращения: 13.04.2026).
11. Доступность высшего образования: образовательный кредит с государственной поддержкой [Электронный ресурс] // *Минобрнауки России*. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=83355&sphrase_id=8170717 (дата обращения: 15.04.2026).
12. Арзуманян М. А. Образовательные кредиты: как они меняют ландшафт финансирования высшего образования? // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2025. № 70. С. 359–375. DOI: 10.17223/19988648/70/22.
13. Екимова К. В., Топчи Ю. А. Образовательный кредит с государственной финансовой поддержкой как инструмент обеспечения доступного высшего образования // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. Т. 6. № 6 (147). С. 97–103. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.06.015.
14. Калугина Я. А., Голицына А. К., Салихова Д. М. Образовательный кредит с государственной поддержкой в Российской Федерации // *Современные проблемы инновационной экономики*. 2024. № 11. С. 123–127. DOI: 10.52899/978-5-88303-710-7_123. EDN: BNIALN.
15. Рогожина А. Д., Ломоносов А. В. Разработка комплексной методики оценки эффективности внедрения целевого образовательного кредитования // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. Т. 1. № 10 (163). С. 133–140. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.01.014.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

МАТРИЦЫ ДИЗАЙНА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА (КОНТРОЛЯ) НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Налоева Л. А. ORCID ID 0000-0003-2670-2011,

Федченко Е. А. ORCID ID 0000-0002-4844-0991

*Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, Российская Федерация, e-mail: eafedchenko@fa.ru*

Расходы федерального бюджета на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы формируют стратегически значимый сегмент государственных расходов; объем финансирования научных исследований и разработок в 2025 г. достиг 1,46 трлн руб. В этих условиях совершенствование методологии государственного аудита (контроля) данной сферы приобретает первостепенное значение. Целью исследования является разработка методологии применения матрицы дизайна контрольных и экспертно-аналитических мероприятий применительно к трем направлениям государственного аудита (контроля) расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и обоснование как необходимого элемента программы аудита (контроля). Методы исследования: системный анализ нормативно-правовой базы государственного аудита (контроля) в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; обобщение практики контрольных и экспертно-аналитических мероприятий Счетной палаты Российской Федерации и Федерального казначейства за 2022–2025 гг.; структурированный синтез на основе международных стандартов. Результатами признается выявление специфики научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ как предмета аудита (контроля) (вероятностность результата, нематериальность, временной лаг, необходимость отраслевой экспертизы, двойственность правового режима); разработка матрицы дизайна с типологией позитивных и критических гипотез; формулирование специфических требований к матрицам применительно к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам. По результатам исследования установлено, что без интеграции матриц дизайна в программу аудита (контроля) научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ значительная часть рисков неэффективного расходования средств остается за пределами контрольного воздействия. Сделан вывод о необходимости актуализации методологической базы государственного аудита (контроля) с учетом специфики охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых за счет бюджетных средств, и порядка их отражения в составе нематериальных активов государства.

Ключевые слова: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, государственный аудит, матрица дизайна, аудит эффективности, нематериальные активы, результаты интеллектуальной деятельности

DESIGN MATRICES AS A TOOL FOR STATE AUDIT OF R&D EXPENDITURES: METHODOLOGY AND APPLICATION

Naloeva L. A. ORCID ID 0000-0003-2670-2011,

Fedchenko E. A. ORCID ID 0000-0002-4844-0991

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
Moscow, Russian Federation, e-mail: eafedchenko@fa.ru*

Expenditures of the federal budget on research and development work form a strategically significant segment of state expenditures; the volume of funding for scientific research and development in 2025 reached 1.46 trillion rubles. Under these conditions, improving the methodology of state audit (control) of this sphere acquires paramount importance. The purpose of the article is to develop a methodology for applying design matrices of control and expert-analytical measures in relation to three directions of state audit (control) of research and development expenditures and to justify them as a mandatory element of the audit (control) program. Research methods: systemic analysis of the regulatory legal framework of state audit (control) in the research and development sphere; generalization of the practice of control and expert-analytical measures of the Accounts Chamber of the Russian Federation and the Federal Treasury for 2022–2025; structured synthesis based on international standards. Results: the specificity of research and development as a subject of audit (control) has been identified (probabilistic nature of the result, intangibility, time lag, necessity of sectoral expertise, duality of the legal regime); design matrices with a typology of positive and critical hypotheses have been developed; specific requirements for matrices in relation to research and development have been formulated. Based on the results of the research, it has been established that without integrating design matrices into the research and development audit (control) program, a significant part of the risks of inefficient spending of funds remains outside the scope of control impact. A conclusion is made about the necessity of updating the methodological base of state audit (control) taking into account the specificity of the state's intangible assets.

Keywords: research and development, state audit, design matrix, performance audit, intangible assets, intellectual property results

Введение

Государственный аудит (контроль) расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) относится к числу наиболее методологически сложных направлений по причине уникальной природы самого объекта контроля, где классические подходы часто оказываются неэффективными. Так, в 2025 г. финансирование научных исследований и разработок из федерального бюджета достигло 1,46 трлн руб. – рост на 20 % к предшествующему году¹. При этом значительная часть бюджетных средств расходуется без верифицированного практического результата, только по данным одного контрольного мероприятия Счетной палаты Российской Федерации (далее – СП РФ) по 99 завершенным научно-исследовательским работам (936,3 млн руб.) документального подтверждения практического использования результатов не представлено² (сам факт отсутствия такого подтверждения свидетельствует о системном риске недостижения конечного социально-экономического эффекта от бюджетных расходов). В этой связи внедрение матрицы дизайна контрольных и экспертно-аналитических мероприятий в качестве инструмента контроля становится основным условием для методологической обоснованности и доказательной силы результатов аудита (контроля) в сфере науки. Применение матриц дизайна предусмотрено руководящими документами ИНТОСАИ (GUID 3920 «The Performance Auditing Process»³) и рекомендовано в методических материалах СП РФ⁴.

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412010001> (дата обращения: 15.07.2026).

² Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования средств федерального бюджета, выделенных в 2022–2023 годах и истекшем периоде 2024 года федеральному государственному образовательному бюджетному учреждению высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в виде субсидий на финансовое обеспечение выполнения государственного задания, на иные цели и на капитальные вложения в объекты государственной собственности», утвержден Коллегией СП РФ 26 сентября 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/a2d/uw3lx1fhp2jybetpisue47gmeljw15hr/Otchet-KM-Finuniversitet_OBRAZOVANIE_GOSUPRAVLENIE_.pdf (дата обращения: 10.07.2026).

³ GUID 3920 «The Performance Auditing Process». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.issai.org/pronouncements/guid-3920-the-performance-auditing-process/> (дата обращения: 10.07.2026).

⁴ Методические рекомендации по применению аудита эффективности, утверждены Коллегией СП РФ 28 сентября 2021 г. (в ред. от 11 октября 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/787/ex9piya1ev1ym9ak42rvp1ta6e4fzhz2.pdf> (дата обращения: 10.07.2026).

Вместе с тем специализированная методология применения матриц дизайна применительно к расходам на НИОКР в отечественной литературе разработана недостаточно и представлена фрагментарно [1, с. 82; 2, с. 42; 3, с. 34].

Цель исследования – разработка методологии применения матрицы дизайна контрольных и экспертно-аналитических мероприятий для трех направлений государственного аудита (контроля) расходов на НИОКР и обоснование их интеграции в качестве необходимого элемента программы аудита (контроля).

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на методологической триаде: системный анализ нормативно-правовой базы государственного аудита (контроля) в сфере НИОКР; обобщение практики контрольных и экспертно-аналитических мероприятий (далее – КиЭАМ) СП РФ и Федерального казначейства за 2022–2025 гг.; синтез на основе международных стандартов ИНТОСАИ (GUID 3920 «The Performance Auditing Process», ISSAI 3000 «Performance Audit Standard»).

Эмпирическую базу исследования составили семь КиЭАМ двух органов государственного финансового контроля за 2022–2025 гг.: четыре контрольных мероприятия и одно экспертно-аналитическое мероприятие СП РФ и два контрольных мероприятия Федерального казначейства. Порядок анализа единообразен для каждого мероприятия: идентификация предмета и цели контроля в части НИОКР; выявление применявшихся методов; систематизация ключевых выводов и нарушений; установление соответствия выявленных индикаторов элементам разрабатываемых матриц дизайна. Перечисленные мероприятия охватывают все три выделенных направления аудита (контроля) НИОКР – планирование, законность и эффективность – и обеспечивают репрезентативную эмпирическую основу для верификации разработанных матриц.

При разработке матриц дизайна использован метод структурированного проектирования программы аудита (контроля) [4, с. 102–108], предполагающий последовательное раскрытие шести элементов для каждого контрольного вопроса: гипотеза, критерий проверки, метод аудита (контроля), источники данных с ограничениями, индикаторы нарушений, рекомендации. Для выявления специфики НИОКР как предмета аудита (контроля) применен метод сравнительного анализа [5, с. 384–386]: сопоставлены характеристики НИОКР со стандартными предметами (закупка товаров, строи-

тельство, субсидии организациям). Разграничение позитивных и критических гипотез осуществлено на основе матричного подхода [4, с. 102–108; 6, с. 13–14]: для каждого контрольного вопроса выработаны два варианта гипотезы – при наличии и при отсутствии предварительных индикаторов нарушений. Данный подход соответствует требованиям GUID 3920 к формулированию аудиторских вопросов и позволяет избежать предвзятости аудиторских выводов.

Воспроизводимость исследования обеспечивается открытостью и верифицируемостью его эмпирической базы: все семь исследованных КиЭАМ, а также иные опубликованы на официальных сайтах СП РФ и Федерального казначейства и доступны неограниченному кругу лиц. Методика разработки матриц дизайна детально описана в разделе «Результаты»: последователь-

ность шести элементов (гипотеза, критерий, метод, источники и ограничения, индикаторы нарушений, рекомендации) является стандартизированной в соответствии с GUID 3920 и может быть воспроизведена инспектором на аналогичной выборке КиЭАМ.

Результаты исследования и их обсуждение

Специфика НИОКР как предмета государственного аудита (контроля). Прежде чем перейти к методологии матриц дизайна, необходимо систематизировать характеристики НИОКР, принципиально отличающие их от большинства иных предметов государственного аудита (контроля). Данные характеристики предопределяют структуру матриц и их ограничения (табл. 1) [5, с. 385; 7, с. 341].

Таблица 1

Специфические характеристики НИОКР как предмета государственного аудита

Характеристика	Содержание	Следствие для аудита (контроля)
Вероятностный характер результата	Научный результат не может быть гарантирован на этапе планирования; отрицательный результат может иметь самостоятельную ценность при надлежащем документировании	Традиционный критерий «планируемый результат достигнут» применим с ограничениями; необходим дифференцированный подход к оценке фундаментальных и прикладных НИОКР
Нематериальность результатов	Результаты воплощаются в объектах интеллектуальной собственности (патентах, базах данных, конструкторской документации), стоимость которых не поддается объективной рыночной оценке по стандартным методикам	Требуется специализированная экспертиза для оценки стоимости охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД); необходим обязательный контроль их постановки на балансовый учет в качестве нематериальных активов (далее – НМА)
Значительный временной лаг	Между завершением НИОКР и практическим внедрением результатов проходит в среднем 3–7 лет; для фундаментальных исследований цикл может составлять десятилетие	Оценить реальный вклад расходов на НИОКР в показатели государственных программ невозможно в рамках одного бюджетного цикла; необходим долгосрочный мониторинг
Необходимость отраслевой экспертизы	Объективная оценка научно-технического уровня требует специализированных отраслевых экспертов, которыми органы государственного финансового контроля, как правило, не располагают	Матрица дизайна должна явно указывать вопросы, требующие привлечения внешних экспертов, с описанием методики их отбора и критериев независимости
Двойственность правового режима результатов	РИД, созданные за счет бюджетных средств (охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране), могут принадлежать государству, организации-исполнителю или совместно – в зависимости от условий государственного контракта	Необходим обязательный аудит правоустанавливающих документов на РИД; незакрепление прав государства может означать утрату публичного актива

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 2

Типология гипотез матрицы дизайна для аудита (контроля) расходов на НИОКР

Направление	Позитивная гипотеза	Критическая гипотеза
Планирование ассигнований	«Нормативные затраты на НИОКР рассчитаны в соответствии с утвержденными методиками и отклоняются от фактических расходов в допустимых пределах»	«Нормативные затраты содержат необоснованно завышенные значения, что ведет к систематическому образованию неиспользованных остатков субсидий»
Законность расходов	«Акты приемки НИОКР содержат все обязательные реквизиты и описание фактически достигнутых результатов, а НМА поставлены на балансовый учет в установленные сроки»	«Акты приемки воспроизводят формулировки ТЗ без описания конкретных результатов, что лишает возможности верифицировать факт их получения»
Эффективность расходов	«Результаты НИОКР, завершаемых за счет бюджетных средств, применяются в практической деятельности в течение двух лет после приемки»	«Значительная доля результатов принятых НИОКР не применяется практически и не передается другим субъектам в разумные сроки»

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Совокупность данных характеристик формирует уникальный профиль рисков, не охватываемый стандартными контрольными процедурами. Это подтверждается результатами практики: применение стандартных инструментов аудита соответствия выявляет нарушения в оформлении документов, но не позволяет оценить реальную научно-технологическую отдачу от расходов [1, с. 86–87; 8, с. 812–813]. Методологическим ответом на данный вызов служат матрицы дизайна, структурно закрепляющие нестандартные методы [7, с. 342] – бенчмаркинг, причинно-следственный анализ, привлечение отраслевой экспертизы.

Типология гипотез матрицы дизайна применительно к расходам на НИОКР. Принципиальным методологическим элементом матрицы дизайна является формулировка гипотезы – предварительного суждения об ожидаемом состоянии объекта контроля [4, с. 110; 9, с. 6]. В зависимости от результатов предварительного изучения объекта гипотеза формулируется как позитивная (нет индикаторов нарушений) или критическая (выявлены конкретные «сигналы»). Разработанная типология гипотез представлена в табл. 2.

Принципиально важно, что направленность гипотезы является не аксиомой, а следствием аналитических выводов предварительного этапа. При отсутствии конкретных индикаторов нарушений формулирование критической гипотезы «по умолчанию» ведет к предвзятости аудиторских выводов и нарушению принципа объективности государственного аудита (контроля), закрепленного в ISSAI 100 «Fundamental Principles of Public-Sector Auditing». Напротив, при наличии индикаторов нарушений (систематических остатков субсидий,

жалоб, данных предшествующих КиЭАМ) формулирование позитивной гипотезы приведет к неполноте охвата рисков.

Матрицы дизайна для трех направлений государственного аудита (контроля) расходов на НИОКР. На основе разработанной типологии гипотез и анализа практики семи КиЭАМ составлены матрицы дизайна для трех направлений государственного аудита (контроля) расходов на НИОКР (табл. 3) [7, с. 343–346; 10, с. 70]. В рамках одного КиЭАМ могут использоваться элементы нескольких матриц, что обеспечивает синергетический эффект от сочетания аудита соответствия и аудита эффективности.

Планирование. Ключевой гипотезой данного направления является завышение нормативных затрат в государственных заданиях [2, с. 46–47; 10, с. 68]. Эмпирическим обоснованием данной гипотезы служат данные о систематических неиспользованных остатках субсидий: по трем ведущим вузам совокупный остаток на 01.01.2025 составил 11,2 млрд руб.⁵, что является одним из индикаторов возможного завышения нормативных затрат и служит основанием для постановки критической гипотезы 1.2 и последующей ее проверки (причиной остатков могут также являться неисполненные контракты, несвоевременные поставки или корректировки плана). Для данного направления специфическим методом является анализ ЕГИСУ НИОКР на предмет дублирования тематик.

⁵ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка деятельности ведущих образовательных учреждений высшего образования в части использования средств, выделенных в 2021–2024 годах на финансовое обеспечение их деятельности», утвержден Коллегией СП РФ 29 октября 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/2c4/sgiy nrw1 drjlc4 rkbvncvx5cs7wvqou8/Otchet_finansirovanie_vuzov.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

Таблица 3

Матрицы дизайна для трех направлений государственного аудита (контроля) расходов на НИОКР

Гипотеза / контрольный вопрос	Критерий проверки	Метод аудита (контроля)	Источники данных / ограничения	Ключевой индикатор нарушения	Рекомендации
Направление 1. Планирование и обоснование бюджетных ассигнований на НИОКР					
1.1. Ассигнования не обеспечены связью с приоритетами Стратегии научно-технологического развития (далее – СНТР)	Каждый главный распорядитель бюджетных средств (далее – ГРБС) документально подтверждает связь запрашиваемых ассигнований с приоритетом СНТР и показателями государственной программы	Анализ обоснований бюджетных ассигнований; сопоставление с паспортами государственных программ и СНТР; экспертный анализ содержательной связи	Источники: обоснования бюджетных ассигнований (далее – ОБАС) ГРБС; паспорта государственных программ; СНТР. Ограничение: ОБАС нередко содержат шаблонные формулировки без раскрытия реального обоснования	Шаблонные формулировки обособлений бюджетных ассигнований без содержательной связи с СНТР; идентичные формулировки у разных ГРБС	Закрепить в порядке формирования ОБАС обязательное соотнесение каждой заявки на НИОКР с конкретным приоритетом СНТР; ввести предварительный контроль соответствия ОБАС стратегическим приоритетам
1.2. Нормативные затраты превышены – порождают систематические остатки субсидий	Отклонение нормативов от фактических расходов не превышает установленного предела; наличие методического обоснования коэффициентов выравнивания	Документальная проверка расчетов нормативных затрат; сравнение с фактическими данными; бенчмаркинг по однотипным организациям	Источники: Расчеты нормативных затрат ГРБС; данные бухгалтерской отчетности об исполнении государственных заданий. Ограничение: отсутствие открытых отраслевых бенчмарков нормативных затрат	Нормативы выше фактических без методического обоснования; систематические неиспользованные остатки субсидий	Актуализировать ведомственные методики расчета нормативных затрат с обязательным использованием данных о фактических расходах за предшествующие годы; установить предельный уровень отклонения нормативов
1.3. Тематики НИОКР дублируются без анализа в Единой государственной информационной системе учета НИОКР гражданско-назначения (далее – ЕГИСУ НИОКР)	Наличие документально подтвержденного анализа дублирования в ЕГИСУ НИОКР; отсутствие тематик, аналогичных текущим/завершенным НИОКР других ГРБС	Перекрестный анализ тематик в ЕГИСУ НИОКР; сравнительный анализ технических заданий; проверка наличия внутренних регламентов проверки дублирования у ГРБС	Источники: Данные ЕГИСУ НИОКР; технические задания планируемых НИОКР. Ограничение: неполнота ЕГИСУ НИОКР – часть сведений вносятся с нарушением сроков, что затрудняет анализ дублирования	Тематики с существенным схожим предметом у разных ГРБС без документальных обоснований отсутствия дублирования	Установить обязательную проверку отсутствия дублирования в ЕГИСУ НИОКР как условие включения НИОКР в ОБАС; разработать автоматизированный модуль поиска дублирования
Направление 2. Законность и целевой характер использования средств федерального бюджета на НИОКР					
2.1. Первичная документация по НИОКР не содержит описания фактически достигнутых результатов	Акты приема соответствуют ч. 2 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ; описание конкретных достигнутых результатов; регистрация отчетов в ЕГИСУ НИОКР	Документальная проверка актов приема; проверка регистрации в ЕГИСУ НИОКР; анализ порядка приема НИОКР у ГРБС	Источники: акты приема НИОКР; данные ЕГИСУ НИОКР о статусе регистрации отчетов. Ограничение: оценка содержания отчета не зарегистрированы в ЕГИСУ НИОКР в установленные сроки	Акты воспроизводят техническое задание без описания результатов; отчеты не зарегистрированы в ЕГИСУ НИОКР в установленные сроки	Ввести типовые требования к содержанию актов приема НИОКР с описанием достигнутых характеристик; установить регистрацию в ЕГИСУ НИОКР как условие оплаты работ
2.2. НМА, созданные за счет бюджетных средств, не поставлены на балансовый учет	Постановка на учет охраноспособных результатов в течение 3 месяцев с даты приемки*; соответствие данных бухгалтерского учета данным Роспатента и ЕГИСУ НИОКР	Инвентаризация НМА; анализ бухгалтерских регистров; проверка данных Роспатента; сопоставление с ЕГИСУ НИОКР	Источники: данные бухгалтерских регистров; сведения Роспатента; реестр ЕГИСУ НИОКР. Ограничение: длительность административных процедур регистрации РИД	Завершенные НИОКР с охраноспособными результатами не отражены на счете НМА; расхождение числа патентов Роспатента и НМА на балансе	Включить инвентаризацию НМА в программы всех КиЭ-АМ по НИОКР; обязать ГРБС вести реестр создаваемых охраноспособных результатов

Окончание табл. 3

Гипотеза / контрольный вопрос	Критерий проверки	Метод аудита (контроля)	Источники данных / ограничения	Ключевой индикатор нарушения	Рекомендации
2.3. Внебюджетное соотношение привлекаемых средств, установленных в установленном объеме	Фактическое привлечение внебюджетных средств в объеме, установленном правилами предоставления субсидии и соглашением; документальное подтверждение источников	Документальная проверка первичных документов о внебюджетных средствах; анализ банковских выписок и договоров с партнерами; встречные проверки	Источники: первичные документы о привлечении внебюджетных средств; договоры с партнерами-соинвесторами. Ограничение: сложность верификации реального источника при наличии косвенных форм софинансирования	Декларируемое соотношение не подтверждается первичными документами; средству, заявленное как внешнее, фактически являются бюджетными из другого источника	Конкретизировать в правилах предоставления субсидии допустимые формы внебюджетного софинансирования; ввести поэтапный мониторинг его фактического привлечения в ходе выполнения НИОКР
Направление 3. Эффективность использования средств федерального бюджета на НИОКР					
3.1. Значительная доля результатов НИОКР не применяется практически и не передается другим субъектам в разумные сроки	Документальное подтверждение практического использования (акты внедрения, лицензионные договоры, отчеты о коммерциализации)	Анализ документов о практическом использовании; запросы в организации-исполнители; анализ лицензионных договоров; сопоставление с ЕГИСУ НИОКР	Источники: отчеты об использовании результатов НИОКР; лицензионные договоры; данные ЕГИСУ НИОКР. Ограничение: длительный инновационный цикл для фундаментальных исследований	Отсутствие документальных свидетельств применения по значительной доле принятых НИОКР (само по себе не означает отсутствия результата, однако является основанием для анализа причин и оценки риска нерезультативности расходов)	Установить обязательное подтверждение практического использования результатов в течение определенного периода; ввести «результативность внедрения» как критерий оценки эффективности ГРБС
3.2. Фактические показатели НИОКР систематически отклоняются от плановых	Достижение в установленные сроки всех показателей государственного задания; подтверждение публикации базой WoS/Scopus; охранные документы Роспатента по патентам	Документальная проверка актов; сверка публикаций с базами WoS/Scopus; анализ охранных документов; оценка соответствия вида результатов плану	Источники: акты приемки; базы данных WoS/Scopus, РИНЦ; документы Роспатента. Ограничение: возможный временной лаг между завершением НИОКР и регистрацией публикации	Систематическое недостижение показателей; публикации в изданиях, не индексируемых в WoS/Scopus; подмена одних видов результатов другими	Ввести промежуточный контроль достижения показателей; разработать систему последствий при систематическом недостижении показателей
3.3. ЕГИСУ НИОКР не обеспечивает полноты и достоверности сведений о выполненных НИОКР	Доля завершенных НИОКР с актуализированными сведениями в ЕГИСУ НИОКР – не менее 95 %**;	Анализ ЕГИСУ НИОКР на предмет полноты данных; выборочная сверка с первичными документами; оценка сроков внесения сведений	Источники: данные ЕГИСУ НИОКР; нормативная документация. Ограничение: возможность проверки достоверности ограничена объемом данных ЕГИСУ НИОКР	Доля НИОКР с неактуализированными сведениями превышает 20 %***; расхождение данных ЕГИСУ НИОКР и первичных документов по существенным параметрам	Провести модернизацию ЕГИСУ НИОКР с добавлением функций отслеживания статуса внедрения РИД; установить персональную ответственность должностных лиц ГРБС

Примечание: составлена авторами по материалам GUID 3920 «The Performance Auditing Process», методических рекомендаций СП РФ по применению аудита эффективности и результатов КиЭАМ.

* – Срок определен по аналогии с периодом, установленным для принятия к учету иных объектов нефинансовых активов в соответствии с Федеральным стандартом бухгалтерского учета государственных финансов «Нематериальные активы», утвержденным приказом Министерства финансов Российской Федерации от 15 ноября 2019 г. № 181н.

** – Пороговое значение 95 % принято по аналогии с допустимым уровнем полноты данных в государственных информационных системах.

*** – Порог индикатора в 20 % соответствует уровню существенности, общепринятому в аудиторской практике.

Законность. Наиболее значимой гипотезой является ненадлежащее оформление первичной документации по НИОКР [2, с. 46]: акты приемки 99 НИР содержат формальное подтверждение выполнения работ, однако документального подтверждения практического применения результатов НИОКР (в том числе как охраноспособных РИД или иных объектов, пригодных к введению в хозяйственный оборот) не представлено⁶. Критерием проверки служит соответствие актов требованиям ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 06 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», прежде всего – наличие описания конкретных достигнутых результатов, а не воспроизведение требований технического задания.

Эффективность. Центральной гипотезой является систематическое неиспользование результатов НИОКР [3, с. 46–50; 11, с. 35–36]. Специфическим методологическим требованием при проверке данной гипотезы является дифференцированный подход к временному горизонту оценки: двухлетний горизонт обоснован для прикладных разработок и опытно-конструкторских работ, тогда как для фундаментальных исследований стандартный горизонт внедрения составляет 5–10 лет [4, с. 198; 12, с. 48]. Матрица должна явно обосновывать принятый горизонт оценки.

Специфические требования к матрицам дизайна при аудите НИОКР. На основании проведенного исследования сформулированы пять специфических требований, отличающих матрицы дизайна для аудита (контроля) НИОКР от стандартных матриц аудита эффективности.

Требование 1: дифференциация по типу НИОКР. Матрицы должны различать подходы к фундаментальным исследованиям, прикладным исследованиям и опытно-конструкторским разработкам [8, с. 810; 11, с. 35]: критерии оценки, временные горизонты и ожидаемые типы результатов принципиально различны. Применение единой матрицы без данной дифференциации ведет к методологически некорректным выводам – в частности, к неоправданной критике фун-

даментальных исследований за отсутствие немедленных практических результатов.

Требование 2: встроенная экспертная составляющая. Матрица должна содержать явное указание на вопросы, требующие привлечения отраслевых экспертов, с описанием методики их отбора, критериев независимости и порядка оформления заключений [13, с. 35–36]. Без данного элемента невозможна проверка качественных параметров результатов НИОКР – в частности, соответствия технических характеристик опытного образца требованиям технического задания государственного контракта.

Требование 3: аудит государственных информационных систем как самостоятельного предмета. Например, ЕГИСУ НИОКР должна рассматриваться не только как источник данных, но и как самостоятельный предмет аудита (контроля). Это обусловлено тем, что ненадлежащее функционирование системы⁷ лишает государство возможности мониторинга совокупного результата расходов на НИОКР, делая бессодержательными все прочие элементы контрольного или экспертно-аналитического мероприятия [14, с. 28–30].

Требование 4: учет жизненного цикла НИОКР. Выбор временного горизонта для оценки практического использования результатов должен обосновываться спецификой тематики и типом НИОКР [4, с. 198; 12, с. 48]. Отсутствие данного обоснования в матрице ведет либо к искусственному занижению выявленных проблем (при слишком коротком горизонте), либо к невозможности практического применения выводов (при слишком длинном горизонте, выходящем за рамки среднесрочного бюджетного планирования).

Требование 5: интеграция с видами аудита. Матрица дизайна для аудита НИОКР должна обеспечивать одновременный охват аудита соответствия (блок направления 2) и аудита эффективности (блок направления 3) [7, с. 344; 10, с. 72; 15, с. 159]. Раздельное применение ведет к неполноте контрольного воздействия: аудит соответствия фиксирует формальные нарушения в документации, тогда как аудит эффективности оценивает реальный научно-технологический результат. Только в совокупности они формируют целостную картину состояния расходов на НИОКР.

⁶ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования средств федерального бюджета, выделенных в 2022–2023 годах и истекшем периоде 2024 года федеральному государственному образовательному бюджетному учреждению высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в виде субсидий на финансовое обеспечение выполнения государственного задания, на иные цели и на капитальные вложения в объекты государственной собственности», утвержден Коллегией СП РФ 26 сентября 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/a2d/uw3lx1fhp2jybetpisue47gmeljw15hr/Otchet-KM-Finuniversitet_OBRAZOVANIE_GOSUPRAVLENIE_.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

⁷ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Аудит реализации мер государственной поддержки инновационной деятельности по созданию и развитию инновационной инфраструктуры в 2019–2023 годах (при необходимости в более ранний период)», утвержден Коллегией СП РФ 26 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/1ae/uqipf7jdy47xmk3hqju288preoxmf2q.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. НИОКР обладают пятью специфическими характеристиками как предмет государственного аудита, которые предопределяют недостаточность стандартных контрольных процедур и требуют применения специализированного методологического инструментария. Центральными из этих характеристик являются вероятность результата и значительный временной лаг до практического внедрения.

2. Матрицы дизайна обеспечивают принципиальные методологические преимущества: структурную определенность критериев проверки, явное указание ограничений контроля и избежание предвзятости аудиторских выводов. Разработанная типология гипотез (позитивные и критические) позволяет корректно адаптировать программу аудита (контроля) к конкретному предмету на основе данных предварительного этапа.

3. Разработанные матрицы дизайна для трех направлений аудита (контроля) расходов на НИОКР обеспечивают системный охват всего расходного цикла. Работоспособность разработанных матриц подтверждается их апробацией на материалах семи КиЭАМ СП РФ и Федерального казначейства: каждый контрольный вопрос матрицы находит прямое фактическое подтверждение в конкретных мероприятиях, а выявленные в ходе этих мероприятий нарушения и индикаторы рисков воспроизводятся именно теми элементами матриц, для обнаружения которых они предназначены.

4. Необходимо рассмотреть нормативное закрепление применения матриц дизайна при подготовке программ КиЭАМ в сфере НИОКР как в рамках стандартов внешнего государственного аудита (контроля), так и в стандартах и ведомственных актов органов внутреннего государственного финансового контроля.

Список литературы

1. Лозицкая О. И., Воронина Н. Л. Аудит эффективности: важность и перспективы в рамках системы государственного финансового контроля // *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24. № 2. С. 82–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audit-effektivnosti-vazhnost-i-perspektivy-v-ramkah-sistemy-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya> (дата обращения: 20.04.2026). DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-2-82-91.
2. Карепина О. И. Развитие аудита эффективности государственных расходов // *Международный бухгалтерский учет*. 2014. № 30 (324). С. 42–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-audita-effektivnosti-gosudarstvennykh-raschodov> (дата обращения: 20.04.2026).

[ru/article/n/razvitiye-audita-effektivnosti-gosudarstvennykh-raschodov](https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-audita-effektivnosti-gosudarstvennykh-raschodov) (дата обращения: 20.04.2026).

3. Терещенко Д. С. Аудит эффективности как особая форма государственного аудита // *Публично-правовые исследования*. 2017. № 3. С. 34–63.

4. Саунин А. Н. Государственный аудит: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Издательство Московского университета, 2019. 480 с. ISBN 978-5-19-011412-6.

5. Kells S. The seven deadly sins of performance auditing: Implications for monitoring public audit institutions // *Australian Accounting Review*. 2011. Vol. 21. Is. 4. P. 383–396. DOI: 10.1111/j.1835-2561.2011.00150.x.

6. Столяров Н. С., Семенова А. А., Кузина М. Н. Взаимосвязь финансового контроля и бухгалтерского учета в условиях рыночной экономики // *Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях*. 2020. № 12. URL: <https://panor.ru/articles/vzaimosvyaz-finansovogo-kontrolya-i-bukhgalterskogo-ucheta-v-usloviyakh-rynochnoy-ekonomiki/53071.html#> (дата обращения: 20.04.2026).

7. Rana T., Steccolini I., Bracci E., Mihret D. G. Performance auditing in the public sector: A systematic literature review and future research avenues // *Financial Accountability & Management*. 2022. Vol. 38. Is. 3. P. 337–359. DOI: 10.1111/faam.12312.

8. Карепина О. И., Меликсетян С. Н. Бюджетное финансирование и контроль эффективности расходов в учреждениях культуры // *Международный бухгалтерский учет*. 2017. № 14 (428). С. 810–827. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhethoe-finansirovanie-i-kontrol-effektivnosti-raschodov-v-uchrezhdeniyah-kultury> (дата обращения: 20.04.2026).

9. Голикова Т. А. Основные направления совершенствования финансового контроля // *Вестник АККОР*. 2013. № 4 (28). С. 5–7. EDN: RSAWST.

10. Коваленко С. Н., Трунова Е. А. Аудит эффективности: современные проблемы и пути их решения // *Экономика. Информатика*. 2017. № 2 (251). С. 68–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/audit-effektivnosti-sovremennye-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 20.04.2026).

11. Карепина О. И., Меликсетян С. Н. Развитие государственного финансового контроля в сфере здравоохранения // *Финансы и кредит*. 2016. № 30 (702). С. 33–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-sfere-zdravooohraneniya> (дата обращения: 20.04.2026).

12. Арабян К. К. Концептуальные основы развития российского аудита в системе финансового контроля: монография. М.: Первое экономическое издательство, 2023. 160 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53967811> (дата обращения: 20.04.2026). DOI: 10.18334/9785912924675. ISBN 978-5-91292-467-5.

13. Харитонов Е. С. Особенности и барьеры оценки ИИ-зрелости (на примере реализации в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации) // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2025. № 113. С. 31–44. URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/issue/view/113> (дата обращения: 20.04.2026).

14. Саакян Т. В. Нормативно-методическое обеспечение мониторинга достижения результатов НИОКР, осуществляемых за счет субсидий из федерального бюджета // *Финансовый журнал*. 2024. Т. 16. № 4. С. 24–40. URL: https://www.finjournal-nif.ru/images/FILES/Journal/Archive/2024/4/statii/02_4_2024_v16.pdf (дата обращения: 20.04.2026). DOI: 10.31107/2075-1990-2024-4-24-40.

15. Долганова О. И., Козырев Д. А. Зарубежный опыт цифровизации превентивного государственного финансового контроля (на примере США, Китая, Канады, Индии и Австралии) // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024. № 104. С. 147–161. URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1690> (дата обращения: 20.04.2026). DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-147-161.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Статья опубликована по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Financing: The article is based on research conducted using budget funds under a government assignment from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

ДЕПОЗИТОСПОСОБНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА И ЕГО КЛИЕНТОВ

Продолятченко П. А. ORCID ID 0009-0003-7041-4321

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
Москва, Российская Федерация, e-mail: kubanbankai@mail.ru*

В данной статье рассматриваются вопросы депозитной деятельности коммерческих банков, связанные с заимствованием денежных средств у юридических и физических лиц и формированием депозитного портфеля для осуществления финансово-кредитных операций по извлечению прибыли. Повышение роли депозитов граждан и организаций в обеспечении финансирования банковского бизнеса и решении проблемы дефицита финансовых ресурсов, также усиление важности качественного состава депозитного портфеля банков обусловили выбор темы исследования, актуальность которой подчеркивается процессами изменения динамики и структуры депозитов, рисками увеличения доли и размера краткосрочных депозитов, при снижении доли «длинных денег» в распоряжении кредитных организаций. Целью проведения исследования является осуществление анализа динамики и структуры банковских депозитов за период с начала 2022 г. по настоящее время, обоснование необходимости оценки депозитоспособности коммерческих банков и их клиентов, определение путей укрепления депозитных отношений, разработка предложений, направленных на улучшение качества депозитного портфеля банков. В процессе исследования применялись методы анализа, синтеза, сравнения, описания, классификации. В исследуемый период отмечается снижение качества депозитного портфеля коммерческих банков, в значительной мере обусловленное, по мнению автора, недостаточной аналитической, маркетинговой и коммуникативной работой менеджмента банка, не использующего процедуру оценки депозитоспособности. Оценка депозитоспособности рассматривается как основа банковского депозитования как отрасли, обеспечивающей формирование ресурсной базы для развития кредитно-инвестиционного потенциала банковской сферы. Раскрывается взаимосвязь между оценкой депозитоспособности депозиторов – юридических и физических лиц и возможностями формирования устойчивой депозитной базы коммерческих банков в необходимых размерах и надлежащего качества. Предлагаются пути анализа депозитоспособности депозитных стейкхолдеров-инвесторов и подчеркивается необходимость разработки методик оценки депозитоспособности отдельных институтов финансового рынка и существующих страт депозитных стейкхолдеров.

Ключевые слова: депозиты, депозитование, депозитоспособность, инвесторы, банки, депозитные стейкхолдеры, сберегатели, депозитные отношения, депозитный портфель

THE DEPOSIT-CARRYING ABILITY OF A COMMERCIAL BANK AND ITS CLIENTS

Prodolyatchenko P. A. ORCID ID 0009-0003-7041-4321

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Financial University under the Government of the Russian Federation”,
Moscow, Russian Federation, e-mail: kubanbankai@mail.ru*

This article discusses the issues of deposit activities of commercial banks related to borrowing funds from legal entities and individuals and forming a deposit portfolio for carrying out financial and credit operations aimed at generating profits. The increasing role of citizens' and organizations' deposits in financing banking business and addressing the issue of financial resource scarcity, as well as the growing importance of the quality of banks' deposit portfolios, have led to the selection of this research topic, which is relevant due to the changing dynamics and structure of deposits, the risks of increasing the share and size of short-term deposits, and the decrease in the share of “long-term money” available to credit institutions. The purpose of the study is to analyze the dynamics and structure of bank deposits for the period from the beginning of 2022 to the present, to justify the need to assess the deposit capacity of commercial banks and their clients, to identify ways to strengthen deposit relations, and to develop proposals aimed at improving the quality of banks' deposit portfolios. The study used methods of analysis, synthesis, comparison, description, and classification. During the study period, there was a decrease in the quality of the deposit portfolio of commercial banks, which, according to the author, was largely due to insufficient analytical, marketing, and communication efforts by the bank's management, which did not use the depositability assessment procedure. The assessment of depositability is considered as the basis of banking deposit as an industry that ensures the formation of a resource base for the development of the credit and investment potential of the banking sector. The article reveals the relationship between the assessment of depositability of depositors – legal entities and individuals – and the ability to form a stable deposit base of commercial banks in the required amounts and of appropriate quality. The article proposes ways to analyze the depositability of deposit-investing stakeholders and emphasizes the need to develop methods for assessing the depositability of individual financial market institutions and existing strata of deposit stakeholders.

Keywords: deposits, deposit-taking, deposit-worthiness, investors, banks, deposit stakeholders, savers, deposit relations, deposit portfolio

Введение

Современный этап функционирования банковской сферы страны характеризуется наличием дефицита финансовых ресурсов для обеспечения деятельности государства и хозяйствующих субъектов. Зависимость банковского бизнеса от внешних заемных денежных средств еще более обостряет данную проблему. Вопросы формирования ресурсной базы отечественных банков в необходимых объемах и надлежащего качества становятся первостепенными для банковского менеджмента. Проблемы зависимости формирования ресурсной базы от сберегательного поведения собственников денежных средств, неустойчивости депозитной составляющей привлеченных (заемных) капиталов коммерческих банков, угрозы потери ликвидности и возрастания рисков несоответствия кредитного портфеля депозитному в значительной степени обусловлены слабой аналитической и маркетинговой работой менеджмента банка с клиентами-депозиторами и потенциальными вкладчиками. Это обуславливает потребность проведения исследований финансовых отношений коммерческих банков с субъектами, обладающими денежными доходами и сбережениями, оценки их инвестиционного потенциала и возможности его вовлечения в банковский бизнес. Эта работа включает как оценку депозитоспособности собственников денежных средств, так и коммерческих банков, возможность формирования депозитного портфеля которых требуется выяснить и принять меры по их увеличению.

Цель исследования – проведение анализа динамики и структуры банковских депозитов и обоснование необходимости оценки депозитоспособности коммерческих банков и их клиентов, определение путей укрепления депозитных отношений, разработка предложений, направленных на улучшение качества депозитного портфеля банков. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- определить понятия «депозитоспособность коммерческого банка», «депозитоспособность физических лиц», «депозитоспособность юридических лиц»;
- осуществить анализ и оценку динамики объемов и структуры привлеченных на депозитные счета финансовых ресурсов физических и юридических лиц в период с начала 2022 г. по настоящее время;
- оценить характер депозитных отношений банков со сберегателями и определить пути укрепления депозитных отношений с целью формирования устойчивой депозитной базы коммерческих банков на ос-

нове долгосрочного взаимовыгодного партнерства собственников финансовых ресурсов и кредитных организаций;

- разработать и предложить меры, направленные на улучшение качества депозитного портфеля банков посредством увеличения доли долгосрочных депозитных вложений физических и юридических лиц.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании использовались материалы научных статей, аналитических обзоров, экспертных публикаций и выступлений ведущих специалистов в сфере банковского дела и экономического развития. Основу статьи составляют авторские исследования вопросов депозитования, формирования и развития депозитного рынка России, становления науки депозитологии. В анализе рассматривались статистические данные Банка России с применением методов сравнения экономических показателей, характеризующих депозитную деятельность банков в разные периоды. В процессе исследования и обобщения материала применялись методы описания, классификации, анализа, синтеза и научного обоснования.

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из основных особенностей банковского бизнеса является его зависимость от способности аккумулировать финансовые ресурсы долгового рынка для обеспечения проведения собственных активных операций по размещению привлеченного капитала в целях обеспечения достижения цели деятельности – извлечения прибыли. Следует учитывать, что «потенциал традиционных операций в области финансирования кредитов за счет депозитов в настоящее время снижается: чтобы оказаться конкурентоспособными в финансовой системе XXI в., банкам следует разрабатывать особые, базирующиеся на использовании новых технологий стратегии» [1]. В сложной экономической и геополитической обстановке важно обеспечить устойчивость привлеченной (заемной) ресурсной базы кредитных организаций, не допустить существенного оттока денежных ресурсов из банковского бизнеса и найти способы пополнения и укрепления кредитно-инвестиционного потенциала банковского сектора страны. Что предполагает обеспечение устойчивых связей и отношений с экономическими субъектами, обладающими финансовыми ресурсами и желающими их преумножить посредством участия в банковском бизнесе. В значительной степени устойчивость ресурсной базы банков за-

висит от стабильности, долгосрочности, выгодности, надежности заемных отношений с инвесторами – собственниками финансового капитала. «Для банковского бизнеса роль и значение взаимодействия с подобными субъектами становится все более важной управленческой задачей» [2]. В настоящее время такими субъектами, от которых зависит возможность осуществления банковской деятельности и развитие отечественной экономики, являются сберегатели (физические и юридические лица). Неоспоримым фактом является «возрастание степени воздействия поведения сберегателей на процессы формирования ресурсной базы кредитных организаций, включая организацию непрерывного депозитного финансирования банковской деятельности» [2]. Сберегатели, осуществляя размещение финансового капитала на банковских депозитных счетах, становятся заинтересованными лицами (стейкхолдерами) в развитии банковского бизнеса. Исходя из изменения каналов формирования ресурсной базы банков и монополизации источника ресурсного обеспечения банковской деятельности, менеджменту кредитных организаций необходимо при осуществлении депозитования и проведении депозитной политики учитывать существующую ситуацию и принимать комплексные меры, направленные на укрепление отношений с существующими и потенциальными депозиторами-инвесторами.

Исследуемые финансовые отношения по поводу формирования депозитной базы коммерческих банков за счет заемного финансирования банковской деятельности собственниками финансового капитала (физическими и юридическими лицами) относятся к долговому рынку и характеризуют формирование и развитие депозитного рынка России. Выбранный для исследования развития российского общества и экономики период (с начала 2022 г. по настоящее время) характеризуется существенными изменениями условий жизнедеятельности и хозяйствования под воздействием экономических и геополитических факторов. Данные изменения в первую очередь касаются роста дефицита финансовых ресурсов и затрагивают банковскую сферу как основного поставщика кредитно-инвестиционных ресурсов для экономики страны. Решение проблемы формирования и развития кредитно-инвестиционного потенциала банковской сферы, по нашему убеждению, кроется в активном вовлечении финансового капитала физических и юридических лиц в банковский бизнес через систему депозитования. Важным аспектом при этом является, с одной стороны, определение потреб-

ности в депозитных ресурсах по различным срокам их размещения и возможности их эффективного использования коммерческими банками, с другой стороны – оценка существующей и потенциальной возможности собственников денежных средств обеспечить непрерывность депозитного финансирования банковского бизнеса доходным способом при минимизации рисков потери инвестируемых средств. Для решения данных задач, по мнению автора, необходимо в практику исследований и в банковское дело ввести такое понятие, как «депозитоспособность». Впервые данный термин был использован автором в докладе на научно-практической конференции, организованной Институтом бизнеса Белорусского государственного университета в апреле 2025 г., и адаптивно воспринят научно-педагогическим сообществом. Дефиниция нового специального термина представляется необходимым условием осуществления исследования намеченных проблем. Данный термин предназначен для решения фундаментальной научной задачи: явлению не просто присваивается определенное имя, специальный термин выполняет систематизирующую функцию. По убеждению русского религиозного философа, ученого П. А. Флоренского, «выковать [слово] в удачный термин – это и значит решить поставленную проблему» [3].

В настоящем исследовании автор разделяет понятия «депозитоспособность коммерческого банка», «депозитоспособность физических лиц», «депозитоспособность юридических лиц».

Депозитоспособность коммерческого банка представляет собой организационные и маркетинговые возможности кредитной организации создать систему привлечения финансовых капиталов физических и юридических лиц для размещения на различных депозитных счетах, обеспечить возвратность заимствованных по договору банковского вклада (депозитному договору) денежных средств и выплатить в срок предусмотренное вознаграждение за использование депозитных ресурсов для осуществления активных операций. Депозитоспособность банка характеризует эффективность депозитования в формировании такой системы взаимосвязи между пассивами и активами кредитной организации, в которой обеспечивается использование всех заимствованных ресурсов доходным способом. Депозитные ресурсы при этом должны не использоваться для решения проблем ликвидности, а быть направлены на совершение операций, приносящих доход. Депозитоспособность кредитной организации подразумевает создание условий

для получения доходности в таких размерах, чтобы перекрыть расходы на оплату привлеченных депозитных ресурсов и получить маржинальную разницу, обеспечивающую требуемую рентабельность. Депозитоспособность кредитной организации прежде всего характеризует ее способность наращивать депозитную ресурсную базу и улучшать качество депозитного портфеля. При этом «для проведения эффективного управления депозитами банка необходимо определить оптимальный объем периода хранения срочных вкладов как физических, так и юридических лиц. Сроки депозитов должны быть увязаны со сроками оборачиваемости кредитов, на выдачу которых они могут быть направлены» [4]. Следует отметить, что современному банку необходимы не «всякие» и случайные финансовые ресурсы, а те, которые качественно отвечают его депозитно-кредитной и инвестиционной политике. Депозитоспособность кредитной организации может стать важным критерием в системе показателей для оценки финансовой устойчивости коммерческого банка, а оценка депозитоспособности «даст возможность определить направления повышения финансовой устойчивости кредитной организации, разработать стратегию управления» [5].

Термин депозитоспособность клиентов банка применим к той части пользователей банковских услуг, которые являются субъектами депозитных отношений. Юридические и физические лица обладают схожей депозитоспособностью, однако их депозитные отношения с банками, мотивы сбережения финансовых ресурсов и финансовые возможности различаются. Также следует учитывать, что «каждая из вышеупомянутых частей имеет различную динамику изменения во времени» [6].

Большинство юридических лиц не являются субъектами депозитных отношений, так как направляют заработанные средства на сохранение и развитие собственного бизнеса. Как правило, корпоративные хозяйствующие структуры в своей деятельности используют заемный капитал и свободных средств не имеют. Депозитной деятельностью охвачены такие финансовые институты, как негосударственные пенсионные, страховые организации, инвестиционные фонды и компании, которые активно диверсифицируют свои финансовые ресурсы. Используют краткосрочные депозиты и те предприятия и организации (включая бюджетные), у которых существует разрыв между получением (накоплением) денежных средств и их расходованием. Поэтому депозитоспособность юридических

лиц следует рассматривать как наличие возможности размещать временно свободные денежные средства на краткосрочных (до 1 года) депозитных счетах и/или как потребность осуществлять диверсификацию финансовых вложений, включая создание резервов в инвестиционной деятельности. Примером подобной диверсификации является хранение на депозитах сроком свыше 3 лет ресурсов страховых организаций и негосударственных пенсионных фондов в иностранной валюте.

Под депозитоспособностью физических лиц автор подразумевает «наличие у сберегателя возможности и желания поддерживать длительное время с кредитными организациями депозитные отношения и наращивать свой депозитный капитал» [7]. «В основе развития депозитного потенциала граждан лежит выгода от отказа от необоснованного потребления в пользу сбережений денежных средств, стремление получить больше доходов для осуществления их инвестирования в банковский бизнес. Значительная часть банковских стейкхолдеров депозитной деятельностью занимается длительное время и депозиты воспринимает как надежный способ инвестирования сбережений с целью их сохранения и прироста. Депозитные отношения с большинством вкладчиков не ограничиваются разовыми сделками, а перерастают в долгосрочные, прочные связи с многообразным осуществлением депозитных операций» [7].

Следует отметить, что ни одна из существующих категорий, связанных с анализом депозитно-сберегательных процессов, в полной мере не отражает сущности депозитования как процесса привлечения в банковский бизнес денежных сбережений и доходов сберегателей-инвесторов на условиях депозитного договора, реализации данной депозитной сделки, благодаря эффективному использованию депозитных средств в активных операциях коммерческого банка. Так, категория «депозитный потенциал» характеризует «величину ресурсов, привлекаемых банком в виде депозитов (вкладов) от физических, юридических лиц. Эти средства используются для финансирования активных операций банка и поддержания его ликвидности» [8]. Сберегательный потенциал оценивается как объем денежных средств исключенных из потребления. Платежеспособность субъекта означает его возможность отвечать по своим денежным обязательствам и осуществлять платежи. Ликвидность – это способность неденежного актива (имущества, бизнеса) быстро и без существенных потерь стоимости превратиться в платежные средства (деньги).

Банковская ликвидность характеризует способность коммерческого банка своевременно и в полном объеме выполнять свои финансовые обязательства.

Осуществление процесса анализа депозитоспособности, по убеждению автора, раскрывает возможности организации депозитования, его процесса и коммуникаций на новом более высоком уровне с учетом особенностей, возможностей и потребностей каждого клиента, с достижением целей его депозитной деятельности посредством реализации сберегательного потенциала на основе долгосрочного партнерства с банковскими организациями.

Банкам необходимо не только оценивать депозитные способности вкладчика, но и развивать его депозитоспособность, трансформируя существующие и будущие сбережения в доходные инвестиции. Таким образом, депозитоспособность является основой банковского депозитования как отрасли, обеспечивающей формирование ресурсной базы для развития кредитно-инвестиционного потенциала банковской сферы. Развивать депозитный потенциал должны как сами банки, так и их вкладчики. Банкам важно не только оценить депозитные способности вкладчика, мотивировать переток сбережений в депозитные инвестиции, но и развить его депозитоспособность, изменяя потребительские потоки собственников денежных средств на сберегательные и депозитно-инвестиционные.

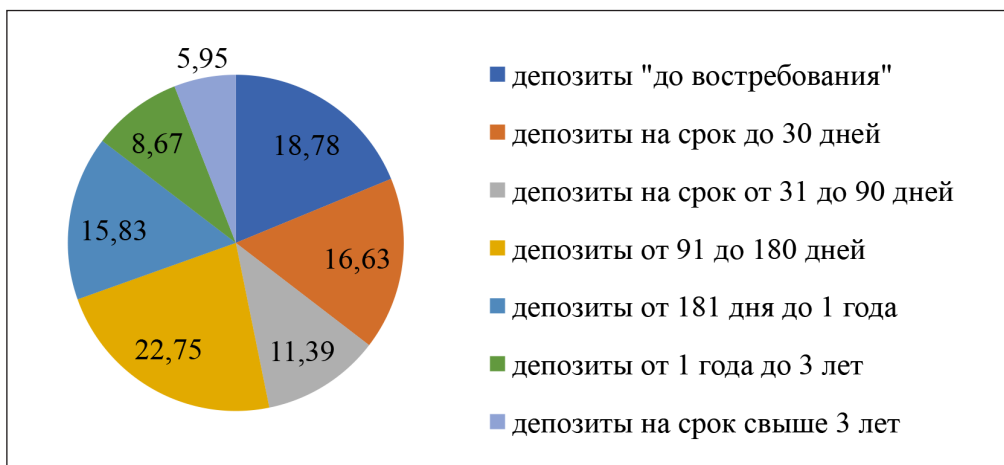
Настоящий период развития банковского сектора России характеризуется наличием глобальных сложностей в обеспечении финансирования кредитных организаций,

что создало проблемы для сохранения и продолжения банковского бизнеса для подавляющего большинства кредитных институтов. «В процессе формирования финансовых ресурсов в банковском бизнесе отмечаются существенные сдвиги, обусловленные невозможностью привлечения иностранных инвестиций и ограничительной политикой рефинансирования кредитных организаций, проводимой Банком России. На банковском рынке сложилась ситуация, при которой дефицит финансовых ресурсов может покрываться лишь за счет вовлечения в банковский бизнес денежных средств граждан (сберегателей) и части финансовых институтов, предоставляющих финансовые услуги населению (страховые организации, негосударственные пенсионные фонды и инвестиционные компании)» [9]. В настоящее время средства, размещенные депозиторами – юридическими и физическими лицами на банковских депозитных счетах, составляют основу всех привлеченных (заемных) финансовых ресурсов коммерческих банков. Несмотря на динамичность изменения условий привлечения депозитов, этот инструмент остается самым востребованным и популярным для сберегателей-инвесторов. По убеждению профессора С. А. Анесянц, «высокая популярность банковских вкладов подтверждается тем, что на протяжении длительного периода времени отмечается постепенный рост объемов средств, размещенных в кредитных организациях» [10]. Изменение содержания депозитного портфеля кредитных организаций за период с начала 2022 г. по настоящее время характеризуют данные таблицы.

Средства на счетах организаций, банковские депозиты (вклады) и другие привлеченные средства юридических лиц, физических лиц и индивидуальных предпринимателей в рублях (в целом по Российской Федерации), млрд руб.

Показатели	01.01.2022	01.01.2023	01.01.2024	01.01.2025	01.01.2026	01.07.2026
Средства клиентов, всего	85,927	97,132	117,281	138,348	134,867	137,134
средства на счетах организаций	15,512	18,495	19,689	20,073	18,895	22,148
депозиты юридических лиц	24,263	29,324	34,974	44,292	36,012	34,583
вклады (депозиты) и другие привлеченные средства физических лиц (с учетом счетов эскроу)	37,964	40,849	50,678	63,373	69,087	70,910
вклады (депозиты) и другие привлеченные средства физических лиц	34,928	36,821	45,105	57,247	61,949	63,573
средства на счетах эскроу	3,036	4,028	5,573	6,126	7,139	7,336
средства индивидуальных предпринимателей	1,327	1,577	2,155	2,595	2,844	2,665

Примечание: составлена автором по данным источника [11].

*Структура депозитов юридических и физических лиц по срокам размещения
(по состоянию на 01.06.2026, в %)*

Примечание: составлен автором по данным источника [14]

За исследуемый период привлеченные средства банков увеличились на 51,207 млрд руб. (на 59,6 %). Из них депозиты юридических лиц увеличились на 10,320 млрд руб., прирост составил 42,54 %, показатель депозитов физических лиц вырос на 32,946 млрд руб., продемонстрировав почти двукратное увеличение. Средства индивидуальных предпринимателей имеют незначительную долю в составе привлеченных ресурсов кредитных организаций – 1,95 % (половина из них – депозитные ресурсы).

Увеличение объемов депозитных вложений индивидуальных и корпоративных депозиторов наблюдалось и в период снижения депозитных процентов, и в период их роста, обусловленного изменениями ключевой ставки Банка России. Как отмечает профессор М. Н. Конягина, «можно сказать, что россияне сберегают, несмотря на величину или вообще наличие реальной доходности по вкладу» [12]. В текущем году под воздействием политики плавного снижения ключевой ставки регулятора финансового рынка наблюдается незначительное снижение депозитов юридических лиц (которое, впрочем, компенсируется использованием банками прироста средств на счетах организаций). Депозиты физических лиц продолжают увеличиваться, хотя темпы прироста снижаются.

Следует отметить, что при росте объемов депозитов их структура, характеризующая качество депозитного портфеля банков, изменяется не в лучшую сторону. Низкое качество депозитного портфеля может привести к возникновению «проблем, которые связаны с уменьшением эффективности

использования привлеченных ресурсов, с ухудшением эффективности депозитных операций» [13]. Общей тенденцией является сокращение доли среднесрочных и долгосрочных депозитов при увеличении долгосрочных депозитных вложений. Причем, если рассматривать депозитный портфель кредитных организаций в совокупности депозитных вложений граждан и организаций, картина выглядит более благополучно. Так, депозиты «до востребования» составляют 18,78 % депозитных средств, наибольший удельный вес у краткосрочных депозитов до 1 года – 66,6 %, среднесрочные депозиты составляют 8,67 % депозитного портфеля, доля в нем долгосрочных депозитов на срок свыше 3 лет – 5,95 % (рисунок).

При рассмотрении общей структуры депозитов у некоторых исследователей складывается впечатление, что «депозитный портфель коммерческих банков РФ является хорошо диверсифицированным как по вкладчикам, так и по срокам вложения денежных средств на счета кредитных организаций. Это говорит о том, что большинство отечественных банков проводят депозитную политику, основанную на сочетании умеренного уровня риска и доходности» [15]. Однако отмечается существенная разница в структуре депозитов юридических и физических лиц, что свидетельствует о различных подходах кредитных организаций в установлении условий депозитных сделок к различным категориям клиентов. Кроме этого, различная структура и динамика ее изменения у рассматриваемых категорий депозиторов указывает не на удачную дифференциацию, а на наличие рисков от-

тока средств и потери банковской ликвидности. Так, рублевые и валютные средства физических лиц, находящиеся на счетах «до востребования» в структуре розничного депозитного портфеля, занимают третью часть, составляя сумму 21,054 млрд руб. из 66,533 млрд руб. всех депозитов частных лиц. Для коммерческих банков это самый доходный, но и самый ненадежный вид привлеченных ресурсов, которые в любой момент могут быть направлены на потребительский рынок, превращены в наличные сбережения или нацелены на использование иных финансовых инструментов. Долгосрочные депозиты граждан на срок свыше 3 лет из года в год сокращаются, их доля в депозитном портфеле составляет лишь 1,36 %. В настоящее время для физических лиц банки предоставляют наиболее выгодные условия по депозитам на срок 4 месяца, и данные средства представляют собой самый широкий сегмент розничного депозитного портфеля, превысив 32 %. Краткосрочные срочные депозиты составляют основу депозитной базы банков: в розничном портфеле они составляют 54,8 % (с депозитами «до востребования» – 86,45 %); в корпоративном – 81,83 %. Короткие сроки депозитов приводят к рискам перетока финансовых ресурсов как в иные кредитные организации, так и в другие финансовые инструменты. Этому способствует осуществляемая коммерческими банками депозитная политика стимулирования притока «новых денег и вкладчиков» в ущерб вниманию к постоянным депозитам и их финансовым ресурсам (включая пролонгацию вкладов). Однако «современный рынок банковских услуг требует от коммерческих банков не только более активного подхода к привлечению новых клиентов, но и внедрения инновационных решений для повышения лояльности существующих» [16].

Таким образом депозитные портфели банков, формируемые как за счет денежных сбережений и доходов физических лиц, так и денежных ресурсов организаций, нельзя признать сбалансированными и полностью отвечающими потребностям банковского сектора и экономики, особенно в части решения проблемы «длинных денег». Депозитная политика коммерческих банков и банковское депозитование должны постоянно совершенствоваться и соответствовать изменениям технологий обслуживания клиентов и факторов, воздействующих на их сберегательное поведение. В предоставлении депозитных услуг, по убеждению автора, необходимо адаптировать принцип

публичности к изменяющемуся значению депозиторов и развивать персонализацию депозитных продуктов и бизнес-процессов. «Стратегии персонализации, омниканальности, а также использование новых методов привлечения, базирующихся на социальной активности и рекомендациях, являются ключевыми для достижения успеха в условиях конкурентной среды» [16]. В постоянно изменяющейся внешней среде, активно воздействующей на поведение потребителей банковских услуг, банковскому сектору необходимо корректировать направления деятельности, формы и методы персонального обслуживания клиентов, сохраняя при этом внутри клиентских групп прозрачность, сопоставимость условий и принцип равного отношения. Современную стратегию депозитования должны характеризовать «не только качество предлагаемых услуг, но и нацеленность на нужных клиентов» [17].

В оценке депозитоспособности невозможно обойтись без учета индивидуальных особенностей каждого депозитора, степени воздействия на него инструментов поведенческих финансов, организации персональной работы над его депозитной историей. Депозитоспособность физических лиц необходимо анализировать, исходя из рассмотрения их финансовых планов, формирование которых является важным направлением работы менеджмента кредитной организации в сфере повышения уровня финансовой культуры населения. Оценка депозитоспособности юридических лиц основывается на рассмотрении стратегических перспектив деятельности компаний, оценки их бизнес-планов и прогнозов развития. Процесс осуществления оценки депозитоспособности клиентов банка способен не только изменить объемы и качество депозитной базы банков, но и позволит «улучшать продукты и сервисы, учитывая реальное поведение клиентов, а не гипотетическую рациональность» [18]. При развитии банковского менеджмента в сфере депозитоспособности клиентов это направление может стать перспективным инструментом поведенческих финансов на рынке депозитных услуг. Также рассматриваемая тематика должна стать объектом научных исследований, определяющих направление и перспективы развития банковской сферы и банковского бизнеса.

Заключение

Необходимость оценки депозитоспособности коммерческих банков и их клиен-

тов обусловлена потребностью формирования и развития кредитно-инвестиционного потенциала банковской сферы посредством создания устойчивой депозитной базы кредитных организаций и укрепления депозитных отношений с депозиторами-инвесторами. Глобальные изменения в логистике денежных потоков привели к существенном дефициту финансовых ресурсов, что вызвало необходимость поиска внутренних источников финансирования, включая депозитное финансирование банковского бизнеса, обеспечивающее последующее инвестирование привлеченных средств в экономику страны.

Проведенный в исследовании анализ динамики роста объемов банковских депозитов и оценка качества и структуры подтверждает важность формирования и применения в аналитической, маркетинговой и коммуникационной работе банковского менеджмента процедуры оценки депозитоспособности коммерческого банка и его клиентов.

В настоящее время коммерческим банкам в процессе депозитования удалось вовлечь в банковский бизнес свыше 115 трлн руб. Объемы депозитных вложений юридических и физических лиц постоянно возрастают, однако темпы прироста средств на банковских депозитах снижаются. С каждым годом банкам все сложнее обеспечивать привлечение новых финансовых капиталов и сохранение существующих депозитных ресурсов традиционными способами депозитования. Без детального расчета финансового потенциала собственников и разработки новых форм и методов мотивации с учетом возможностей и потребностей различных социально-экономических страт сберегателей обеспечение дальнейшего развития депозитного рынка проблематично.

Осуществление оценки депозитоспособности коммерческого банка и их клиентов представляется сложной, но необходимой задачей, от решения которой зависит будущность банковского бизнеса. В отличие от наличия многочисленных разнообразных методик оценки кредитоспособности физических лиц и корпоративных клиентов (включая кредитные организации), для оценки депозитоспособности в настоящее время не существует даже упрощенных способов расчета. Предлагаемые в исследовании пути оценки депозитоспособности физических и юридических лиц не являются исчерпывающими и представляют собой лишь намеченный вектор оценочной

работы. Существенным ограничением исследования является отраслевая специфика банковского бизнеса, отсутствие возможности изучения практики депозитования и протекания депозитных процессов внутри коммерческого банка, так как эффективная депозитная политика является значимым конкурентным преимуществом. В рамках данного исследования не ставилась задача разработки методик оценки депозитоспособности, определения показателей, шкалы, критериев и осуществления расчетов. Цель исследования была связана с обоснованием важности оценки депозитоспособности коммерческих банков и их клиентов как формы развития и укрепления депозитных отношений, способных улучшить качества депозитного портфеля банков. Поэтому необходимо осуществление дальнейшего исследования затронутой в статье тематики и разработка системы оценки депозитоспособности как коммерческих банков, так разных категорий сберегателей.

Список литературы

1. Синки Дж. Финансовый менеджмент в коммерческом банке и в индустрии финансовых услуг / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 1018 с.
2. Продолятченко П. А. Развитие института депозитных стейкхолдеров // Фундаментальные исследования. 2025. № 2. С. 77–84. DOI: 10.17513/fr.43782. EDN: MBEFBD.
3. Манукян К. Г. Специальный термин как инструмент метаязыка науки (на материале терминов в сфере психологии интеллекта) // Russian Linguistic Bulletin. 2026. № 6. С. 1–6. DOI: 10.60797/RULB.2026.78.5.
4. Продолятченко П. А. Депозитоспособность банковских стейкхолдеров / Бизнес. Образование. Экономика: VI Международная научно-практическая конференция (г. Минск, 3–4 апреля 2025 г.): сб. ст. / ред. кол.: Н. В. Манцурова и др. Минск: Институт бизнеса БГУ, 2025. С. 220–225. ISBN 978-985-7214-94-5.
5. Пименов Г. Г., Котюжанская Е. А. Современные инструменты оценки и управления финансовой устойчивостью коммерческих банков // Первый экономический журнал. 2024. № 3 (345). С. 86–91. DOI: 10.58551/20728115_2024_3_86. EDN: XFYWRP.
6. Заренок М. А. Анализ банковского портфеля срочных депозитов и оценка уровня его стабильности // Экономика и банки. 2016. № 1. С. 9–16. EDN: WBFUUB.
7. Тertyчная Н. В., Кизлик Т. А. Отдельные аспекты совершенствования депозитной деятельности коммерческого банка // Интеграция образования, науки и практики в АПК: проблемы и перспективы: сборник материалов III международной научно-практической конференции (г. Луганск, 23–24 ноября 2023 г.). Луганск: Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова, 2023. С. 423–426. EDN: MYPZYU.
8. Мануйленко В. В., Нагорная М. Н. Влияние ESG-стратегии на клиентский потенциал коммерческого банка // Региональная экономика. Юг России. 2025. Т. 13. № 4. С. 105–117. DOI: 10.15688/re.volsu.2025.4.10. EDN: NWDONB.
9. Продолятченко П. А. Развитие депозитных отношений в банковской сфере // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2025. № 3. С. 75–85. DOI: 10.33983/2075-1826-2025-3-75-85. EDN: DNEWVF.

10. Анесянц С. А., Титов Н. А. Развитие банковских депозитов как одного из направлений инвестиционных (финансовых) услуг для населения // Заметки ученого. 2023. № 7. С. 273–278. EDN: OQKZDS.
11. Сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Borrowings/02_01_Funds_all.xlsx (дата обращения: 01.08.2026).
12. Конягина М. Н. Банковские депозиты физических лиц как индикатор зрелости национальной экономики // Вестник Академии знаний. 2023. № 6 (59). С. 491–494. EDN: ERRTRP.
13. Кравченко О. В., Обьедков А. С. Стратегические направления развития депозитных операций как способ привлечения финансовых ресурсов коммерческими банками // Вестник Международного института рынка. 2020. № 1. С. 53–60. EDN: JFVXBR.
14. Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/pdco/gfb/stat_bn_2026 (дата обращения: 01.08.2026).
15. Молчанова В. А., Григорьева С. В. Рынок депозитов: анализ динамики и структуры // Статистика прошлого, настоящего и будущего: материалы третьей межрегиональной научно-практической конференции (г. Барнаул, 20–21 ноября 2024 г.). Барнаул: Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, 2024. С. 217–221. EDN: YXJDHM.
16. Сотникова Л. Н., Королева О. В., Рева А. А. Тенденции и проблемы осуществления пассивных операций коммерческих банков России // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 11 (179). С. 133–145. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/11/133-145. EDN: ENUHAG.
17. Букин С. О., Букин Д. С., Букин М. С. Секреты банковского бизнеса. М.: Издательская группа «БДЦ-пресс», 2004. 335 с.
18. Сарина Т. В. Применение инструментов поведенческих финансов на рынке банковских депозитов физических лиц // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов: сборник материалов XXIII Межвузовской студенческой научно-практической конференции «ЛЕКТИО IBI – 2025» (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2025 г.). СПб.: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2025. С. 214–223. EDN: JILFFK.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА БАНКА РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

¹Савина Т. Н. ORCID ID 0000-0002-8222-052X,

²Имяреков С. М. ORCID ID 0000-0002-1752-9731,

³Дружинкин М. И. ORCID ID 0009-0000-7622-2601, ¹Полякова Л. Г.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»,
Саранск, Российская Федерация, e-mail: savinatn@yandex.ru;

²Саранский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной
организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации», Саранск, Российская Федерация;

³Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию эволюции денежно-кредитной политики как одного из видов антициклической (стабилизационной) макроэкономической политики государства. В настоящее время кредитно-денежная политика в России направлена на минимизацию инфляции, содействие устойчивому экономическому росту, поддержание курсовых соотношений на экономически обоснованном уровне, стимулирование развития экспортоориентированных и импортозамещающих отраслей. Достижение поставленных целей требует использования различных методов и инструментов кредитно-денежного регулирования, выбор которых зависит от типа проводимой политики. Цель исследования – показать, как эволюционировала денежно-кредитная политика в условиях внешних шоков. Материалами настоящего исследования явились труды, разработки и рекомендации отечественных ученых-экономистов и практиков, затрагивающие проблемы бюджетной безопасности. Расчетно-аналитическая составляющая основана на статистических данных и данных Банка России. Методологической основой исследования послужили метод научной абстракции, исторического и логического единства, а также специальные методы сравнительного и индикативного анализа. Авторами проанализированы основные инструменты денежно-кредитного регулирования (ключевая ставка, нормативы обязательных резервов, операции на открытом рынке) и показано их влияние на инфляцию и экономический рост за 2014–2024 гг. Проведена оценка адаптивности монетарной политики к внешним шокам и предложены направления совершенствования политики для повышения ее эффективности. Сделан аргументированный вывод о том, что проводимая Банком России денежно-кредитная политика может иметь асимметричную эффективность: в периоды кризиса ужесточение денежно-кредитной политики обеспечивало сдерживание инфляции, оказывая негативное влияние на экономический рост.

Ключевые слова: Банк России, инфляция, ключевая ставка, кредитно-денежная политика, трансмиссионный механизм, экономический рост

MONETARY POLICY OF THE BANK OF RUSSIA: RETROSPECTIVE ANALYSIS

¹Savina T. N. ORCID ID 0000-0002-8222-052X,

²Imyarekov S. M. ORCID ID 0000-0002-1752-9731,

³Druzhinkin M. I. ORCID ID 0009-0000-7622-2601, ¹Polyakova L. G.

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Mordovia State University named after N. P. Ogarev”, Saransk, Russian Federation, e-mail: savinatn@yandex.ru;

²Saransk Cooperative Institute (branch) of the Autonomous Non-Profit Educational Organization of Higher Education of the Central Union of the Russian Federation
“Russian University of Cooperation”, Saransk, Russian Federation;

³Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the evolution of monetary policy as one of the types of countercyclical (stabilization) macroeconomic policy of the state. Currently, monetary policy in Russia is aimed at minimizing inflation, promoting sustainable economic growth, maintaining exchange rate ratios at an economically justified level, and stimulating the development of export-oriented and import-substituting industries. Achieving the set goals requires the use of various methods and instruments of monetary regulation, the choice of which depends on the type of policy being pursued. The aim of the study is to demonstrate how monetary policy has evolved under the influence of external shocks. The materials for this study include the works, developments, and recommendations of domestic economists and practitioners addressing issues related to budgetary security. The computational and analytical component is based on statistical data and data from the Bank of Russia. The methodological basis of the study was the method of scientific abstraction, historical and logical unity, as well as special methods of comparative and indicative analysis. The authors analysed the main instruments of monetary and credit regulation (the key rate, mandatory reserve requirements, open market operations) and demonstrated their impact on inflation and economic growth over the period 2014–2024. An assessment of the adaptability of monetary policy to external shocks was carried out, and directions for improving the policy to enhance its effectiveness were proposed. A well-reasoned conclusion has been drawn that the monetary policy pursued by the Bank of Russia may have asymmetric effectiveness: during periods of crisis, tightening monetary policy helped to curb inflation, but had a negative impact on economic growth.

Keywords: Bank of Russia, inflation, key rate, monetary policy, transmission mechanism, economic growth

Введение

В сложившихся условиях хронической экономической неопределенности важным ориентиром должен по праву считаться адекватный курс денежно-кредитной политики. Под влиянием интенсивного развития оказываются главные составляющие рыночной экономики, такие как кредитование экономики, денежное обращение и инструменты регулирования устойчивости национальной валюты. В таких условиях именно эффективное формирование денежно-кредитной политики должно быть устойчивым гарантом эффективного и реального экономического роста в стране [1].

Цель исследования – показать, как эволюционировала денежно-кредитная политика в условиях внешних шоков.

Материалы и методы исследования

Материалом настоящего исследования явились труды, разработки и рекомендации отечественных ученых-экономистов и практиков, затрагивающие проблемы денежно-кредитного регулирования, материалы, представленные в периодической печати и сети Интернет. Расчетно-аналитическая составляющая основана на статистических данных и данных Банка России. Применялись такие методы исследования, как метод научной абстракции, исторического и логического единства, сравнительного и индикативного анализа, группировка полученных данных.

Взгляды на характер и природу монетарных инструментов неоднозначны среди представителей научных макроэкономических школ и направлений. Возможности Банка России относительно его действий в части достижения целевых ориентиров абсолютно по разному оценивают монетаристы и кейнсианцы. Представители кейнсианского направления разделяют точку зрения о том, что рыночная системы нестабильна и недостаточно конкурентна. Ключевую роль в достижении стабильного роста экономики, прежде всего за счет проведения гибкой кредитно-денежной политики, кейнсианцы отводят государству. В свою очередь, представители либерального подхода (монетаристы), напротив, считают, что современная рыночная экономика способна к саморегулированию и достаточно конкурентоспособна. По мнению монетаристов, государство своими действиями в кредитно-денежной сфере приводит к дестабилизации экономики [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Монетарная (денежно-кредитная) политика является частью государственной эко-

номической политики и реализуется Банком России. Исследуемой проблеме посвящено множество научных трудов как теоретической направленности, так и практико-ориентированного содержания. Отдельные аспекты стратегии и тактики денежно-кредитной политики изложены в трудах Е. Л. Горюнова [3], Т. И. Гордиевич [4], С. Ю. Глазьева [5]. В книгах О. И. Лаврушина [6, с. 165–178], Г. С. Пановой [7, с. 254–267], получивших широкую известность, популярность и авторитет в части банковского дела, раскрыты основы системы банковского обслуживания клиентов в условиях перехода к рыночной экономике. В основе российской монетарной политики лежит борьба с инфляцией и обеспечение стабильности цен. По мнению А. Г. Аганбегяна [8], Н. И. Куликова [9], Ю. Н. Перевышина [10], эти процессы негативно сказываются на достижении стабильного экономического роста и не позволяют экономике пройти полный деловой цикл. Проблемы функционирования инструментов денежно-кредитной политики (ДКП) и их эффектов освещены в зарубежных исследованиях Е. Гнана [11]. Среди российских авторов в части обозначенной проблемы следует выделить труды И. А. Заярной [12].

Рассмотрим действие инструментов ДКП Банка России в течение исследуемого десятилетия, охватывающего рубежи с 2014 по 2024 г. В табл. 1 приведена динамика пяти показателей, таких как ключевая ставка (А), учетная ставка (ставка рефинансирования) (Б), фактические среднегодовые остатки средств на корсчетах (В), обязательные резервы на счетах для их учета (Г) и объем облигаций Банка России в обращении по номинальной стоимости (Д).

Данные о деятельности Банка России, представленные в табл. 1, позволяют выделить три этапа в эволюции инструментария кредитно-денежной политики, соответствующих определенной макроэкономической обстановке. Рубежные границы периодизации основаны на критерии циклического характера экономики, который в зависимости от сложившейся ситуации сопровождается фазами спада или подъема и требует действия соответствующих мер.

Первый этап (2014–2016 гг.) характеризовался резким переходом к жесткой сдерживающей политике в целях противодействия геополитическим шокам, связанным с введением первых санкций, а также девальвации рубля, возникшей вследствие падения цен на нефть на мировом рынке [13].

Таблица 1

Динамика показателей, отражающих состояние
кредитно-денежной политики Банка России за период с 2014 по 2024 г.

	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
А*	5,5	17	11	10	7,75	7,75	6,25	4,25	8,5	7,5	16
Б	8,25	8,25	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В	1067,1	1224,9	1529,4	1858,2	2011,1	2331,4	2479,3	2878,5	3323,2	2513,2	4 723
Г	404,8	496,7	382,3	478,2	506,2	586,3	617,6	720,7	825,4	145,9	273,2
Д	—	—	—	352,3	1374,2	1924,4	569,9	161,2	—	—	—

Примечание: составлена авторами на основе данных Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 23.08.2026).

* значение ключевой ставки зафиксировано по данным Банка России на соответствующую дату: 09.01.2014 г., 12.01.2015 г., 01.01.2016 г., 09.01.2017 г., 09.01.2018 г., 09.01.2019 г., 03.01.2020 г., 04.01.2021 г., 03.01.2022 г., 03.01.2023 г., 10.01.2024 г. (URL: Ключевая ставка Банка России | Банк России (cbr.ru))

Рис. 1. Динамика ключевой ставки Банка России с 2014 по 2024 г.
Примечание: составлен авторами на основе данных табл. 1

Ужесточение кредитно-денежной политики наиболее ярко отразилось в манипулировании Банком России ключевой процентной ставкой. Ее показатель был резко увеличен с 5,5 % в 2014 г. до 17 % в 2015 г., что стало самым сильным ужесточением за рассматриваемый период. Наглядно динамика данного показателя представлена на рис. 1.

Важно отметить, что в 2014–2015 гг. фигурируют два разных показателя: ключевая ставка и учетная ставка, что маркирует момент, когда Банк России, формально провозгласив инфляционное таргетирование, получил для его реализации современный

и действенный операционный инструмент – ключевую ставку. Однако в 2016 г. ставка рефинансирования была окончательно приравнена к ключевой ставке [14].

В то же время наблюдался значительный рост обязательных резервов, размещаемых на специальных счетах, что можно увидеть в табл. 1.

Второй этап (2017–2021 гг.) был фазой постепенного смягчения и реализации инфляционного таргетирования в относительно стабильных условиях. Ключевая процентная ставка постепенно снижалась, достигнув исторического минимума в 4,25 % к 2021 г., что отобразено на рис. 1.

Однако на данном этапе регулятор столкнулся с формированием стабильного структурного профицита ликвидности, о чем свидетельствует рост фактических среднегодовых остатков на корреспондентских счетах. Чтобы стерилизовать этот избыток ликвидности, Банк России активно использовал новый инструмент – облигации Банка России. Их объем в обращении стремительно увеличивался в течение всего периода, достигнув максимума в 2019 г. В то же время продолжалось увеличение обязательных резервов, что отражает общий рост банковского баланса [15].

Третий этап (2022–2024 гг.) вновь потребовал от Банка России резкой смены курса проводимой денежно-кредитной политики. На фоне санкционного давления, вызванного началом специальной военной операции, и ростом инфляции ключевая ставка была оперативно повышена до 8,5 % в 2022 г. В 2023 г. наблюдалось ее уменьшение на 1 п. п., однако затем последовало резкое повышение до 16 % в 2024 г., как видно из рис. 1. Но на этом увеличение не остановилось, и к декабрю этого же года ее значение составляло уже 21 % [16]. Это было сделано с целью замедлить темпы роста цен и оградить от рисков финансовой стабильности.

Для стабилизации экономики в этот период Банк России задействовал не толь-

ко процентную ставку, но и нормы обязательного резервирования кредитных организаций. Из данных табл. 1 можно видеть, что в 2023 г. произошло резкое сокращение обязательных резервов: их объем на специальных счетах снизился с 825,4 млрд руб. в 2022 г. до 145,9 млрд руб. в 2023 г.

В целях более детальной оценки эффективности деятельности регулятора авторами рассмотрены некоторые макроэкономические показатели (табл. 2).

Анализ применения Банком России инструментов денежно-кредитной политики за период с 2014 по 2024 г. показывает, что проводимая политика обладает высокой гибкостью и способностью адаптироваться к меняющимся внешним условиям. Однако главным фактором при оценке успешности проводимой стабилизационной экономической политики является не скорость реагирования регулятора, а достижение ее конечных целей.

Основными целями Банка России в соответствии с его мандатом являются поддержание стабильности цен и содействие устойчивому экономическому росту. Поэтому, только сравнив динамику применяемых инструментов с динамикой инфляции и ВВП, можно сделать обоснованные выводы об их реальной эффективности и определить возможные структурные ограничения [17].

Таблица 2

Динамика макроэкономических показателей за период с 2014 по 2024 г.

Группа показателей	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
А	6,07	14,96	9,77	5,04	2,19	4,99	2,42	5,19	8,73	11,77	7,44
Б	11,35	12,9	5	2,5	4,3	3	4,9	8,39	11,94	7,42	9,52
В	15,5	16,4	12,4	8,7	10,2	9	11,5	14,8	12,1	14,2	13,9
Г*	0,7	-1,97	0,2	1,8	2,8	2,2	- 2,7	5,9	- 1,4	4	4,9
Е	5,2	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8	4,8	4,0	3,2	2,5

Примечание: составлена авторами на основе данных Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/infll/, URL: [infll_exp_16-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_16-12.pdf) (cbr.ru), URL: [Infl_exp_17-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_17-12.pdf) (cbr.ru), URL: [Infl_exp_18-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_18-12.pdf) (cbr.ru), URL: [Infl_exp_19-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_19-12.pdf) (cbr.ru), URL: [Infl_exp_20-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_20-12.pdf) (cbr.ru), URL: [Infl_exp_21-12.pdf](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_21-12.pdf) (cbr.ru), URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_22-12/, URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_23-12/, https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/Infl_exp_24-12/; Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s1995-2025.xlsx, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud-3_15-s.xlsx

В таблице приведены пять групп показателей:

А – Уровень инфляции на начало года (%), Б – Уровень инфляции на конец года (%), В – Инфляционные ожидания на конец года (%), Г – Темп роста ВВП (%), Е – Уровень безработицы (%).

* Рассчитано авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (в ценах 2021 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts#> (дата обращения: 26.08.2026)

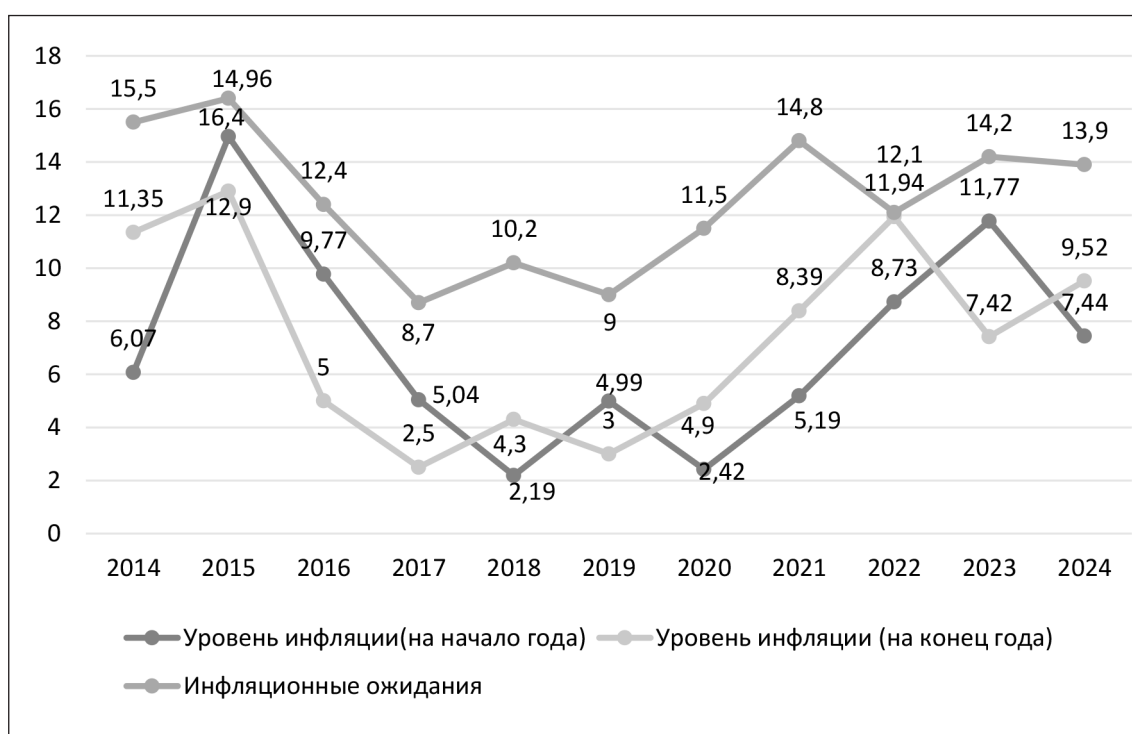

Рис. 2. Динамика уровня инфляции и инфляционных ожиданий с 2014 по 2024 г.

Примечание: составлен авторами на основе данных табл. 2 (показатели групп А, Б, В).
[Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/infll/, URL: [infll_exp_16-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_16-12.pdf), URL: [infll_exp_17-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_17-12.pdf), URL: [infll_exp_18-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_18-12.pdf), URL: [infll_exp_19-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_19-12.pdf), URL: [infll_exp_20-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_20-12.pdf), URL: [infll_exp_21-12.pdf \(cbr.ru\)](https://cbr.ru/hd_base/infll_exp_21-12.pdf), URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/infll_exp_22-12/, URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/infll_exp_23-12/, URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/inflationary_expectations/infll_exp_24-12/ (дата обращения: 26.08.2026)

Во время первого шока (2014–2016 гг.) внешние условия ограничивали рост российской экономики как за счет сокращения доходов от экспортных операций, так и вследствие сохранения повышенной внешнеэкономической неопределенности, а также ограниченности источников внешнего финансирования. В связи с этим жесткая сдерживающая политика Банка России, выраженная в резком повышении ключевой ставки, оказала действенное, но запоздалое влияние на инфляцию [18]. Пик инфляции на конец года (11,35 % в 2014 г. и 12,9 % в 2015 г.) был преодолен, и к концу 2016 г. показатель снизился до 5 %, как видно из рис. 2.

Однако ценой этого снижения стало резкое замедление роста ВВП – с 0,7 % в 2014 г. до 0,2 % в 2016 г. В то же время вырос уровень безработицы. Критической проблемой в этот период были инфляционные ожидания, которые оставались стабильными на уровне 15–16 %, что говорит об утрате доверия к политике регулятора со стороны населения и бизнеса и ослаблении процентного трансмиссионного канала [19].

Этап смягчения (2017–2021 гг.) продемонстрировал эффективность денежно-кредитной политики в относительно спокойной и стабильной обстановке. Постепенное снижение ключевой процентной ставки до 4,25 % способствовало достижению целевого уровня инфляции – 2,5 % на конец 2017 г. и 3–4,9 % в ближайшие годы – и послужило катализатором экономической активности [19].

Рост ВВП вернулся к 5,9 % в 2021 г. (отчасти из-за низкой базы 2020 г.), а безработица снизилась до 4,8 %, что показано на рис. 3.

Наиболее значимым этапом для оценки эффективности деятельности регулятора был период с 2022 по 2024 г. Ужесточение политики в этот период создало макроэкономический парадокс. С одной стороны, инфляция начала снижаться со своих максимумов, но оставалась стабильной, более чем вдвое превышая целевой показатель Банка России в 4 %, что изображено на рис. 2. Это отражает значительный дисбаланс между уровнем совокупного спроса и возможностью наращивания выпуска.

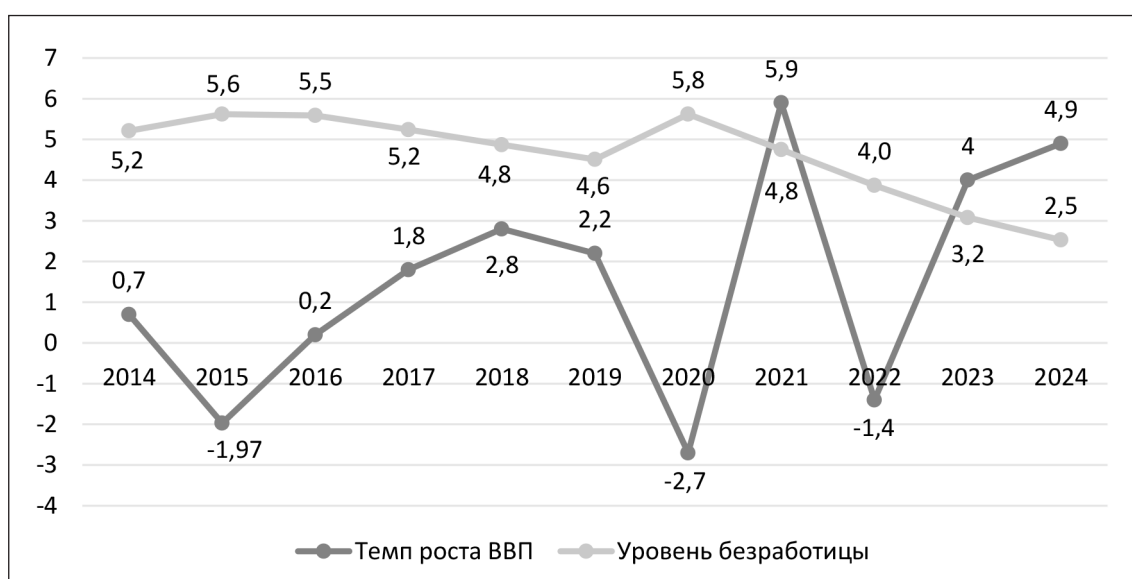

Рис. 3. Динамика темпов роста ВВП и уровня безработицы с 2014 по 2024 г.
Примечание: составлен авторами на основе данных табл. 2 (показатели групп Г и Е).
[Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s1995-2025.xlsx,
URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud-3_15-s.xlsx (дата обращения: 26.08.2026)

С другой стороны, вопреки логике политики сдерживания, экономический рост не замедлился, продемонстрировав высокие темпы в 2023 и 2024 г., составив 4 и 4,9 % соответственно. Важным и ключевым драйвером высоких темпов роста ВВП выступил внутренний спрос [20]. Как видно из рис. 3, безработица приблизилась к историческому минимуму, составив на период 2024 г. 2,5 %.

В то же время кредитование экономики после небольшого перерыва продемонстрировало взрывной рост в 2024 г. Это произошло за счет как роста корпоративного кредитного портфеля банков (на 17,9 %) и ипотечного кредитования (на 13,4 %), так и необеспеченных потребительских кредитов (на 11,2 %). Наблюдаемая положительная динамика в части кредитования экономики продиктована не только высоким спросом на кредиты, но также сказалось стремление ряда банков усилить свою долю на рынке банковских услуг [21].

Проведенный ретроспективный анализ политики Банка России позволяет не только оценить адаптивность применяемых инструментов, но и выявить системные проблемы, ограничивающие эффективность денежно-кредитной политики в достижении ее ключевых целей в условиях потрясений. Среди них можно выделить:

- высокую зависимость кредитно-денежной сферы от внешнеэкономической конъюнктуры и волатильность курса рубля;

- хроническую нестабильность и дефицит ликвидности в банковском секторе;

- слабую эффективность трансмиссионного механизма в условиях структурных ограничений;

- несоординированность деятельности кредитно-денежной политики с фискальной и структурной политикой и противоречие их целей;

- устойчиво высокие инфляционные ожидания и низкое доверие к Банку России у населения страны.

Выявление этих системных ограничений действующей политики Банка России формирует основу для разработки конкретных направлений совершенствования инструментария, призванных повысить эффективность и устойчивость в современных условиях [22].

Заключение

Подводя итог сказанному выше, можно сделать вывод, что кредитно-денежная политика Банка России демонстрирует высокую адаптивность к внешним шокам, проявляющуюся в способности регулятора оперативно применять инструментарий монетарного регулирования в ответ на изменения макроэкономических условий.

В целом по результатам проведенного анализа можно заключить, что проводимая Банком России денежно-кредитная политика может иметь асимметричную эффективность: в периоды кризиса ужесточение

денежно-кредитной политики обеспечило сдерживание инфляции, оказывая негативное влияние на экономический рост. В условиях макроэкономической стабильности смягчение денежно-кредитной политики способствовало стимулированию экономического роста при сохранении контроля над инфляцией.

Список литературы

1. Савина Т. Н. Денежно-кредитная политика, проводимая Центральным банком Российской Федерации, и ее влияние на экономическое развитие: оценка, проблемы, тенденции // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 22. С. 2–13. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fa/detail.php?ID=68976> (дата обращения: 24.03.2026)
2. Сомова И. А. Кейнсианский и либеральный подходы к кредитно-денежной политике: сравнительный анализ // Вестник НГУ. 2007. № 2. С. 14–20. URL: [keynsianskiy-i-liberalnyy-podhody-k-kreditno-denezhnoy-politike-sravnitelnyy-analiz.pdf](https://vestnik.nsu.ru/issue/2007-2/14-20-somova-i-a-kejsianskiy-i-liberalnyy-podhody-k-kreditno-denezhnoy-politike-sravnitelnyy-analiz.pdf) (дата обращения: 26.07.2026).
3. Горюнов Е. Л., Дробышевский С. М., Трунин П. В. Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 53–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-4-53-85.
4. Гордиевич Т. И., Рузанов П. В. Денежно-кредитная политика: основные режимы и трансмиссионный механизм // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 122–130. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-122-130.
5. Глазьев С. Ю., Сухарев О. С., Афанасьева О. Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. № 2. С. 5–38. DOI: 10.33917/mic-2.103.2022.5-38.
6. Лаврушин О. И. и др. Деньги, кредит, банки: экспресс-курс: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. О. И. Лаврушина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 5-е изд., стер. М.: КноРус, 2011. 319 с. ISBN 978-5-406-01514-8.
7. Панова Г. С. Кредитная политика коммерческого банка. М.: НФИП, ИКЦ «ДИС», 1997. 462 с. ISBN 5-86509-048-8.
8. Аганбегян А. Г. Будущее России зависит больше всего от развития нашей финансовой системы // Научные труды ВЭО России. 2019. Т. 215. № 1. С. 170–194. URL: [veo_215.pdf](https://veo.voprosy-ekonomiki.ru/veo_215.pdf) (дата обращения: 21.03.2026).
9. Куликов Н. И., Пархоменко В. Л., Смолихина П. М., Никифорова А. Н. Экономика России: резкое снижение оборотов и скатывание в рецессию // Финансы и кредит. 2026. Т. 32. № 1. С. 24–49. DOI: 10.24891/ufcliw. EDN: UFCLIW.
10. Перевышин Ю. Н., Трунин П. В. Денежно-кредитная политика и инфляция в начале 2023 г. // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 3. С. 8–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/denezhno-kreditnaya-politika-i-inflyatsiya-v-nachale-2023-g?ysclid=msdg51w6c862465231> (дата обращения: 02.05.2026).
11. Gnan E., Kwapi C., Valderrama M.-T. Monetary policy after the crisis: mandates, targets, and international linkages // Monetary Policy and the Economy. Quarterly Review of Economic Policy. OeNB. 2018. № Q2. P. 8–33. URL: [03_mop_2_18_monetary_policy_after_the_crisis.pdf](https://www.oenb.at/publications/monetary_policy_after_the_crisis.pdf) (дата обращения: 17.05.2026).
12. Заярная И. А., Федорова М. А. Роль влияния ключевой ставки на финансовые риски // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 1. С. 80–83. DOI: 10.17513/vaael.3214.
13. Апокин А. Ю., Белоусов Д. Р., Голощапова И. О. и др. О фундаментальных недостатках современной денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 80–100. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-80-100. EDN: TAZTAB.
14. Ершов М. В. О перспективах финансовой стабильности на современном этапе // Деньги и кредит. 2017. № 6. С. 59–65. URL: econs.online (дата обращения: 02.05.2026).
15. Саркисян С. С. Влияние правила монетарной политики на результативность таргетирования инфляции // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 7–30. DOI: 10.38050/2078-3809-2020-12-1-7-30. EDN: QYWHYK.
16. Официальный сайт Банка России. Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 200 б. п., до 21,00 % годовых. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=25102024_133000Key.htm (дата обращения: 20.08.2026).
17. Сухарев О. С., Афанасьева О. Н. Распределение инструментов монетарной политики по целям развития // Общество и экономика. 2022. № 6. С. 5–28. DOI: 10.31857/S020736760020579-5.
18. Крымова И. П., Дядичко С. П. Этапы исторического развития Банка России (современный этап) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 11. С. 27–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-istoricheskogo-razvitiya-bankarossii-sovremennyy-etap?ysclid=msdggj8v1c640749655> (дата обращения: 23.04.2026).
19. Зеленева Е. С., Лихопой А. О. Принципы и инструменты денежно-кредитной политики в условиях экономической нестабильности // Финансовый менеджмент. 2023. № 1. С. 100–106. DOI: 10.25806/fm-111.
20. Вихарев П. Л., Ермаков С. Ю., Зяблицкий И. Е., Крыжановский О. А., Ляхнова М. В. Официальный сайт Банка России. Экономический рост в России через призму факторов производства: прошлое и возможное будущее. Аналитическая записка. 2026. 69 с. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/196274/analytic_note_20260811_20.pdf?ysclid=mt9rgau58h622065870 (дата обращения: 26.08.2026).
21. Официальный сайт Банка России. Итоги работы Банка России 2024: кратко о главном / Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024/obespechenie-ustoychivosti-finansovogo-rynka/?ysclid=mt8evmdq6a72713709 (дата обращения: 25.08.2026).
22. Крымова И. П., Дядичко С. П. Влияние денежно-кредитной политики банка России на финансовую стабильность // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 205–208. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0098.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

**ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРЕДПРИЯТИЙ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ
В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ**

**Саенко И. И. ORCID ID 0000-0003-1996-6860,
Бобрышева В. Е. ORCID ID 0009-0007-5552-1582,
Гришин Е. В. ORCID ID 0000-0001-5400-8196,
Черепухин Т. Ю. ORCID ID 0000-0001-7094-8938,
Дьяков С. А. ORCID ID 0000-0001-8101-0996**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина»,
Краснодар, Российская Федерация, e-mail: valeriabobr@mail.ru*

В статье рассматривается проблема оценки финансового потенциала предприятий оптовой торговли в условиях усиления конкуренции, когда рост выручки не всегда сопровождается повышением прибыльности и устойчивости деятельности. Цель исследования заключалась в проведении сравнительной оценки финансового потенциала предприятий и определении их конкурентных позиций. Материалами исследования послужили данные бухгалтерской отчетности предприятий оптовой торговли за 2023–2025 годы. В работе применялись методы сравнения, группировки, горизонтального и коэффициентного анализа, а также стандартизация показателей и интегральная рейтинговая оценка. В ходе исследования были сопоставлены финансовые результаты, показатели рентабельности, оборачиваемости капитала, текущей ликвидности, коэффициента автономии и обеспеченности собственными оборотными средствами. Полученные результаты позволили установить, что наиболее устойчивую динамику прибыльности демонстрировало одно из исследуемых предприятий, тогда как у других рост выручки сопровождался снижением конечной эффективности. Было выявлено, что отдельные предприятия сохраняют высокий уровень ликвидности и финансовой независимости, но уступают конкурентам по рентабельности и скорости оборота капитала. Интегральная оценка показала различия не только в силе финансового потенциала, но и в его сбалансированности. В заключение обосновано, что укрепление финансового потенциала предприятий оптовой торговли связано с повышением рентабельности, ускорением оборачиваемости капитала, сокращением избыточных расходов и более рациональным управлением запасами и обязательствами.

Ключевые слова: финансовый потенциал, оптовая торговля, рентабельность, ликвидность, финансовая устойчивость, рейтинговая оценка

**ASSESSMENT OF THE FINANCIAL POTENTIAL OF WHOLESALE
ENTERPRISES UNDER INTENSIFYING COMPETITION**

**Saenko I. I. ORCID ID 0000-0003-1996-6860,
Bobrysheva V. E. ORCID ID 0009-0007-5552-1582,
Grishin E. V. ORCID ID 0000-0001-5400-8196,
Cherepukhin T. Yu. ORCID ID 0000-0001-7094-8938,
Dyakov S. A. ORCID ID 0000-0001-8101-0996**

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin”,
Krasnodar, Russian Federation, e-mail: valeriabobr@mail.ru*

The article examines the problem of assessing the financial potential of wholesale enterprises under intensifying competition, when revenue growth is not always accompanied by higher profitability and greater sustainability. The purpose of the study was to conduct a comparative assessment of the financial potential of enterprises and determine their competitive positions. The research materials included accounting statements of wholesale enterprises for 2023–2025. The study applied comparison, grouping, horizontal and ratio analysis methods, as well as indicator standardization and an integral rating assessment. Financial results, profitability, capital turnover, current liquidity, the autonomy ratio, and the own working capital ratio were compared. The results showed that one of the enterprises demonstrated the most stable positive profitability dynamics, whereas revenue growth at other enterprises was accompanied by a decline in final efficiency. It was also found that some enterprises maintained high liquidity and financial independence but lagged behind competitors in profitability and capital turnover. The integral assessment revealed differences not only in the strength of financial potential but also in its balance. The study concludes that strengthening the financial potential of wholesale enterprises requires higher profitability, faster capital turnover, lower excessive expenses, and more efficient management of inventories and liabilities.

Keywords: financial potential, wholesale trade, profitability, liquidity, financial stability, rating assessment

Введение

Современные предприятия оптовой торговли функционируют при усилении конкуренции, изменении спроса, росте стоимости заемных ресурсов и повышении требований к финансовой устойчивости. В сложившейся ситуации важное значение приобретает оценка финансового потенциала, который отражает возможности предприятия формировать и эффективно использовать финансовые ресурсы, обеспечивать платежеспособность, поддерживать деловую активность и сохранять позиции на рынке [1-3].

При этом анализ только выручки или прибыли не дает полной картины, поскольку рост объемов продаж может сопровождаться увеличением затрат, снижением рентабельности и ухудшением структуры капитала [4; 5].

Цель исследования заключается в сравнительной оценке финансового потенциала предприятий оптовой торговли и определении их конкурентных позиций.

Для этого рассматриваются показатели рентабельности, оборачиваемости капитала, текущей ликвидности, автономии и обеспеченности собственными оборотными средствами. На основе стандартизации показателей формируется интегральный рейтинг предприятий, позволяющий выявить их сильные и слабые стороны, а также определить направления повышения финансовой устойчивости и эффективности деятельности [6].

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили данные бухгалтерской отчетности ООО «Монарх К» и его основных конкурентов за 2023–2025 гг., включая ООО «СервисКерамика», АО «Олимп и К» и ООО «ТД Тексфлор», размещенные в Государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности ФНС России [7]. В процессе анализа использовались сведения о выручке, себестоимости, прибыли, составе активов и обязательств, поскольку именно их совокупность позволяет оценить не только текущие финансовые результаты, но и возможности предприятия сохранять устойчивость в конкурентной среде.

В исследовании применялись методы сравнения, группировки, горизонтально-го и коэффициентного анализа. Поскольку предприятия различаются по масштабу деятельности, были рассчитаны показатели рентабельности, оборачиваемости капитала, текущей ликвидности, коэффициента автономии и обеспеченности собственными оборотными средствами [8; 9]. Затем исходные значения стандартизовались путем

деления на максимальное значение по каждому показателю, после чего определялась интегральная оценка как квадратный корень из суммы квадратов нормированных показателей. Такой вариант матричной рейтинговой оценки, основанный на нормировании относительно максимума и евклидовом агрегировании стандартизованных коэффициентов, описан в работе О. В. Третьяковой [10].

Результаты исследования и их обсуждение

Для определения различий в уровне финансового потенциала исследуемых предприятий проведена сравнительная оценка их финансовых результатов за 2023–2025 гг. В анализ таблицы 1 включены показатели выручки, себестоимости продаж, валовой прибыли, прибыли от продаж, прибыли до налогообложения, чистой прибыли и рентабельности продаж, поскольку их совместное рассмотрение позволяет оценить не только масштабы деятельности, но и качество формирования конечного финансового результата [11-13]. Особенности финансово-экономического анализа торговых компаний также представлены в исследовании [14].

Самая устойчивая положительная динамика сложилась у ООО «СервисКерамика»: выручка выросла на 218 490 тыс. руб., чистая прибыль – на 13 298 тыс. руб., а рентабельность продаж увеличилась с 3,96 до 4,22%. У ООО «Монарх К» выручка сократилась на 10 451 тыс. руб., однако валовая прибыль выросла на 46 166 тыс. руб. При этом прибыль от продаж снизилась на 15 747 тыс. руб., чистая прибыль – на 11 295 тыс. руб., а рентабельность продаж уменьшилась с 4,46 до 3,72%. АО «Олимп и К» сохранило наибольший объем выручки, но ее снижение составило 294 350 тыс. руб., а чистая прибыль уменьшилась на 20 964 тыс. руб.

Наиболее противоречивые результаты отмечены у ООО «ТД Тексфлор»: при росте выручки на 607 340 тыс. руб. чистая прибыль снизилась на 5 012 тыс. руб., а рентабельность продаж сократилась до 0,08%. Следовательно, ООО «Монарх К» сохраняет более устойчивое положение по сравнению с частью конкурентов, однако снижение итоговой прибыли и рентабельности указывает на необходимость сокращения расходов и повышения эффективности продаж [15].

Для более полной оценки финансового потенциала предприятий оптовой торговли абсолютные финансовые результаты необходимо дополнить относительными показателями эффективности. Сравнительная характеристика данных показателей представлена в таблице 2.

Таблица 1

Сравнительная оценка финансовых результатов
ООО «Монарх К» и фирм-конкурентов за 2023–2025 гг.

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Изменение, 2025 к 2023 г.	
				в %	в +, -
ООО «Монарх К»					
Выручка, тыс. руб.	1 480 538	1 565 866	1 470 087	99,3	-10 451
Себестоимость продаж, тыс. руб.	1 186 226	1 231 765	1 129 609	95,2	-56 617
Валовая прибыль, тыс. руб.	294 312	334 101	340 478	115,7	46 166
Прибыль от продаж, тыс. руб.	101 655	117 774	85 908	84,5	-15 747
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	84 090	84 378	78 164	93,0	-5 926
Чистая прибыль, тыс. руб.	65 977	62 841	54 682	82,9	-11 295
Чистая рентабельность продаж, %	4,46	4,01	3,72	x	-0,74
ООО «СервисКерамика»					
Выручка, тыс. руб.	1 525 020	1 704 350	1 743 510	114,3	218 490
Себестоимость продаж, тыс. руб.	1 152 200	1 278 220	1 288 700	111,8	136 500
Валовая прибыль, тыс. руб.	372 820	426 134	454 807	122,0	81 987
Прибыль от продаж, тыс. руб.	80 202	85 421	111 013	138,4	30 811
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	76 875	83 333	99 789	129,8	22 914
Чистая прибыль, тыс. руб.	60 314	63 932	73 612	122,0	13 298
Чистая рентабельность продаж, %	3,96	3,75	4,22	x	0,26
АО «Олимп и К»					
Выручка, тыс. руб.	2 654 720	2 708 460	2 360 370	88,9	-294 350
Себестоимость продаж, тыс. руб.	2 217 060	2 242 300	1 945 910	87,8	-271 150
Валовая прибыль, тыс. руб.	437 663	466 157	414 461	94,7	-23 202
Прибыль от продаж, тыс. руб.	87 883	116 904	63 616	72,4	-24 267
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	78 991	111 233	56 986	72,1	-22 005
Чистая прибыль, тыс. руб.	63 191	88 132	42 227	66,8	-20 964
Чистая рентабельность продаж, %	2,38	3,25	1,79	x	-0,59
ООО «ТД Тексфлор»					
Выручка, тыс. руб.	1 705 200	1 524 950	2 312 540	135,6	607 340
Себестоимость продаж, тыс. руб.	1 493 630	1 288 100	2 053 440	137,5	559 810
Валовая прибыль, тыс. руб.	211 568	236 849	259 097	122,5	47 529
Прибыль от продаж, тыс. руб.	63 953	37 690	9 917	15,5	-54 036
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	8 674	484	2 860	33,0	-5 814
Чистая прибыль, тыс. руб.	6 787	856	1 775	26,2	-5 012
Чистая рентабельность продаж, %	0,40	0,07	0,08	x	-0,32

Примечание: составлено авторами на основе источника [7]. Небольшие арифметические расхождения между выручкой, себестоимостью продаж и валовой прибылью по отдельным предприятиям обусловлены тем, что в таблице приведены непосредственно значения соответствующих строк бухгалтерской (финансовой) отчетности ГИР БО; расчетные значения валовой прибыли путем вычитания себестоимости из выручки дополнительно не замещали официально раскрытый показатель.

Таблица 2

Сравнительная оценка коэффициентов эффективности
ООО «Монарх К» и фирм-конкурентов за 2023–2025 гг.

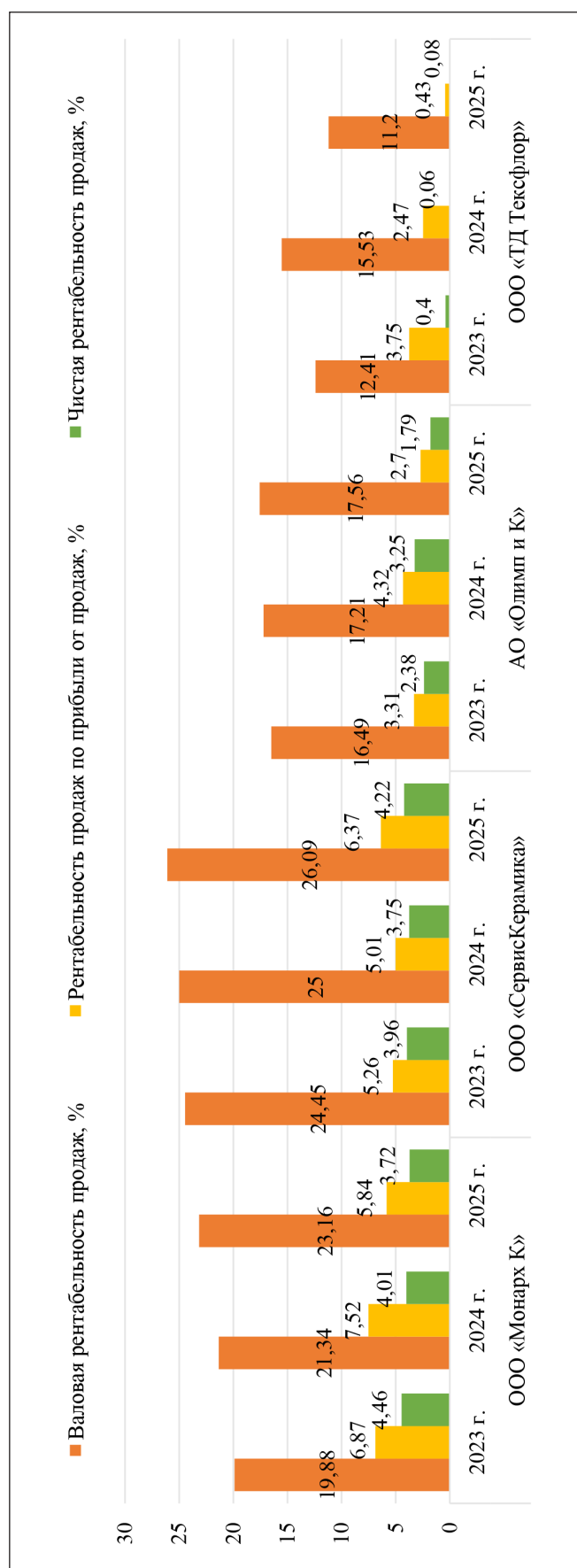
Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. к 2023 г., + / –
ООО «Монарх К»				
Валовая рентабельность продаж, %	19,88	21,34	23,16	3,28
Рентабельность продаж по прибыли от продаж, %	6,87	7,52	5,84	-1,03
Чистая рентабельность продаж, %	4,46	4,01	3,72	-0,74
Затраты на 1 рубль выручки, руб.	0,80	0,79	0,77	-0,03
Доля чистой прибыли в валовой прибыли, %	22,42	18,81	16,06	-6,36
Коэффициент окупаемости затрат, руб.	1,25	1,27	1,30	0,05
ООО «СервисКерамика»				
Валовая рентабельность продаж, %	24,45	25,00	26,09	1,64
Рентабельность продаж по прибыли от продаж, %	5,26	5,01	6,37	1,11
Чистая рентабельность продаж, %	3,96	3,75	4,22	0,26
Затраты на 1 рубль выручки, руб.	0,76	0,75	0,74	-0,02
Доля чистой прибыли в валовой прибыли, %	16,18	15,00	16,19	0,01
Коэффициент окупаемости затрат, руб.	1,32	1,33	1,35	0,03
АО «Олимп и К»				
Валовая рентабельность продаж, %	16,49	17,21	17,56	1,07
Рентабельность продаж по прибыли от продаж, %	3,31	4,32	2,70	-0,61
Чистая рентабельность продаж, %	2,38	3,25	1,79	-0,59
Затраты на 1 рубль выручки, руб.	0,84	0,83	0,82	-0,01
Доля чистой прибыли в валовой прибыли, %	14,44	18,91	10,19	-4,25
Коэффициент окупаемости затрат, руб.	1,20	1,21	1,21	0,02
ООО «ТД Тексфлор»				
Валовая рентабельность продаж, %	12,41	15,53	11,20	-1,21
Рентабельность продаж по прибыли от продаж, %	3,75	2,47	0,43	-3,32
Чистая рентабельность продаж, %	0,40	0,06	0,08	-0,32
Затраты на 1 рубль выручки, руб.	0,88	0,84	0,89	0,01
Доля чистой прибыли в валовой прибыли, %	3,21	0,36	0,69	-2,52
Коэффициент окупаемости затрат, руб.	1,14	1,18	1,13	-0,02

Примечание: составлено авторами на основе источника [7].

В 2025 г. наиболее сильные позиции занимало ООО «СервисКерамика»: валовая рентабельность составила 26,09%, рентабельность по прибыли от продаж – 6,37%, а чистая рентабельность – 4,22%. При этом затраты на 1 рубль выручки снизились до 0,74 руб., а коэффициент окупаемости затрат вырос до 1,35 руб. У ООО «Монарх К» валовая рентабельность увеличилась на 3,28 п. п., затраты сократились до 0,77 руб., а окупаемость затрат повысилась до 1,30 руб.

В то же время чистая рентабельность предприятия снизилась на 0,74 п. п., а доля чистой прибыли в валовой прибыли – на 6,36 п. п., что говорит о росте расходов

после формирования валовой прибыли. У АО «Олимп и К» и ООО «ТД Тексфлор» снижение эффективности было более заметным, причем у последнего чистая рентабельность составила всего 0,08%. Поэтому дальнейшее укрепление финансового потенциала ООО «Монарх К» связано прежде всего с контролем коммерческих, управленческих и прочих расходов, что и требует отдельного сопоставления динамики рентабельности с показателями конкурентов. Динамика валовой рентабельности, рентабельности по прибыли от продаж и чистой рентабельности исследуемых организаций представлена на рисунке.

Динамика показателей рентабельности ООО «Монарх К» и фирм-конкурентов за 2023–2025 гг., %
Примечание: составлено авторами на основе источника [7]

Таблица 3

Исходная матрица показателей финансового потенциала
предприятий оптовой торговли за 2025 г.

Предприятие	Чистая рентабельность продаж, %	Оборачиваемость капитала, оборотов	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент автономии	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
ООО «Монарх К»	3,720	2,519	5,111	0,853	0,790
ООО «СервисКерамика»	4,222	2,684	1,631	0,489	0,378
АО «Олимп и К»	1,789	2,003	6,499	0,850	0,840
ООО «ТД Тексфлор»	0,077	2,648	2,252	0,121	0,110

Примечание: рассчитано авторами по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности исследуемых предприятий [7].

Наиболее устойчивую динамику показало ООО «СервисКерамика», где валовая рентабельность выросла до 26,09%, рентабельность продаж – до 6,37%, а чистая рентабельность – до 4,22%. У ООО «Монарх К» валовая рентабельность увеличилась с 19,88 до 23,16%, однако чистая рентабельность снизилась с 4,46 до 3,72%, что указывает на рост расходов после формирования валовой прибыли. При этом у АО «Олимп и К» чистая рентабельность составила 1,79%, а у ООО «ТД Тексфлор» – только 0,08%. Следовательно, ООО «Монарх К» сохраняет достаточно сильные позиции, но уступает ООО «СервисКерамика» по конечной эффективности продаж.

Для получения обобщенной оценки финансового потенциала предприятий недостаточно рассматривать только абсолютные значения выручки и прибыли, поскольку они во многом зависят от масштаба деятельности организации. Более объективное представление дает совокупность относительных показателей, которые характеризуют доходность продаж, скорость использования капитала, платежеспособность и степень автономии предприятия. Именно поэтому в дальнейший анализ были включены чистая рентабельность продаж, оборачиваемость капитала, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент автономии и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами.

Выбранные показатели отражают взаимодополняющие, но статистически не обязательно независимые стороны финансового потенциала и позволяют оценить, насколько устойчиво предприятие формирует прибыль, использует имеющиеся ресурсы и покрывает свои обязательства. Исходные значения коэффициентов по исследуемым организациям за 2025 г., которые в даль-

нейшем используются для стандартизации и расчета интегральной оценки, представлены в таблице 3.

Коэффициент автономии и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами не являются тождественными. Коэффициент автономии рассчитывался по формуле $K_{авт} = СК / ВБ$ (стр. 1300 / стр. 1700 бухгалтерского баланса) и характеризует долю активов, сформированную за счет собственного капитала. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами определялся как $K_{ос} = (СК - ВА) / ОА = (стр. 1300 - стр. 1100) / стр. 1200$ и показывает долю оборотных активов, покрытую собственными источниками. Общая зависимость обоих коэффициентов от величины собственного капитала обуславливает их тесную взаимосвязь. Для проверки возможного дублирования информации взаимосвязь между $K_{авт}$ и $K_{ос}$ оценивалась отдельно по каждому году исследуемого периода на данных четырех предприятий. Коэффициент корреляции Пирсона составил 0,981 в 2023 г., 0,985 в 2024 г. и 0,990 в 2025 г., что подтверждает устойчиво высокую положительную линейную связь между показателями. Следовательно, их одновременное включение в интегральную оценку с одинаковым весом может приводить к повышенному учету фактора обеспеченности собственным капиталом [7].

Для оценки устойчивости результатов выполнен анализ чувствительности интегральной оценки. В исходном расчете сумма компонентов z_4^2 и z_5^2 составляет 45,3% суммы квадратов показателей ООО «Монарх К» и 53,4% АО «Олимп и К», что подтверждает существенный совокупный вклад двух взаимосвязанных характеристик финансовой устойчивости.

При исключении коэффициента автономии значения интегральной оценки составляют: ООО «Монарх К» – 1,777; АО «Олимп и К» – 1,654; ООО «СервисКерамика» – 1,505; ООО «ТД Тексфлор» – 1,054. При исключении коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами соответствующие значения составляют 1,809; 1,652; 1,546 и 1,055. В обоих вариантах порядок предприятий сохраняется. Таким образом, полученное ранжирование устойчиво к исключению любого одного из двух тесно коррелирующих показателей, однако абсолютные значения интегральной оценки изменяются, а пять включенных компонентов не следует интерпретировать как пять статистически независимых характеристик финансового потенциала.

Представленные показатели имеют различные единицы измерения, поэтому их непосредственное суммирование не позволяет получить объективный результат. Для приведения исходных данных к сопоставимому виду была проведена стандартизация, при которой значение каждого показателя делилось на его максимальную величину по исследуемой совокупности предприятий:

$$x_{ij}^* = \frac{x_{ij}}{\max x_j}, \quad (1)$$

где x_{ij}^* – стандартизированное значение j-го показателя по i-му предприятию;

x_{ij} – фактическое значение показателя;
 $\max x_j$ – максимальное значение соответствующего показателя среди исследуемых предприятий.

Все включенные в расчет показатели рассматривались как стимуляторы, поскольку увеличение их значений в данном случае свидетельствует об укреплении финансового потенциала предприятия.

Результаты стандартизации представлены в таблице 4.

На заключительном этапе был рассчитан интегральный рейтинг финансового потенциала каждого предприятия. Для этого определялась сумма квадратов стандартизированных показателей, после чего извлекался квадратный корень:

$$R_i = \sqrt{\sum_{j=1}^m (x_{ij}^*)^2}, \quad (2)$$

где R_i – интегральный рейтинг финансового потенциала i-го предприятия;

x_{ij}^* – стандартизированное значение соответствующего показателя;

m – количество показателей, включенных в оценку.

Чем выше значение интегрального рейтинга, тем более устойчивым является положение предприятия по совокупности рассматриваемых финансовых характеристик. Для ООО «Монарх К» расчет имеет следующий вид:

$$R_i = \sqrt{0,881^2 + 0,938^2 + 0,786^2 + 1,000^2 + 0,940^2}$$

$$R_i = \sqrt{0,776 + 0,880 + 0,618 + 1,000 + 0,884} = \sqrt{4,158} = 2,039$$

Таблица 4

Матрица стандартизированных показателей финансового потенциала предприятий оптовой торговли за 2025 г.

Предприятие	Чистая рентабельность продаж	Оборачиваемость капитала	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент автономии	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
ООО «Монарх К»	0,881	0,938	0,786	1,000	0,940
ООО «СервисКерамика»	1,000	1,000	0,251	0,572	0,450
АО «Олимп и К»	0,424	0,746	1,000	0,996	1,000
ООО «ТД Тексфлор»	0,018	0,987	0,346	0,142	0,131

Примечание: рассчитано авторами по данным таблицы 3.

Таблица 5

Компоненты и итоговые значения интегральной оценки финансового потенциала предприятий оптовой торговли за 2025 г.

Предприятие	Квадраты нормированных показателей					Интегральная оценка R_i	Место
	z_1^2	z_2^2	z_3^2	z_4^2	z_5^2		
ООО «Монарх К»	0,776	0,880	0,618	1,000	0,884	2,039	1
АО «Олимп и К»	0,180	0,557	1,000	0,992	1,000	1,931	2
ООО «СервисКерамика»	1,000	1,000	0,063	0,327	0,203	1,610	3
ООО «ТД Тексфлор»	0,000	0,974	0,120	0,020	0,017	1,064	4

Примечание: z_1 – нормированная чистая рентабельность продаж; z_2 – нормированная оборачиваемость капитала; z_3 – нормированный коэффициент текущей ликвидности; z_4 – нормированный коэффициент автономии; z_5 – нормированный коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами. Интегральная оценка рассчитана по формуле $R_i = \sqrt{\sum z_{ij}^2}$. Рассчитано авторами по данным таблицы 4.

Аналогичным образом были рассчитаны интегральные оценки остальных предприятий. Итоговые результаты представлены в таблице 5.

Первое место по уровню финансового потенциала заняло ООО «Монарх К» с интегральной оценкой 2,039. Его сильными сторонами являются высокий коэффициент автономии – 0,853, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами – 0,790 и текущая ликвидность – 5,111. Вместе с тем предприятие уступает ООО «СервисКерамика» по рентабельности и оборачиваемости капитала.

На втором месте находится АО «Олимп и К» с интегральной оценкой 1,931, на третьем – ООО «СервисКерамика» с оценкой 1,610. Наименьшее значение получило ООО «ТД Тексфлор» – 1,064, что связано с низкой рентабельностью и низким коэффициентом автономии. С учетом выявленной тесной связи между коэффициентом автономии и коэффициентом обеспеченности собственными оборотными средствами интегральные значения следует трактовать прежде всего как инструмент сравнительного ранжирования, а не как сумму независимых характеристик. В целом финансовый потенциал ООО «Монарх К» является наиболее сбалансированным, однако для его дальнейшего укрепления необходимо повысить рентабельность и ускорить оборот капитала.

Полученные результаты позволяют перейти к определению направлений совершенствования финансового потенциала исследуемых предприятий. Поскольку выявленные проблемы имеют различный характер, предлагаемые меры также должны учитывать особенности положения каждой организации:

– ООО «Монарх К» – повышение чистой рентабельности продаж; сокращение коммерческих и управленческих расходов; ускорение оборачиваемости капитала; оптимизация товарных запасов; усиление контроля дебиторской задолженности;

– АО «Олимп и К» – восстановление рентабельности продаж; повышение эффективности использования активов; сокращение периода оборота капитала; снижение объема избыточных запасов; укрепление конечного финансового результата;

– ООО «СервисКерамика» – повышение коэффициента автономии; увеличение коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами; снижение зависимости от краткосрочных источников финансирования; сохранение достигнутого уровня рентабельности; поддержание достаточного запаса ликвидности;

– ООО «ТД Тексфлор» – восстановление прибыльности продаж; сокращение себестоимости и текущих расходов; укрепление собственного капитала; снижение долговой нагрузки; пересмотр ассортиментной и ценовой политики.

Заключение

Проведенное исследование показало, что финансовый потенциал предприятий оптовой торговли нельзя оценивать только по размеру выручки или прибыли, так как данные показатели не всегда отражают реальное положение организации. Более полную оценку дают рентабельность, оборачиваемость капитала, ликвидность и коэффициент автономии. За 2023–2025 гг. наиболее стабильная положительная динамика отмечалась у ООО «СервисКерамика», а у ООО «Монарх К», несмотря на рост валовой прибыли, произошло снижение

чистой прибыли и рентабельности продаж. Это показывает, что часть полученного результата теряется уже после формирования валовой прибыли, в том числе из-за роста коммерческих, управленческих и прочих расходов.

По итогам интегральной оценки первое место заняло ООО «Монарх К» с интегральной оценкой 2,039, далее расположились АО «Олимп и К» – 1,931, ООО «СервисКерамика» – 1,610 и ООО «ТД Тексфлор» – 1,064. В целом финансовый потенциал ООО «Монарх К» можно считать достаточно устойчивым и более сбалансированным, хотя отдельные показатели имеют отрицательную динамику. Поэтому для сохранения конкурентных позиций предприятию необходимо повышать рентабельность, ускорять оборот капитала, контролировать расходы и более внимательно работать с запасами и дебиторской задолженностью, что в дальнейшем может улучшить конечный финансовый результат.

Список литературы

1. Блохина И. М., Христофорида В. А., Михайлова Е. М. Оценка финансового потенциала предприятия // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (46). С. 241–245. URL: <https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/egi/egi-46.pdf> (дата обращения: 09.08.2026).
2. Атаева Л. Б., Бексултанова А. И. Методические аспекты оценки экономического потенциала и финансового положения предприятия // Вестник Академии знаний. 2022. № 53 (6). С. 17–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-aspekty-otsenki-ekonomicheskogo-potentsiala-i-finansovogo-polozheniya-predpriyatiya> (дата обращения: 09.08.2026). EDN: XDAIXY.
3. Джамолидинова Л. А., Даудов А. Ю. Финансовое состояние и его роль в оценке деятельности предприятия // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 13. № 12 (153). С. 121–127. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2024_12_v13/ (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.13.015.
4. Саранцева Е. Г. Анализ финансовых результатов в принятии управленческих решений // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10-1. С. 101–105. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3782> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.17513/vaael.3782.
5. Коняхина Т. Б. Роль финансового анализа для принятия управленческих решений // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1 (162). С. 1265–1269. URL: <https://www.intereconom.com/component/content/article/486.html> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.34925/EIP.2024.162.1.245.
6. Петренко Н. Е., Конюкова О. Г. Модель оценки ресурсного потенциала предприятий сферы услуг оптовой и розничной торговли // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 4. С. 1371–1384. URL: <https://1economic.ru/lib/120773> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.18334/epp.14.4.120773. EDN: WYCVMY.
7. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности // Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://bo.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 18.05.2026).
8. Головинов О. Н., Пожидаева Т. А. Комплексный подход к анализу платежеспособности организации на основе публичной информации // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 3. С. 91–103. URL: <https://journals.vsu.ru/meps/article/view/11909> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/3/91-103.
9. Кастрюлева Л. Е. Анализ деловой активности организации по упрощенной бухгалтерской (финансовой) отчетности // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 5. С. 75–87. URL: <https://journals.vsu.ru/meps/ru/article/view/12036> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/5/75-87.
10. Третьякова О. В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5 (41). С. 159–172. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11. URL: <https://sciurp.org/147109769> (дата обращения: 26.08.2026).
11. Завгородняя Е. В., Бобрышева В. Е. Анализ финансового состояния ООО «Монарх К» // Экономика и предпринимательство. 2023. № 10 (159). С. 1058–1063. URL: <https://www.intereconom.com/component/content/article/481.html> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.34925/EIP.2023.159.10.215.
12. Олейник А. Н., Болотнова Е. А., Марьяненко А. С., Савинская Н. А. Оценка финансового состояния торговых организаций Краснодарского края // Журнал прикладных исследований. 2024. № 6. С. 45–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-finansovogo-sostoyaniya-torgovyh-organizatsiy-krasnodarskogo-kрая> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.47576/2949-1878.2024.6.6.006.
13. Бурса И. А., Марьяненко А. С., Святкина К. Н. Анализ финансового состояния организаций оптовой торговли Краснодарского края // Вестник Академии знаний. 2025. № 2 (67). С. 146–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansovogo-sostoyaniya-organizatsiy-optovoy-torgovli-krasnodarskogo-kрая> (дата обращения: 09.08.2026). EDN: PSPCXX.
14. Логинов П. О., Шиков П. А., Никитина Л. Н. Анализ финансово-экономического состояния торговой компании и пути его улучшения // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7. № 1. С. 256–267. URL: <https://journals.rcsi.science/2658-5286/article/view/391653> (дата обращения: 09.08.2026).
15. Пилова Ф. И., Аргашокова А. А., Загаштокова Д. А. Анализ финансового состояния предприятия и пути его улучшения // Индустриальная экономика. 2025. № 2. С. 102–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansovogo-sostoyaniya-predpriyatiya-i-puti-ego-uluchsheniya> (дата обращения: 09.08.2026). DOI: 10.47576/2949-1886.2025.2.2.014.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

СТАТЬИ

УДК 332.1(470.57)
DOI 10.17513/fr.44076

CC BY 4.0

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ФАКТОРОВ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аслаева С. Ш. ORCID ID 0000-0001-6958-5391

*Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение
федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»,
Уфа, Российская Федерация, e-mail: Salima2006A@mail.ru*

Пространственная организация эколого-социально-экономической системы территорий предусматривает обеспечение комфортных условий для жизнедеятельности человека, организацию и рациональное использование природных ресурсов. Целью работы является оценка пространственной дифференциации и выявление факторов, влияющих на социо-эколого-экономическое развитие регионов с использованием экономико-математического инструментария. Объектом исследования являются муниципальные районы и городские округа Республики Башкортостан. Проведенное исследование выявило наибольшую полярность в экологической подсистеме региона, наименьшую – в социальной. Для муниципальных районов и городских округов рассчитаны интегральные оценки с 2017 по 2024 г., агрегирующие эколого-социально-экономические показатели. Для оценки дифференциации и идентификации факторов, влияющих на нее, применен эконометрический инструментарий – панельные регрессионные модели с фиксированными эффектами (FE), реализованные в пакете Gretl. Декомпозиция дисперсии подтверждает наличие выраженной пространственной неоднородности. Поскольку интегральная оценка аккумулирует все компоненты, выявление отдельных факторов, однозначно изменяющих ее величину, представляет собой сложную задачу. В работе рассмотрены три группы переменных (институциональные, пространственно-инфраструктурные и структурно-экономические) в качестве потенциальных факторов, влияющих на интегральную оценку. Полученные результаты могут служить основой для корректировки региональной политики, направленной на сглаживание пространственных диспропорций.

Ключевые слова: пространственная дифференциация, детерминанты, панельная модель, фиксированные эффекты, муниципальные образования, городские округа

ASSESSMENT OF SPATIAL DIFFERENTIATION AND FACTORS OF SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Aslaeva S. Sh. ORCID ID 0000-0001-6958-5391

*Institute of Socio-Economic Research – a separate structural subdivision of the Federal State
Budgetary Scientific Institution “Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences”,
Ufa, Russian Federation, e-mail: Salima2006A@mail.ru*

The spatial organization of the ecological-socio-economic system of territories ensures comfortable conditions for human life, as well as the organization and rational use of natural resources. The aim of this study is to assess spatial differentiation and identify factors influencing the socio-ecological-economic development of regions using economic and mathematical tools. The object of the study is municipal districts and urban districts of the Republic of Bashkortostan. The study revealed the highest polarity in the ecological system in the region, and the lowest in the social system. For municipal districts and urban districts, integrated assessments were calculated from 2017 to 2024, aggregating ecological-socio-economic indicators. To assess differentiation and identify factors influencing it econometric tools were used – panel regression models with fixed effects (FE), implemented in the Gretl software package. The variance decomposition confirms the presence of pronounced spatial heterogeneity. This is because the integrated assessment accumulates all components. Identifying the influence of individual factors that uniquely alter its value is a complex task. Three groups of variables (institutional, spatial-infrastructure, and structural-economic) were identified that could influence the integrated assessment. The results obtained can serve as a basis for adjusting regional policies aimed at mitigating spatial disparities.

Keywords: spatial differentiation, determinants, panel model, fixed effects, municipalities, urban districts

Введение

Пространственная организация эколого-социально-экономической системы субъектов Российской Федерации выступает важнейшим фактором, определяющим качество жизни населения, комфортность

проживания, степень реализации политики продовольственной безопасности и принципы рационального использования природно-ресурсного потенциала. При этом пространственная дифференциация пронизывает все сферы регионального функционирования и развития [1, с. 60–62].

Вопросы изучения региональной дифференциации имеют продолжительную историю. Основы теории организации экономического пространства были заложены в работах немецкого ученого А. Лёша [2, с. 634–635]. Основоположником отечественной школы пространственной экономики считается А. Г. Гранберг, разработавший методологию анализа национальной экономики и впервые применивший экономико-математический инструментарий для планирования территориального развития [3]. Анализом причин и следствий социально-экономического неравенства регионов занимается Н. В. Зубаревич, сформулировавшая «теорию четырех России» [4, с. 27–29]. П. А. Минакир объединил теоретические выкладки с прикладными задачами, разрабатывая подходы к программному развитию территорий [5]. Пространственным анализом на основе панельных данных о доходах и потреблении по регионам России занимались И. А. Лакман, В. М. Тимирьянова [6].

Неравномерность пространственного развития региональной экономики обуславливает необходимость применения дифференцированных подходов к аккумуляции потенциала, формирующего устойчивое развитие в разрезе муниципальных образований и городских округов.

Цель исследования – оценка пространственной дифференциации и выявление факторов, влияющих на уровень социо-эколого-экономического развития региона с использованием эконометрического анализа. Социо-эколого-экономическое развитие понимается как сбалансированное и взаимосвязанное изменение трех подсистем территории: экономической (производство, инвестиции, доходы), социальной (образование, здравоохранение, демография) и экологической (состояние окружающей среды, природоохранные затраты). Работа выполнена на примере Республики Башкортостан.

Материалы и методы исследования

Для определения уровня развития социально-эколого-экономической системы был осуществлен отбор показателей по каждому блоку. Информационной базой исследования выступили данные Госкомстата Республики Башкортостан за 2017–2024 гг.¹ Перечень показателей экономического и социального блоков выбран на основе экспертных оценок, кластерного и регрессионного анализа из показателей оценки эффективности деятельности органов местного са-

моуправления для муниципальных образований (МО) и городских округов (ГО) [7]. Состав показателей для оценки экологической компоненты определен с ориентацией на цели ООН и на общедоступные статистические данные [8]. После нормирования показателей по формуле средней арифметической определены интегральные оценки по блокам. Нормирование выполнялось по формуле минимаксного шкалирования для показателей стимуляторов (их увеличение повышает уровень развития):

$$x_{it}^{\text{норм}} = \frac{x_{it} - \min(x_i)}{\max(x_i) - \min(x_i)}.$$

К показателям дестимуляторов (увеличение снижает уровень развития) относятся заболеваемость населения, доля убыточных организаций:

$$x_{it}^{\text{норм}} = \frac{\max(x_i) - x_{it}}{\max(x_i) - \min(x_i)},$$

где x_{it} – фактическое значение показателя для i -го МО или ГО в год t ,

$\min(x_i)$ – минимальное значение среди всех МО или ГО за весь период,

$\max(x_i)$ – максимальное значение среди всех МО или ГО за весь период.

Остальные показатели являются стимуляторами.

Экономические, социальные и экологические индикаторы равноправно вошли в общую интегральную оценку. Вес каждого блока принят равным 1/3 исходя из гипотезы о равнозначности экономической, социальной и экологической компонент устойчивого развития, что согласуется с целями ООН в области устойчивого развития [9]. Муниципальные образования и городские округа анализировались отдельно.

При построении панельной модели в качестве зависимой переменной выступила общая интегральная оценка социо-эколого-экономического развития (ИО). Для идентификации факторов, связанных с пространственной дифференциацией, определен набор переменных, которые могут оказывать влияние на ИО: институциональные (бюджетная обеспеченность, доходы местного бюджета, доля занятых в малом бизнесе, уровень безработицы, кадровая обеспеченность, коэффициент рождаемости), пространственно-инфраструктурные (плотность дорог, удаленность от регионально-го центра, общая жилая площадь на одного человека, численность населения, земли под строительство, выделенные субсидии на строительство) и структурно-экономические (инвестиции с лагом в 1–3 года, доля

¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.04.2026).

обрабатывающих производств, доля убыточных производств, стоимость основных фондов, износ основных фондов, финансовый результат предприятий, продукция сельского хозяйства). Переменные должны пройти отбор на основе диагностики мультиколлинеарности и проверки статистической значимости. После проверки гипотезы о некоррелированности индивидуальных эффектов с регрессорами (тест Хаусмана) построена панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами (EF), опирающаяся на структуру панельных данных, что позволяет учитывать неизмеримые индивидуальные различия объектов:

$$y_{it} = \alpha_i + \beta_1 x_{1it} + \beta_2 x_{2it} + \dots + \beta_k x_{kit} + \varepsilon_{it},$$

где $i = 1, \dots, N$ – индекс МО, ГО; $t = 1, \dots, T$ – индекс временного периода; $k = 1, \dots, K$ – индекс показателей; y_{it} – значение ИО для i -го объекта в год t ; $x_{1it}, \dots, x_{kit}$ – значения переменных; $\beta_1, \dots, \beta_k$ – коэффициенты при регрессорах, общие для всех объектов и периодов; α_i – индивидуальный фиксированный эффект (свободный член); ε_{it} – случайная ошибка.

Оценка модели выполнена в пакете Gretl с использованием кластерных стандартных ошибок (устойчивых к гетероскедастичности и автокорреляции). Для количественной оценки пространственной дифференциации применена декомпозиция дисперсии (однофакторный ANOVA). В работе используется линейная панельная модель с FE, которая не учитывает пространственную автокорреляцию и нелинейные эффекты. Это ограничение связано с малым числом наблюдений и фокусом на внутрирегиональной дифференциации.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа пространственной внутрирегиональной дифференциации установлено, что наибольший уровень поляризации наблюдается в экологическом блоке. Максимальная поляризация зафиксирована по текущим затратам на охрану окружающей среды, минимальная – по посевным площа-

дям сельскохозяйственных культур. В экономическом блоке наиболее высокая поляризация наблюдается по показателю, характеризующему объем отгруженных товаров, выполненных работ и услуг для МО и ГО, а также по объему инвестиций на душу населения в МО, наименьшая – по заработной плате. Социальный блок среди всех групп характеризуется наименьшей полярированностью, она наиболее выражена по расходам местного бюджета на образование. Показатели, характеризующие долю муниципальных общеобразовательных организаций, соответствующих современным требованиям, и уровень обеспеченности учреждениями культуры в каждом МО практически соответствуют нормативам, поэтому их поляризация низка, они исключены из ИО.

Для оценки пространственной дифференциации выполнена декомпозиция дисперсии интегральной оценки, однофакторный ANOVA – Analysis of Variance (табл. 1).

F-тест подтверждает статистическую значимость межгрупповых различий ($p < 0,001$). Доля дисперсии, объясняемая различиями между МО, составляет $\eta^2 = 0,931$ (93,1 % общей вариации ИО обусловлено устойчивыми пространственными различиями между муниципалитетами, а 6,9 % – временными колебаниями внутри отдельных территорий). Пространственная дифференциация является доминирующим источником изменчивости. Для выявления факторов, влияющих на ИО, построены панельные регрессионные модели. Для обоснования выбора модели с фиксированными эффектами проведен тест Хаусмана, полученное значение $\chi^2 = 48,3$ ($p < 0,001$) подтверждает предпочтительность FE-модели по сравнению со случайными эффектами (RE). Дополнительный тест на наличие индивидуальных эффектов ($F(53,372) = 97,4$, $p < 0,001$) свидетельствует о статистической значимости межгрупповых различий. После исключения мультиколлинеарных и статистически незначимых переменных (на основе диагностики BКW), показавшей максимальный условный индекс 12, порог составляет 30.

Таблица 1

Декомпозиция дисперсии интегральной оценки для муниципальных районов

Источник вариации	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F-статистика
Между МО (SSB)	2,631	53	0,0496	95,3
Внутри МО (SSW)	0,197	378	0,00052	
Итого (SST)	2,828	431		

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Таблица 2

Панельная регрессия с фиксированными эффектами для муниципальных районов

Переменная	Коэффициент	Кластерная ст. ошибка	t-статистика	p-значение	95 % доверительный интервал
Субсидии на строительство	-0,0998	0,0278	-3,596	< 0,001	[-0,1543; -0,0453]
dt_2 (2018)	-0,0232	0,0030	-7,615	< 0,001	[-0,0291; -0,0173]
dt_3 (2019)	-0,0264	0,0031	-8,607	< 0,001	[-0,0325; -0,0203]
dt_5 (2021)	-0,0188	0,0032	-5,934	< 0,001	[-0,0251; -0,0125]
dt_7 (2023)	-0,0243	0,0031	-7,963	< 0,001	[-0,0304; -0,0182]
dt_8 (2024)	-0,0232	0,0031	-7,584	< 0,001	[-0,0293; -0,0171]
const	0,3460	0,0051	67,861	< 0,001	[0,3360; 0,3560]

Примечание: составлена автором на основе полученных данных в ходе исследования.

Модель для МО включает субсидии на строительство и временные даммы 2018, 2019, 2021, 2023, 2024 гг. Остальные переменные из трех групп (институциональные, пространственно-инфраструктурные, структурно-экономические) оказались статистически незначимыми или были исключены вследствие мультиколлинеарности. Результаты оценивания представлены в табл. 2.

Коэффициент детерминации равен 0,3. Стандартные ошибки кластеризованы по МО. Совместный тест регрессоров:

$$F(6,372) = 25,03 \text{ (} p < 0,001 \text{)}.$$

Субсидии на строительство оказывают статистически значимое отрицательное влияние на ИО, что может объясняться направлением субсидий в МО с низким уровнем развития или наличием временного лага между выделением средств и эффектом. Коэффициенты при временных даммах для 2018, 2019, 2021, 2023 и 2024 гг. отрицательны, происходит снижение ИО по сравнению с 2017 г.

Показатель «удаленность от регионального центра» не включен в панельную модель из-за неизменности во времени. Дополнительные проверки не подтверждают наличие значимой связи между удаленностью и ИО, кросс-секционный регрессионный анализ на данных за 2024 г. показал, что $p > 0,05$, $R^2 = 0,003$.

Для ГО выявлена высокая мультиколлинеарность между регрессорами, оценка панельной регрессии некорректна (максимальный условный индекс $BKW = 148,3$). Результаты ANOVA для ГО показывают, что межгрупповая вариация составляет 1,271 ($df = 7$), а внутригрупповая – 0,587 ($df = 56$). Доля дисперсии, объясняемая различиями между ГО,

$$\eta^2 = SSB/SST = 1,271/1,858 = 0,684,$$

означает, что 68,4 % общей дисперсии ИО объясняется устойчивыми различиями между ГО. $F = 17,3$ ($p < 0,001$) подтверждает статистическую значимость выявленных межгрупповых различий. Наиболее выраженный выброс – г. Уфа (столицы республики), имеющий высокие значения интегральной оценки по сравнению с остальными городами.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что пространственное развитие территорий выступает важнейшим условием социально-экономического развития страны, что согласуется с выводами, представленными в работах Л. А. Третьякова, А. С. Астахина [10]. Неравномерность пространственного развития, как справедливо отмечает И. А. Ладыгина, обосновывает необходимость выработки дифференцированных подходов к раскрытию потенциала регионов [11]. Пространственная дифференциация охватывает все сферы, поэтому М. А. Джугшапарова предлагает использовать интегральные оценки, в работе представлен интегральный показатель социо-эколого-экономического развития [12]. Установлено, что в Республике Башкортостан не наблюдается согласованности в интегральной оценке по этим блокам, высокие показатели в экономической сфере не всегда соответствуют высоким показателям в социальной и экологической сфере.

В современной научной литературе все большее внимание уделяется экологической проблематике. К. А. Ростислав, Ю. Ю. Пономарев в своих работах подчеркивают, что экологический фактор все чаще учитывается при анализе социально-экономического развития [13]. Ряд исследователей утверждают, что устойчивое развитие

находится под влиянием инновационной активности [14]. В настоящем исследовании инновационные показатели не использовались ввиду отсутствия открытых статистических данных в муниципальном срезе, а также малочисленности инновационных предприятий в сельских территориях республики, хотя развитие в данном направлении осуществляется [15]. М. В. Морошкина приходит к выводу, что фактор «географическое положение» оказывает значительное влияние на показатели экономического развития территории [16]. Показатель «удаленность от регионального центра» не показал значимой связи с интегральной оценкой, что может объясняться внутрирегиональным масштабом анализа, а также относительно развитой транспортной сетью в республике.

Выделение трех групп потенциальных факторов (институциональные, пространственно-инфраструктурные и структурно-экономические) представляло собой систематизированный перечень теоретически обоснованных переменных, проверяемых эмпирически. Тот факт, что только субсидии на строительство обнаружили статистически значимую связь с Ю, указывает на ограниченность линейной FE-спецификации и сложность агрегированного показателя Ю, аккумулирующего три подсистемы.

Ограничения исследования. Использование агрегированных муниципальных статистических данных не позволяет учитывать внутримunicipальные различия и качественные институциональные факторы; возможна эндогенность между субсидиями и интегральной оценкой (например, субсидии могут выделяться в ответ на низкие показатели); малый размер выборки для ГО делает невозможным построение надежной регрессионной модели; результаты зависят от выбранного набора индикаторов. Линейная FE-модель не учитывает пространственные взаимодействия и нелинейные эффекты. Данные ограничения открывают направления для дальнейших исследований.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить уровни полярности в Республике Башкортостан. Экологический блок характеризуется наиболее высокой степенью полярности, социальный — наименьшей, что может свидетельствовать о выравнивающей роли государственной поддержки в социальной сфере. В работе дана количественная оценка пространственной дифференциации социо-эколого-экономического

развития на внутрирегиональном уровне. Декомпозиция дисперсии подтверждает наличие выраженной пространственной неоднородности. В работе представлены возможные детерминанты пространственной дифференциации социо-эколого-экономического развития на внутрирегиональном уровне, для оценки их влияния построена панельная модель, которая была реализована в программе Gretl.

Полученные результаты указывают на необходимость дополнительной проверки эффективности распределения субсидий на строительство, нужно учитывать экологическую составляющую при оценке эффективности крупных предприятий, особенно в ресурсодобывающих городских округах; разрабатывать программы адаптации социальной инфраструктуры с учетом выявленных временных трендов. Предложенные меры позволят сгладить пространственные диспропорции и повысить устойчивость развития региона. Дальнейшие исследования могут быть направлены на учет нелинейных эффектов, пространственных взаимодействий.

Список литературы

1. Гатауллин Р. Ф., Гайнанов Д. А., Шеломенцев А. Г., Тажитдинов И. А., Аслаева С. Ш., Атаева А. Г., Ахметов В. Я., Биглова А. А., Галикеев Р. Н., Гончарова К. С., Спирина Л. И., Уляева А. Г., Чувашева Э. Р., Тагирова Э. И., Клековкина К. А. Развитие экономических институтов и форм межпространственного взаимодействия / под общ. ред. Р. Ф. Гатауллина. Уфа: УФИЦ РАН, 2024. 290 с. DOI: 10.31040/978-5-6049257-9-9. EDN: WKGBNF. ISBN 978-5-6049257-9-9.
2. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. 663 с. ISBN 978-5-02-035367-1. EDN: QSGGJJ.
3. Минакир П. А. Роль личности в истории науки: Александр Григорьевич Гранберг // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 7 (7). С. 169–177. EDN: MWPPTV.
4. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. ISBN 978-5-903599-10-3.
5. Рензин О. М., Прокапало О. М. Дальневосточная проекция региональных экономических исследований: научная школа П. А. Минакира // Регионалистика. 2025. Т. 12. № 5. 2025. С. 101–118. DOI: 10.14530/reg.2025.5.101.
6. Лакман И. А., Тимирьянова В. М., Попов Д. В. Пространственный анализ взаимосвязи изменения доходов и потребления населения на основе панельных данных // Вопросы статистики. 2021. Т. 28 (2). С. 128–139. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-2-128-139.
7. Атаева А. Г., Аслаева С. Ш. Методические аспекты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 45–50. DOI: 10.26140/anie-2020-0904-0008.
8. Аслаева С. Ш. Моделирование социо-эколого-экономической системы региона для разработки стратегии устойчивого развития // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2026. № 1. С. 19–28. DOI: 10.35634/2412-9593-2026-36-1-19-28.
9. Kaklauskas A., Kaklauskienė L. Analysis of the impact of success on three dimensions of sustainability in

173 countries // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Is. 1. Art.14719. DOI: 10.1038/s41598-022-19131-6.

10. Третьякова Л. А., Астахин А. С. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, комплексный подход к оценке дифференциации регионов (территорий) // Вестник университета. 2020. № 4. С. 107–114. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-4-107-114.

11. Ладыгина И. А. Модели формирования полюсов роста региона в условиях пространственной дифференциации развития его инновационной сферы // Экономика устойчивого развития. 2023. № 1 (53). С. 56–60. URL: <http://www.economdevelopment.ru/wp-content/uploads/2023-1-53.pdf> (дата обращения: 29.07.2026). EDN: VMPIEL.

12. Дугаржапова М. А., Жалсараева Е. А. Оценка пространственной дифференциации регионов: социально-экономический, инновационный и экологический аспекты // Экономика и управление. 2019. № 5 (163). С. 41–51. URL: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/597/595> (дата обращения: 22.05.2026).

13. Ростислав К. А., Пономарев Ю. Ю., Макаров А. В. Анализ детерминант и пространственного распределения экологической нагрузки от транспортного сектора в разрезе российских регионов // Российский экономический журнал. 2024. № 6. С. 92–111. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_6_92.

14. Вареник М. С. Влияние научно-инновационной деятельности и цифровизации на уровень экономики регионов России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 6. С. 27–39. DOI: 10.25198/2077-7175-2024-6-27.

15. Ахметов Т. Р. Развитие инновационных систем России и ее регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 4 (178). С. 52–57. DOI: 10.34773/EU.2024.4.9.

16. Морошкина М. В. Особенности пространственного развития периферийных, центральных регионов и регионов СЗФО: сравнительный анализ // Современная конкуренция. 2024. Т. 18 (6). С. 80–96. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-6-80-96.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The author declares that there is no conflict of interest.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Госзадания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.

Financing: The study was carried out within the framework of the State Assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences No. 075-00576-26-00 for 2026 and for the planning period of 2027 and 2028.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

^{1,2}Борзунов И. В., ¹Борзунова Н. С., ³Сусоева А. В., ^{1,4}Колобов Е. А.

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: ctig.usue@mail.ru;

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация;

³Государственное автономное учреждение здравоохранения Свердловской области «Центральная городская больница № 3», Екатеринбург, Российская Федерация;

⁴Государственное автономное учреждение здравоохранения Свердловской области «Арамилская городская больница», Арамил, Российская Федерация

Статья посвящена пространственному развитию медицинской реабилитации в регионах России в условиях перехода от преимущественно стационарной модели к системе, сочетающей круглосуточный и дневной стационары, амбулаторные и домашние формы помощи. Цель исследования состоит в оценке динамики объемов медицинской реабилитации в 2022–2025 гг. и сопоставлении пространственных организационных моделей ее развития в регионах различного типа. Методологическая основа включает сравнительный и динамический анализ официальных статистических данных, расчет числа пациентов на 100 тыс. постоянного населения, анализ структурных сдвигов и качественную интерпретацию региональных кейсов. Число пациентов, получивших медицинскую реабилитацию за счет обязательного медицинского страхования, выросло с 1 140 831 чел. в 2022 г. до 1 789 065 чел. в 2025 г., или на 56,8 %. Число пациентов на 100 тыс. населения увеличилось с 776,2 до 1 225,1. Число случаев медицинской реабилитации выросло с 1 349,0 тыс. в 2022 г. до 1 751,3 тыс. в 2024 г. Кейсы Московской и Свердловской областей, Краснодарского края и Республики Саха (Якутия) показывают различия в размещении ресурсов и организации сети. Вместе с тем открытые данные не позволяют подтвердить сокращение времени ожидания, транспортных барьеров или неудовлетворенной потребности. Практическая значимость исследования состоит в обосновании необходимости совместного учета ресурсов, объемов помощи и специальных показателей доступности при планировании региональной реабилитационной сети.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, пространственное развитие, инфраструктурная модернизация, региональная экономика, территориальная доступность, обязательное медицинское страхование, региональные кейсы

SPATIAL DEVELOPMENT OF MEDICAL REHABILITATION IN RUSSIAN REGIONS

^{1,2}Borzunov I. V., ¹Borzunova N. S., ³Susoeva A. V., ^{1,4}Kolobov E. A.

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State Medical University” of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: ctig.usue@mail.ru;

²Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State University of Economics”, Yekaterinburg, Russian Federation;

³State Autonomous Healthcare Institution of the Sverdlovsk Region “Central City Hospital No. 3”, Yekaterinburg, Russian Federation;

⁴State Autonomous Healthcare Institution of the Sverdlovsk Region “Aramil City Hospital”, Aramil, Russian Federation

The article examines the spatial development of medical rehabilitation in Russian regions during the transition from a predominantly inpatient model to a system combining twenty-four-hour and day hospital care, outpatient rehabilitation, and home-based formats. The purpose of the study is to assess changes in rehabilitation volumes in 2022–2025 and compare spatial organizational models in regions of different types. The methodology combines comparative and dynamic analysis of official statistics, calculation of the number of patients per 100,000 permanent residents, analysis of structural shifts, and qualitative interpretation of regional cases. The number of patients receiving medical rehabilitation through compulsory health insurance increased from 1,140,831 in 2022 to 1,789,065 in 2025, or by 56.8 percent. The number of patients per 100,000 population increased from 776.2 to 1,225.1. The number of rehabilitation cases rose from 1,349.0 thousand in 2022 to 1,751.3 thousand in 2024. The cases of Moscow Oblast, Sverdlovsk Oblast, Krasnodar Krai, and the Sakha Republic (Yakutia) demonstrate different approaches to resource placement and provider-network organization. However, the available data do not confirm reductions in waiting time, transport barriers, or unmet need. The practical value of the study lies in substantiating the joint use of resource indicators, service volumes, and specific accessibility measures in regional rehabilitation network planning.

Keywords: medical rehabilitation, spatial development, regional economy, territorial accessibility, infrastructure modernization, compulsory health insurance, regional cases

Введение

Развитие медицинской реабилитации в современной системе здравоохранения России приобретает значение не только клинического направления, но и инструмента региональной социально-экономической политики. Ее результативность определяется способностью восстановить функциональные возможности пациентов, снизить риск инвалидизации, вернуть население к трудовой и социальной активности, а также уменьшить долгосрочную нагрузку на бюджеты здравоохранения и социальной защиты. В связи с этим реабилитационная помощь должна рассматриваться как элемент воспроизводства человеческого капитала, эффективность которого зависит от пространственного размещения инфраструктуры, кадрового обеспечения, маршрутизации и согласованности этапов оказания медицинской помощи.

Проблема территориальной доступности является одной из центральных в исследовании региональных систем здравоохранения. А. О. Булина, Ю. В. Раскина, Ю. И. Комаров и А. А. Барчук показывают, что доступность специализированной помощи определяется транспортными расстояниями, концентрацией медицинских организаций и маршрутизацией пациентов [1]. Пространственная организация здравоохранения в крупных городах зависит от исторически сложившейся сети учреждений, расселения населения и функциональной специализации территорий [2], тогда как Н. А. Восколович связывает доступность медицинских услуг также с финансовыми, демографическими и институциональными ограничениями [3]. Для медицинской реабилитации это означает, что наличие профильного подразделения само по себе не гарантирует своевременного получения помощи жителями всех муниципальных образований.

Организационная эффективность реабилитационной системы определяется не только оснащением и открытием отделений, но и качеством маршрутизации, междисциплинарного взаимодействия, преемственностью стационарного, амбулаторного, дневного и домашнего этапов [4]. Платные услуги лишь частично компенсируют инфраструктурные дефициты и не заменяют пространственно сбалансированную государственную сеть [5]. В регионах с низкой плотностью населения, большими расстояниями и сезонными транспортными ограничениями необходимы специальные управленческие механизмы и цифровая координация помощи [6]. Ресурсный потенциал может

усиливаться за счет ведомственных медицинских организаций [7], а совершенствование маршрутизации подтверждает значимость координации между учреждениями различного уровня [8].

Пространственное развитие реабилитации связано и с использованием природно-рекреационных и санаторно-курортных ресурсов. Опыт Иркутской области показывает значение пространственно-временной дифференциации лечебно-оздоровительной инфраструктуры [9]. Современная конфигурация здравоохранения во многом обусловлена историческими подходами к размещению учреждений, управлению ресурсами и территориальному планированию [10, 11]. Перспективы связаны с расширением специализированных форм восстановительного лечения [12], включая санаторный этап детской кардиологической реабилитации [13], и повышением доступности услуг при неоднородности региональных ресурсов [14]. Н. В. Шартова, М. Ю. Грищенко и Т. В. Ватлина подчеркивают, что расстояние, сезонность и транспортная связанность формируют медицинское неравенство северных территорий [15]. Следовательно, исследование требует комплексной оценки инфраструктурной модернизации, пространственной организации сети и тех ограничений, которые возникают при интерпретации открытых данных о территориальной доступности.

Цель исследования – оценка пространственного развития медицинской реабилитации в регионах России в 2022–2025 гг. и сравнение пространственных организационных моделей ее развития в регионах различного типа с определением границ выводов о территориальной доступности на основе открытых данных.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические и административные данные за 2022–2025 гг.: сведения Министерства здравоохранения Российской Федерации о числе пациентов, получивших медицинскую реабилитацию за счет обязательного медицинского страхования; материалы Счетной палаты Российской Федерации о количестве случаев и финансовом обеспечении медицинской реабилитации; оценки численности постоянного населения Федеральной службы государственной статистики; нормативные документы федерального проекта «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация»; региональные программы и официальные сообщения органов управления здравоохранением.

Для сопоставления временной динамики рассчитано число пациентов, получивших медицинскую реабилитацию за счет обязательного медицинского страхования, на 100 тыс. постоянного населения:

$$R_t = (P_t / N_t) \times 100000,$$

где P_t – число пациентов, получивших медицинскую реабилитацию в году t ;

N_t – численность постоянного населения на начало соответствующего года.

Данный относительный показатель используется для сопоставления объема оказанной помощи с изменениями численности населения. Он не является стандартизированным по возрасту, полу или иным демографическим характеристикам и не позволяет самостоятельно оценить фактическую территориальную доступность медицинской реабилитации.

Региональные кейсы отобраны по принципу максимально различающихся пространственных систем. В выборку включены Московская область, Свердловская область, Краснодарский край и Республика Саха (Якутия). Отбор осуществлялся по четырем критериям: принадлежность к различным федеральным округам; представление разных типов регионов; наличие официальных документов или открытых данных не менее чем по трем из пяти аналитических блоков; отсутствие дублирования пространственного типа. Московская область представ-

ляет высокоплотную агломерационную систему Центрального федерального округа; Свердловская область – индустриальный полицентричный регион Уральского федерального округа; Краснодарский край – южный регион со смешанной городской, сельской и курортной сетью Южного федерального округа; Республика Саха (Якутия) – малоплотную труднодоступную территорию Дальневосточного федерального округа. Другие субъекты Российской Федерации не включались, поскольку либо воспроизводили уже представленный пространственный тип, либо не имели сопоставимой открытой информации по ресурсам, сети, организационным механизмам, объемам помощи и наблюдаемым результатам.

Результаты исследования и их обсуждение

Первый эмпирический блок отражает изменение масштаба медицинской реабилитации в России с учетом численности постоянного населения. Абсолютное число пациентов характеризует общий объем оказанной помощи, тогда как число пациентов на 100 тыс. населения позволяет сопоставить динамику объемов с изменениями численности населения. Этот показатель не является возрастнo стандартизированным и не измеряет территориальную доступность. Основные значения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Масштаб медицинской реабилитации в России и число пациентов на 100 тыс. населения, 2022–2025 гг.

Показатель	2022	2023	2024	2025
Пациенты, получившие медицинскую реабилитацию по обязательному медицинскому страхованию, чел.	1 140 831	1 386 110	1 516 970	1 789 065
Численность постоянного населения на начало года, чел.	146 980 061	146 447 424	146 150 789	146 028 325
Пациенты, получившие медицинскую реабилитацию, на 100 тыс. населения	776,2	946,5	1 037,9	1 225,1
Число случаев медицинской реабилитации, тыс. случаев	1349,0	1630,3	1751,3	–
Расходы обязательного медицинского страхования на медицинскую реабилитацию, млрд руб.	46,435	–	82,877	–

Примечание: составлена авторами по данным Счетной палаты Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия в сфере медицинской реабилитации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/78b/6xro7z1hm8hwteuszl1ymivt95pizjci7/Otchet-> (дата обращения: 25.05.2026); Федеральной службы государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 25.05.2026).

Таблица 2

Единая матрица региональных кейсов медицинской реабилитации, 2022–2025 гг.

Регион	Ресурсы	Сеть	Доступность	Охват	Результат
Московская область, Центральный федеральный округ, высокоплотная агломерация	80 детских реабилитационных коек при расчетной потребности 375; поставка 53 единиц оборудования для реабилитации в 2025 г.	Региональная программа «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация в Московской области»; развитие профильных маршрутов и оснащение учреждений	Концентрация медицинских организаций в агломерации и профильная маршрутизация формируют организационную основу оказания помощи. Данные о времени ожидания и фактической удаленности маршрута не представлены	Обеспеченность детскими реабилитационными койками составляет 21,3 % расчетной потребности; поставка в 2025 г. соответствует 0,61 ед. оборудования на 100 тыс. населения	Подтверждено расширение материально-технической базы. При этом сохраняются дефицит детских реабилитационных коек, а изменение доступности по данным открытой отчетности не измерено
Свердловская область, Уральский федеральный округ, индустриальный полицентричный регион	Около 500 млн руб. в 2022 г.; почти 360 млн руб. в 2023 г.; 55 ед. оборудования в 2024 г.; 102 ед. оборудования запланированы в 2025 г.	Модернизация учреждений Екатеринбург, Каменский, Уральского, Асбеста и других городов; участие в федеральном проекте «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация»	Распределение оборудования между несколькими городскими узлами снижает концентрацию ресурсов в одном центре на организационном уровне. Показатели транспортной доступности и времени ожидания отсутствуют	Поставка 102 ед. оборудования в 2025 г. соответствует ориентировочно 2,42 ед. на 100 тыс. населения	Подтверждено территориальное распределение модернизации между несколькими городами. Изменение фактического охвата пациентов и доступности не установлено
Краснодарский край, Южный федеральный округ, смешанный городской, сельский и курортный регион	Более 550 ед. оборудования для физиотерапии и реабилитации в 2025 г.	Оборудование передано более чем в 60 районных и городских медицинских организаций	Сетевое распределение оборудования направлено на приближение ресурсов к районным и городским звеньям без их концентрации только в одном центре. Данные о маршрутах пациентов не опубликованы	Ориентировочно 9,41 единицы оборудования на 100 тыс. населения; более 60 медицинских организаций получили оборудование	Подтверждено наиболее крупное среди рассмотренных кейсов расширение материально-технической базы. Изменение времени ожидания, транспортных барьеров и клинических исходов не оценено
Республика Саха (Якутия), Дальневосточный федеральный округ, малоплотная труднодоступная территория	Финансирование региональной программы реабилитации; развитие амбулаторных, домашних и дистанционных форм помощи	Региональная программа «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация в Республике Саха (Якутия) на 2023–2030 годы»; сеть формируется с учетом удаленных и малонаселенных территорий	Домашние, амбулаторные и телемедицинские форматы предназначены для снижения зависимости пациента от поездки в крупный центр. Их фактический эффект требует муниципальные данные о маршрутизации и получателях помощи	Сопоставимая муниципальная детализация числа пациентов, времени ожидания и длительности маршрута в открытой отчетности отсутствует	Подтверждено нормативное закрепление распределенной модели реабилитации. Количественное изменение территориальной доступности и клинических результатов не установлено

Примечание: составлена авторами по данным региональной программы Московской области «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация», утвержденной распоряжением Правительства Московской области от 31 мая 2022 г. № 423-ПП. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normativnochetstvo/prinyato-pravitelstvom/rasporuyazheniya-rmo/20-06-2022-15-32-21-rasporuyazhenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot> (дата обращения: 25.05.2026); Министерства здравоохранения Московской области. Подмосковные больницы получают 53 единицы оборудования для реабилитации в 2025 году. URL: <https://mz.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/podmoskovnye-bolnicy-polucayut-53-edinic-oborudovaniya-dlya-reabilitatsii-v-etom-godu> (дата обращения: 25.05.2026); Министерства здравоохранения Свердловской области. Федеральный проект «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация». URL: <https://minzdrav.midural.ru/about/projects/all/45/> (дата обращения: 25.05.2026); Министерства здравоохранения Российской Федерации. Больницы и поликлиники Краснодарского края в 2025 году получили более 550 единиц оборудования для физиотерапии и реабилитации. URL: https://minzdrav.gov.ru/regional_news/28034-bolnitsy-i-polikliniki-krasnodarskogo-kraja-v-2025-godu-poluchili-bolee-550-edinit-oborudovaniya-dlya-fizioterapii-i-reabilitatsii (дата обращения: 25.05.2026); распоряжения Правительства Республики Саха (Якутия) об утверждении региональной программы «Оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация в Республике Саха (Якутия) на 2023–2030 годы». URL: <https://base.garant.ru/407619648/> (дата обращения: 25.05.2026). Нормированные показатели рассчитаны авторами.

Число пациентов, получивших медицинскую реабилитацию по обязательному медицинскому страхованию, выросло с 776,2 на 100 тыс. населения в 2022 г. до 1225,1 на 100 тыс. населения в 2025 г. Прирост составил 448,9 пациента на 100 тыс. населения, или 57,8 %. В абсолютном выражении число пациентов увеличилось с 1 140 831 до 1 789 065 чел., или на 56,8 %. Число случаев медицинской реабилитации выросло с 1349,0 тыс. в 2022 г. до 1751,3 тыс. в 2024 г., или на 29,8 %. Совпадающее направление динамики абсолютного и относительного показателей подтверждает расширение объемов оказанной помощи.

Полученные результаты не позволяют автоматически утверждать, что транспортные барьеры сократились или фактическая доступность медицинской реабилитации повысилась для всех групп населения. Используемые показатели не содержат сведений о времени ожидания, продолжительности и стоимости маршрута, доле пациентов, не получивших помощь при наличии показаний, территориальном распределении пациентов и клинических исходах. Поэтому данные табл. 1 подтверждают рост объемов медицинской реабилитации, но не доказывают повышение ее территориальной доступности.

Сопоставление общероссийской динамики дополнено региональными кейсами, отражающими различия пространственной организации реабилитационной помощи. Кейс-анализ не предназначен для построения рейтинга субъектов Российской Федерации. Его задача состоит в выявлении различных механизмов инфраструктурной модернизации в условиях высокой плотности населения, индустриальной полицентричности, смешанного городского и сельского расселения, а также труднодоступности территории. Для обеспечения сопоставимости региональные кейсы представлены в единой матрице «ресурсы – сеть – организационные предпосылки территориальной доступности – количественные характеристики – подтвержденный результат и ограничения интерпретации» (табл. 2).

Данные табл. 2 позволяют выделить четыре различающиеся пространственные конфигурации развития реабилитационной помощи. В Московской области ресурсный дефицит проявляется внутри высокоплотной агломерации: при расчетной потребности 375 детских реабилитационных коек фактически функционируют 80, что соответствует 21,3 % требуемой мощности. Этот результат указывает на наличие узкопрофильного ограничения, которое не устраня-

ется автоматически общим уровнем ресурсной обеспеченности региона.

Свердловская область представляет индустриально-полицентричную модель, в которой модернизация опирается на распределение оборудования между несколькими городскими узлами. Однако доступные данные отражают преимущественно ресурсный и организационный результат, а не изменение фактического охвата пациентов или транспортной доступности. Краснодарский край демонстрирует сетевой принцип: более 550 ед. оборудования переданы более чем в 60 районных и городских медицинских организаций. Это подтверждает расширение инфраструктурной базы, но не позволяет без дополнительных данных сделать вывод о сокращении времени маршрута пациента.

Республика Саха (Якутия) демонстрирует иной организационный контекст. Для малоплотной труднодоступной территории нормативное закрепление амбулаторной, домашней и дистанционной реабилитации имеет особое значение, поскольку такие формы ориентированы на снижение зависимости от стационарной инфраструктуры крупных центров. Однако опубликованные сведения не дают возможности оценить муниципальную дифференциацию числа получателей помощи, длительность ожидания, транспортные затраты или клинические результаты. Следовательно, региональные кейсы выявляют разные механизмы пространственного развития, но не доказывают повышение территориальной доступности или одинаковую результативность этих механизмов.

Заключение

Исследование подтвердило рост объемов медицинской реабилитации в России в 2022–2025 гг. Число пациентов, получивших помощь за счет обязательного медицинского страхования, увеличилось с 1 140 831 до 1 789 065 чел., или на 56,8 %, а число пациентов на 100 тыс. населения – с 776,2 до 1225,1. Число случаев медицинской реабилитации выросло с 1349,0 тыс. в 2022 г. до 1751,3 тыс. в 2024 г. Эти данные свидетельствуют о расширении масштабов оказанной помощи и усилении ресурсной и организационной роли медицинской реабилитации в системе здравоохранения.

Региональные кейсы показывают, что направления модернизации зависят от пространственного типа территории: для агломераций значимы профильные дефициты специализированной мощности; для индустриальных полицентричных регионов – распределение оборудования между

несколькими городскими узлами; для регионов со смешанной городской и сельской сетью – охват районных и городских медицинских организаций; для труднодоступных территорий – развитие амбулаторных, домашних и дистанционных форм. Вместе с тем использованные данные не подтверждают повышение территориальной доступности. Для такого вывода необходимы сведения о времени ожидания, расстоянии и длительности маршрута, доле пациентов с показаниями, фактически получивших помощь, территориальном распределении получателей и клинических исходах.

Список литературы

1. Булина А. О., Раскина Ю. В., Комаров Ю. И., Барчук А. А. Территориальная доступность высокотехнологичной онкологической помощи в СЗФО // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 247–262. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-247-262.
2. Виленский М. Ю., Провкин Б. С. Эволюция и развитие системы здравоохранения в пространственной структуре Санкт-Петербурга // Жилищное строительство. 2022. № 4. С. 55–65. DOI: 10.31659/0044-4472-2022-4-55-65.
3. Восколович Н. А. Особенности формирования доступности медицинских услуг в условиях новой экономической реальности // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1. С. 166–177. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-166-177.
4. Еремушкин М. А. Модели медицинской реабилитации: проблемы и их решения // Российский остеопатический журнал. 2023. № 3 (62). С. 86–94. DOI: 10.32885/2220-0975-2023-3-86-94.
5. Калашников К. Н. Доступность медицинской помощи в государственном и частном секторах здравоохранения: по результатам социологического опроса населения Вологодской области // Здравоохранение Российской Федерации. 2023. Т. 67. № 3. С. 203–210. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-3-203-210.
6. Коротков Д. А., Курочкина О. Н. Роль Ситуационного центра в управлении рисками болезней системы кровообращения в регионе Российской Федерации с низкой плотностью проживающего населения на примере Республики Коми // Российский кардиологический журнал. 2024. Т. 29. № 9. С. 57–60. DOI: 10.15829/1560-4071-2024-5760.
7. Котловский М. Ю., Гурцкой Л. Д., Русских С. В. Оказание медицинской помощи организациями Минобрнауки России: ведомственная специфика и значение для системы здравоохранения России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. Т. 33. № 6. С. 1353–1359. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-6-1353-1359.
8. Куделина О. В., Цайзер Д. В. Совершенствование организации медицинской помощи пациентам по профилю «медицинская реабилитация» в Томской области // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2024. Т. 39. № 3. С. 173–180. DOI: 10.29001/2073-8552-2024-39-3-173-180.
9. Левашева М. В., Васильева И. Е. Пространственно-временной анализ инфраструктуры лечебно-оздоровительного отдыха Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2024. Т. 50. С. 76–87. DOI: 10.26516/2073-3402.2024.50.76.
10. Манкевич Д. В. О некоторых тенденциях и проблемах развития регионального здравоохранения в СССР накануне и в период перестройки: на материалах Калининградской области // Новый исторический вестник. 2025. № 3 (85). С. 48–60. DOI: 10.54770/20729286-2025-3-48.
11. Савченко Е. Д. Интеграция службы медицинского наблюдения за лицами, занимающимися физической культурой и спортом, в региональную систему общественного здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № 6. Ст. 7. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-6-7.
12. Середа А. Н., Пузин С. Н., Меметов С. С., Ким В. В., Ильюхин Р. Г. Особенности организации медицинской реабилитации на современном этапе // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2021. Т. 24. № 2. С. 41–46. DOI: 10.17816/MSER66721.
13. Сухарева Г. Э. Новые перспективы развития санаторного этапа кардиологической реабилитации детей на египетском курорте // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2023. Т. 68. № 1. С. 133–140. DOI: 10.21508/1027-4065-2023-68-1-133-140.
14. Черковец М. В., Ордынская Е. В. Потенциал развития платных медицинских услуг для повышения доступности медицинской помощи в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4 (65). С. 95–116. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_95-116.
15. Шартова Н. В., Грищенко М. Ю., Ватлина Т. В. Территориальная доступность медицинских учреждений для жителей севера России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2023. Т. 78. № 5. С. 104–114. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.10.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОВЫШЕНИЯ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ДОБЫЧИ НЕФТИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ КОНЪЮНКТУРЫ

Садыкова Р. Р. ORCID ID 0000-0001-5949-3426,
Фатхутдинова О. А. ORCID ID 0000-0002-3715-3524,
Закирова Ч. С. ORCID ID 0000-0002-5063-1076, Лапицкая А. А.

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Альметьевский государственный технологический университет „Высшая школа нефти“»,
Альметьевск, Российская Федерация, e-mail: sadykovarr@agni.ru*

Рентабельность нефтедобычи формируется под воздействием разнонаправленных факторов, находящихся на разных уровнях управления. Внешние факторы макросреды создают источники роста, операционные факторы отражают эффективность использования ресурсов, адаптационные механизмы позволяют компании реагировать на изменения. В условиях нестабильной внешней конъюнктуры (волатильность цен, санкции, логистические сбои) управление рентабельностью добычи нефти требует перехода от реактивных мер к проактивной диверсифицированной стратегии. Цель работы – теоретико-методологическое обоснование направлений повышения рентабельности добычи нефти в условиях нестабильной внешней конъюнктуры и выявление факторов, определяющих динамику финансово-экономических результатов. Проведено изучение научных публикаций и нормативно-статистических источников, а также факторный и сравнительный анализ. В данной статье рассматриваются теоретические и методические подходы к анализу и повышению рентабельности добычи нефти в условиях нестабильной внешней конъюнктуры (ценовые изменения, санкции, перестройка экспортных потоков). Обоснована необходимость перехода от реактивного управления к проактивной адаптационной стратегии. Предложена структурно-логическая схема формирования рентабельности нефтедобывающего предприятия, включающая три уровня: внешние макроэкономические факторы, операционные факторы и адаптационные механизмы. Выполнен анализ динамики мировых цен на нефть. Разработаны рекомендации по применению факторных моделей с учетом отраслевой специфики. Показана эволюция систем управления рентабельностью от традиционного финансового анализа до цифровых платформ с интеграцией социально-экологических факторов.

Ключевые слова: рентабельность, добыча нефти, факторный анализ, имитационное моделирование, ценовая волатильность, санкции, НДС, адаптационные механизмы

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR INCREASING OIL PRODUCTION PROFITABILITY IN AN UNSTABLE EXTERNAL ENVIRONMENT

Sadykova R. R. ORCID ID 0000-0001-5949-3426,
Fatkhutdinova O. A. ORCID ID 0000-0002-3715-3524,
Zakirova Ch. S. ORCID ID 0000-0002-5063-1076, Lapitskaya A. A.

*State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Almetevsk State Technological University "Higher School of Oil"»,
Almetevsk, Russian Federation, e-mail: sadykovarr@agni.ru*

Oil production profitability is influenced by a variety of factors operating at different management levels. External macroenvironmental factors create a source of growth, operational factors reflect the efficiency of resource use, and adaptation mechanisms allow the company to respond to changes. In an unstable external environment (price volatility, sanctions, logistical disruptions), managing oil production profitability requires a shift from reactive measures to a proactive, diversified strategy. The objective of this study is to provide a theoretical and methodological justification for improving oil production profitability in an unstable external environment and to identify the factors determining the dynamics of financial and economic results. The materials and methods of the study include a review of scientific publications and regulatory statistical sources, as well as the use of factor and comparative analysis. This article examines theoretical and methodological approaches to analyzing and improving oil production profitability in an unstable external environment (price changes, sanctions, and restructuring of export flows). The need for a transition from reactive management to a proactive, adaptive strategy is substantiated. A structural and logical framework for shaping the profitability of an oil-producing enterprise is proposed, encompassing three levels: external macroeconomic factors, operational factors, and adaptive mechanisms. An analysis of global oil price dynamics is conducted. Recommendations for the application of factor models, taking into account industry specifics, are developed. The evolution of profitability management systems from traditional financial analysis to digital platforms integrating socio-environmental factors is demonstrated.

Keywords: profitability, oil production, factor analysis, simulation modeling, price volatility, sanctions, additional income tax, adaptation mechanisms

Введение

Нефтегазовый сектор традиционно выступает системообразующим элементом российской экономики. Однако в современных условиях функционирование отрасли сопряжено с беспрецедентным уровнем неопределенности: структурный дисбаланс мирового рынка углеводородов, волатильность цен, усиление санкционных ограничений, трансформация логистических цепочек и рост налоговой нагрузки. По данным Минфина РФ, нефтегазовые доходы федерального бюджета в январе 2026 г. сократились почти на 50 % относительно аналогичного периода прошлого года¹ [1].

Ключевым вызовом становится не максимизация абсолютной прибыли, а сохранение и повышение относительного показателя эффективности – рентабельности. Специфика отрасли (капиталоемкость, длительность инвестиционного цикла, зависимость от природно-геологических факторов, высокая налоговая нагрузка) требует разработки специализированных подходов.

Цель исследования – разработка теоретических положений и методических подходов к анализу рентабельности нефтедобычи, а также создание комплексной имитационной модели управления рентабельностью, позволяющей обосновывать выбор эффективных адаптационных механизмов. Объект исследования – деятельность нефтедобывающих предприятий Российской Федерации.

Предмет исследования – экономические и управленческие отношения, возникающие при формировании и повышении рентабельности добычи нефти под влиянием факторов макроэкономической, внешнеполитической и отраслевой среды.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой послужили труды российских и зарубежных ученых в области финансового анализа, управления рентабельностью, отраслевой экономики нефтегазового комплекса. Используются методы факторного анализа, имитационного моделирования, структурно-логического обобщения.

В наиболее общем виде рентабельность исчисляется как частное от деления прибыли на затраты или ресурсы. Рентабельным

считается предприятие, которое стабильно приносит прибыль, покрывающую издержки и обеспечивающую расширенное воспроизводство. Важно различие между абсолютной величиной прибыли (может расти экстенсивно) и относительной рентабельностью, которая позволяет объективно оценить результативность.

Ключевыми отличительными признаками рентабельности в системе производственных отношений выступают две основные характеристики:

1) отношение прибыли к издержкам производства, отражающее уровень прибыльности текущих затрат (на сырье, материалы, топливо, амортизацию, оплату труда и управленческие расходы);

2) отношение прибыли к среднегодовой стоимости производственных фондов, дающее оценку экономической эффективности использования ресурсов

Эти признаки раскрывают двойственную природу рентабельности: с одной стороны, она характеризует эффективность текущих затрат, с другой – результативность использования накопленного капитала [2].

В практике финансово-экономического анализа используется разветвленная система показателей рентабельности, которые принято классифицировать по нескольким группам. Показатели рентабельности продукции характеризуют эффективность текущих затрат и включают рентабельность реализованной продукции (отношение прибыли от реализации к себестоимости) и рентабельность продаж (отношение прибыли к выручке). Показатели рентабельности ресурсов отражают эффективность использования ресурсной базы предприятия: рентабельность активов (отношение прибыли к среднегодовой стоимости активов), рентабельность основных производственных фондов и рентабельность оборотных средств. Особое значение для стратегического анализа имеют показатели рентабельности капитала, характеризующие отдачу на вложенный капитал: рентабельность собственного капитала, рентабельность инвестированного капитала и рентабельность заемного капитала [2].

Результаты исследования и их обсуждение

Важной особенностью нефтедобывающего сектора, отличающей его от большинства отраслей обрабатывающей промышленности, является высокая капиталоемкость и зависимость от природно-геологических условий и длительных циклов разработки месторождений.

¹ Министерство финансов Российской Федерации. Данные о нефтегазовых доходах федерального бюджета. М., 2025–2026. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzhet_v_2018-2026_godakh (дата обращения: 29.07.2026).

Рис. 1. Динамика цены нефти Urals с мая 2025 г. по март 2026 г.
Примечание: составлен авторами на основе источника [4]

Технологический цикл разработки месторождений и высокая доля условно-постоянных затрат отрицательно влияют на производственную программу. Поэтому даже при резком ухудшении внешней конъюнктуры в краткосрочном периоде предприятия вынуждены сохранять объемы добычи нефти при падающей доходности, смещая центр управления с максимизации прибыли на удержание точки безубыточности.

По оценкам Международного энергетического агентства, в 2025 г. на мировом рынке нефти наблюдалась ситуация с ростом предложения и изменением баланса спроса и предложения. Мировые запасы нефти выросли, чему способствовал рост запасов сырой нефти в странах вне Организации экономического сотрудничества и развития (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD), что сопровождалось формированием нового уровня цен². При этом санкционно-логистические³ ограничения усиливают трансформацию экспортных потоков и также могут поддерживать повышенную волатильность цен для российских компаний [3].

На рис. 1 представлена динамика цены нефти Urals с мая 2025 г. по март 2026 г. Видно, что с мая 2025 г. по март 2026 г. наблюдаются существенные колебания.

² The International Energy Agency (IEA). Oil Market Report – November 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/e5b3beb1-3774-454c-be14-f515a895017a/-13NOV20_OilMarketReport.pdf (дата обращения: 29.06.2026).

³ Office of Foreign Assets Control (OFAC). [Электронный ресурс]. URL: <https://ofac.treasury.gov/> (дата обращения: 29.06.2026).

Для оценки устойчивости рентабельности целесообразно опираться не на единичные ценовые уровни, а на сценарные интервалы долгосрочно устойчивой цены. В аналитической записке Банка России диапазон долгосрочно устойчивой цены Urals определяется сценарными предположениями: в более жестком сценарии климатического регулирования он снижается до порядка 43–48 долл./баррель, тогда как в базовом сценарии составляет порядка 54–72 долл./за баррель [5, 6]. Следовательно, при высокой волатильности ключевым может быть соотношение наблюдаемых ценовых уровней с границами сценарной устойчивости.

Таким образом, динамика цены Urals в рассматриваемый период подтверждает зависимость экономической устойчивости нефтедобычи от внешней конъюнктуры и ограничивает применимость линейных подходов к управлению рентабельностью. Это подтверждает необходимость разработки адаптационных механизмов управления рентабельностью, не ориентированных только на благоприятную ценовую конъюнктуру, а учитывающих возможность резких колебаний в широком диапазоне.

В современных условиях для анализа рентабельности нефтегазовых компаний применяются модифицированные факторные модели, учитывающие отраслевую специфику. Особого внимания заслуживает расширенная модель факторного разложения рентабельности собственного капитала, которая позволяет учесть не только традиционные факторы (рентабельность продаж,

оборачиваемость активов, финансовый рычаг), но и налоговую нагрузку, долговую нагрузку, а также прибыль.

Современные исследования подтверждают также наличие корреляционной связи между ESG-показателями и финансовыми результатами нефтегазовых и других компаний. Однако по результатам анализа невозможно сделать вывод о причинно-следственных связях [7].

Таким образом, рентабельность в нефтегазовом секторе представляет собой многогранную категорию, отражающую эффективность использования производственных ресурсов с учетом отраслевых особенностей: капиталоемкости, природных факторов, налогового режима и внешнеэкономической конъюнктуры. Комплексный анализ рентабельности требует применения системы взаимосвязанных показателей и учета широкого спектра факторов, что создает методологическую основу для дальнейшего исследования влияния внешних и внутренних условий на финансовые результаты деятельности предприятий нефтегазового комплекса.

Обеспечение эффективного функционирования организаций требует экономически грамотного управления их деятельностью, которое во многом определяется умением ее анализировать. Анализ прибыли и рентабельности предприятия позволяет выявить большое число тенденций развития, он призван указать руководству предприя-

тия пути дальнейшего успешного развития, указывает на ошибки в хозяйственной деятельности, а также выявляет резервы роста прибыли, что в конечном счете позволяет предприятию более успешно осуществлять свою деятельность.

Рентабельность рационально исследовать с двух позиций – как качественный и количественный показатель и как объективную экономическую категорию. В качестве объективной экономической категории рентабельность характеризует финансовый результат, прибыльность, доходность деятельности компании. На показатель рентабельности влияют две группы факторов, которые делят на две основные группы (рис. 2).

В современных условиях факторы внешней среды играют важную роль, поскольку они не зависят от деятельности предприятия, но могут существенно повлиять на прибыль [8]. К внешним факторам относятся: экономическая ситуация в стране, уровень инфляции, налогово-кредитная политика государства, государственное регулирование тарифов и нормативно-правовые акты.

Внутренние факторы напрямую зависят от работы предприятия. Они делятся на производственные и непроизводственные. К производственным относятся экстенсивные (отражают объем ресурсов) и интенсивные (отражают эффективность использования ресурсов) факторы.

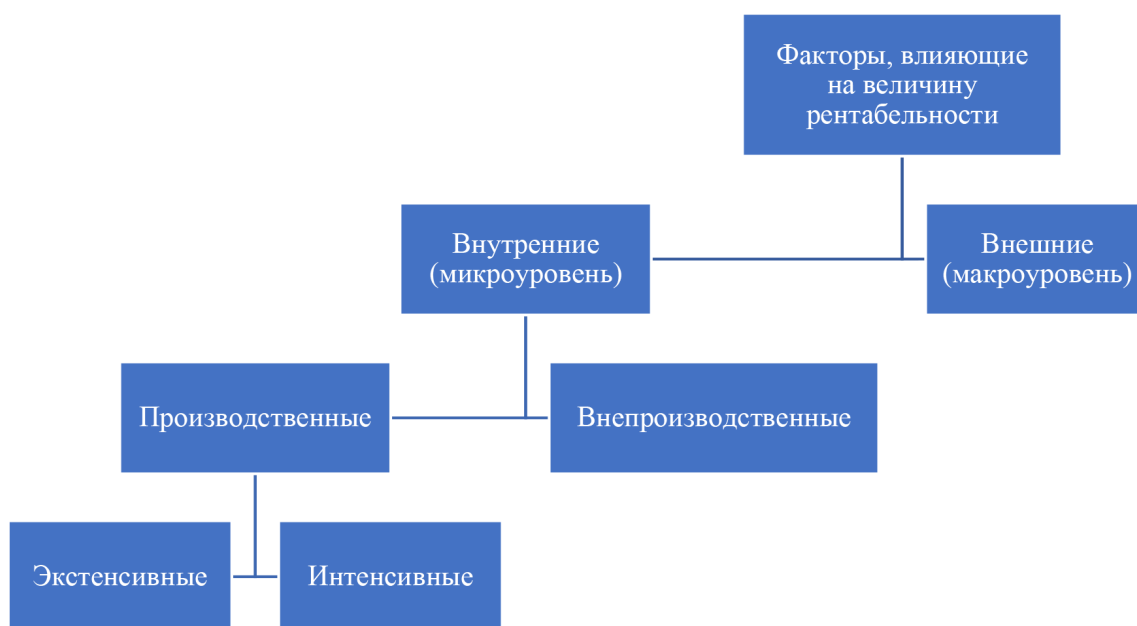

Рис. 2. Классификация факторов, влияющих на величину рентабельности
Примечание: составлен авторами на основе источника [8]

Таблица 1

Факторные модели анализа рентабельности для нефтедобывающих предприятий

Наименование модели	Формула расчета	Компоненты анализа
Расширенная пятифакторная модель рентабельности собственного капитала, декомпозиция «формулы Дюпона»	$Р_{СК} = П / СК = Р_{п} \times К_{о} \times (А/СК) \times (П_{н}/П\%) \times (ЧП/П\%)$ где $Р_{п}$ – рентабельность продаж (отношение $П$ % к выручке) $К_{о}$ – оборачиваемость активов (отношение выручки к сумме средних оборотных активов), $А/СК$ – коэффициент финансовой зависимости ($А$ – сумма активов, $СК$ – собственный капитал), $П_{н} / П\%$ – процентная нагрузка ($П_{н}$ – прибыль до выплаты налогов, $П$ % – прибыль до выплаты процентов и налогов), $ЧП / П\%$ – налоговая нагрузка ($ЧП$ – чистая прибыль)	В соответствии с данной моделью основными факторами роста рентабельности собственного капитала являются: операционная маржинальность, ускорение оборачиваемости активов компании, финансовый рычаг и влияние процентной и налоговой нагрузки. Данная модель позволяет разграничивать механическое влияние финансового рычага и влияние долговой нагрузки. Важно учитывать, что данные факторы имеют отраслевой характер. В капиталоемких отраслях, к которым относится нефтедобыча, оборачиваемость активов невелика, однако им присущ достаточный высокий показатель рентабельности продаж. Высокое значение коэффициента финансовой зависимости допустимо для компаний, имеющих стабильные денежные поступления за продукцию или значительные ликвидные активы
Базовым уравнением для факторного анализа добычи нефти является двухфакторная модель	$\Delta Q_{\text{н}} = \Delta Q_{\text{ж}} \cdot (1-B) + Q_{\text{ж}} \cdot \Delta(1-B) + \Delta Q_{\text{ж}} \cdot \Delta(1-B)$ Первая компонента $\Delta Q_{\text{ж}} \cdot (1-B)$ представляет собой фактор изменения добычи жидкости – изменение добычи нефти за счет изменения объема добываемой жидкости при неизменной обводненности. Вторая компонента $Q_{\text{ж}} \cdot \Delta(1-B)$ представляет собой фактор изменения обводненности – изменение добычи нефти за счет изменения доли нефти в продукции при неизменном объеме добычи жидкости. Третья компонента $\Delta Q_{\text{ж}} \cdot \Delta(1-B)$ представляет собой неразлагаемый остаток, отражающий взаимное влияние двух факторов $Р_{п} = 100 - ME - 3E - AE - ПЕ_{\text{пр}}$ где ME – материалоемкость продукции, $3E$ – зарплатоемкость продукции, AE – амортизационная стоимость продукции, $ПЕ_{\text{пр}}$ – прочие удельные расходы	Поскольку рентабельность нефтедобывающего предприятия непосредственно зависит от объема добычи и реализации продукции, важное значение приобретает факторный анализ непосредственно добычи нефти. Данный анализ позволяет определить вклад различных производственных факторов в общее изменение объема добычи и, следовательно, в изменение финансовых результатов
При разработке факторной модели роста рентабельности продаж для компаний нефтяной и газовой промышленности особое внимание должно быть уделено показателям фондоемкости, материалоемкости, амортизационности и их влиянию на рентабельность продаж	$Р_{п} = 100 - ME - 3E - AE - ПЕ_{\text{пр}}$ где ME – материалоемкость продукции, $3E$ – зарплатоемкость продукции, AE – амортизационная стоимость продукции, $ПЕ_{\text{пр}}$ – прочие удельные расходы	Такое представление позволяет выявить резервы снижения затрат по каждому элементу и оценить их влияние на конечный финансовый результат. Для нефтедобывающих компаний, являющихся капиталоемкими, особое значение приобретает фактор амортизационности, для нефтеперерабатывающих, являющихся материалоемкими, – фактор материалоемкости

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Взаимосвязь внутренних и внешних факторов определяет направления повышения рентабельности. Основные пути роста рентабельности включают:

- снижение материалоемкости и затрат на производство;
- повышение производительности труда;
- применение ресурсосберегающих технологий;
- расширение рынков сбыта;
- совершенствование кадровой политики [9].

Факторный анализ рентабельности базируется на детерминированных моделях, связывающих результативный показатель с факторами в функциональной зависимости. Его задача – выявить резер-

вы роста для стратегического управления компанией.

Выбор факторов, включаемых в факторную модель рентабельности, определяется целями анализа и отраслевой спецификой. Для нефтедобывающих предприятий характерен ряд особенностей, которые необходимо учитывать при построении факторных моделей: высокая капиталоемкость, значительная доля основных средств в структуре активов, зависимость результатов от природно-геологических условий, длительный инвестиционный цикл и существенное влияние внешнеэкономической конъюнктуры. В табл. 1 приведены основные факторные модели для нефтедобывающих предприятий.

Рис. 3. Структурно-логическая схема формирования рентабельности нефтедобывающего предприятия
Примечание: составлен авторами по результатам данного исследования

Таким образом, факторный анализ рентабельности добычи нефти представляет собой сложный многоуровневый процесс, требующий учета отраслевой специфики, построения адекватных факторных моделей и корректной интерпретации полученных результатов. Применение методов факторного анализа позволяет не только диагностировать текущее состояние предприятия, но и выявлять резервы повышения эффективности производства, что создает основу для принятия обоснованных управленческих решений.

На рис. 3 представлена структурно-логическая схема формирования рентабельности нефтедобывающего предприятия с учетом внешних факторов.

Первый уровень (внешние факторы макросреды) объединяет три группы факторов, находящихся вне зоны прямого контроля предприятия, но оказывающих определяющее влияние на его финансовые результаты.

Ценовая конъюнктура представлена такими элементами, как волатильность цен на нефть марки Brent и Urals, величина дисконта российской нефти (обусловленная механизмом потолка цен G7), а также динамикой валютного курса рубля к доллару США [10].

Фискальный режим включает ключевые элементы налоговой нагрузки на нефтедобывающую отрасль: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), экспортные пошлины, демпфирующий механизм на внутреннем рынке, а также налог на добавленный доход (НДД), который выступает инструментом дифференцированного налогообложения для зрелых и низкорентабельных месторождений⁴. Как отмечают исследователи, фискальный режим в российской нефтедобыче является не только источником бюджетных поступлений, но и важнейшим регулятором рентабельности, способным как стимулировать, так и сдерживать производственную активность.

Инфраструктурные ограничения отражают доступность и пропускную способность транспортной инфраструктуры: магистральных нефтепроводов (прежде всего системы «Транснефти»), портовых мощностей для отгрузки на экспорт, а также санкционные ограничения на использование танкерного флота. В условиях переориентации экспортных потоков с европейского на азиатский вектор инфраструктурные ограничения приобрели критическое значение, влияя на логисти-

ческие издержки и, как следствие, на конечную цену реализации [11].

Второй уровень (операционные факторы управления затратами) раскрывает внутренние параметры деятельности предприятия, определяющие уровень себестоимости добычи и эффективность использования ресурсов.

Технологический фактор включает методы повышения нефтеотдачи, позволяющие поддерживать или увеличивать дебит скважин на зрелых месторождениях, а также долю высокообводненного фонда скважин, которая непосредственно влияет на удельные затраты на добычу единицы нефти [12, 13].

Сервисный фактор отражает зависимость от иностранного программного обеспечения и оборудования, процессы импортозамещения, а также стоимость внутрискважинных операций. В условиях санкционных ограничений доступ к зарубежным технологиям и сервисам существенно сократился, что потребовало от компаний активизации собственных сервисных подразделений и поиска альтернативных технических решений [14].

Энергоэффективность характеризуется уровнем утилизации попутного нефтяного газа (ПНГ), что влияет не только на экологические платежи, но и на расширение ресурсной базы за счет использования газа в собственных энергетических нуждах или его коммерческой реализации.

Третий уровень представляет собой совокупность управленческих решений и стратегических инициатив, которые направлены на повышение рентабельности в условиях влияния внешних факторов.

Налоговая маневренность предполагает использование существующих льготных режимов налогообложения, прежде всего применение НДД (налог на дополнительный доход на добычу углеводородов) для низкорентабельных и новых месторождений, а также специальных режимов для трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ), что позволяет снизить фискальную нагрузку и высвободить ресурсы для поддержания добычи [15]. Логистическая перестройка отражает перенаправление экспортных потоков с европейского на восточный (Китай) и южный (Индия, Турция) векторы, а также учет стоимости фрахта, включая использование «теневых» танкерного флота. Именно логистическая адаптация позволила российским компаниям сохранить экспортные объемы в условиях санкций, хотя и сопровождалась ростом транспортных издержек [11]. Оптимизация инвестиционного портфеля включает консервацию нерентабельного фон-

⁴ Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndpi/?ysclid=ms6519bu6190573724> (дата обращения: 29.06.2026).

да скважин в периоды низких цен, фокус на разработке высокодебитных скважин.

Предложенная схема демонстрирует, что рентабельность нефтедобывающего предприятия формируется под воздействием разнонаправленных факторов, находящихся на разных уровнях управления. Внешние факторы макросреды определяют базовые показатели выручки и налогообложения. Операционные факторы отражают эффективность использования ресурсов и технологический уровень производства. Адаптационные механизмы выступают инструментами активного реагирования на изменения внешней среды, позволяя компании в пределах своей зоны ответственности корректировать параметры деятельности для поддержания целевого уровня рентабельности. Важно подчеркнуть, что эффективность адаптационных механизмов напрямую зависит от своевременности их применения и учета всей совокупности факторов, представленных на первом и втором уровнях схемы. Таким образом, схема может служить теоретической основой для построения имитационной модели управления рентабельностью.

Эволюция управления рентабельностью в нефтегазовых компаниях проходит три этапа: от классического финансового анализа к многофакторным цифровым системам с учетом ESG-факторов. Важно отметить, что на каждом этапе меняется управленческая цель критерии эффективности и условия, и в зависимости от этого смысл каж-

дого инструмента на каждом этапе может различаться.

1. Традиционный этап (финансовый анализ и бюджетирование) базировался на расчете коэффициентов рентабельности, бюджетировании и контроле затрат. Применялась классическая модель DuPont, разлагающая ROE на рентабельность продаж, оборачиваемость активов и финансовый рычаг. Недостаток – статичность и ретроспективность анализа. Одними из главных целей этого этапа можно выделить снижение затрат, выполнение плана, поддержание производственной дисциплины.

2. Переходный этап (процессный подход) характеризуется переходом к управлению по сквозным бизнес-процессам (разведка, бурение, добыча, переработка, сбыт), модификацией модели DuPont с включением налоговой и долговой нагрузки, становлением корпоративной отчетности.

3. Современный этап (цифровизация и устойчивое развитие) включает внедрение систем RTO, APC, DCS, технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, роботизации и автоматизированного контроля. Особенность этапа – это интеграция ESG-факторов (экология, социальная политика, управление), что характерно для «Газпром нефти», «Лукойла», «Роснефти». В этом этапе рентабельность рассматривается вместе с цифровой зрелостью, рисками, устойчивостью и ESG-показателями. Для наглядности основные изменения можно представить в виде табл. 2.

Таблица 2

Этапы эволюции моделей управления рентабельностью
в нефтегазовых компаниях

Этап	Ключевые методы	Фокус управления	Драйверы эффективности
Традиционный (до 1991 г.)	Финансовые коэффициенты, бюджетирование, классическая модель DuPont	Контроль затрат, выполнение плана, централизованное финансовое управление	Экономия на масштабе, увеличение прибыли и снижение себестоимости
Переходный (1991–2010 гг.)	Процессное управление, модифицированная модель DuPont (налоговые и долговые факторы)	Сквозная оптимизация процессов, управление налоговой нагрузкой	Рыночная трансформация, выявление резервов на стыке процессов, налоговое планирование, рост роли финансовой устойчивости и управленческого учета
Современный (с 2011 г. по настоящее время)	Адаптивные цифровые системы (RTO, APC, AI), ESG-интеграция	Рентабельность в реальном времени, чувствительность рентабельности к внешним факторам, долгосрочная устойчивость	Цифровые показатели (скорость обработки данных, точность прогноза и др.), цифровая зрелость, ESG-показатели (экологические риски, энергоёмкость, углеродная интенсивность), средневзвешенная стоимость капитала и др.

Примечание: составлена авторами на основе полученных данных в ходе исследования.

Таким образом, управление рентабельностью превратилось из набора реактивных финансовых инструментов в проактивную, интегрированную в операционную деятельность и стратегию функцию, основанную на интеграции передовых цифровых технологий в бизнес-модели компании и учитывающую широкий спектр внутренних и внешних факторов [16].

В условиях нестабильной внешней конъюнктуры (волатильность цен, санкционные ограничения, логистические сбои) управление рентабельностью добычи нефти требует перехода от реактивных мер к проактивной диверсифицированной стратегии. Выделяют три блока механизмов повышения рентабельности.

1. Операционно-технологические механизмы обеспечивают снижение себестоимости. К ним можно отнести интенсификацию разработки зрелого фонда скважин, продление межремонтных периодов, цифровизацию и предиктивную аналитику.

2. Финансово-стратегические механизмы повышают устойчивость денежных потоков. В условиях неопределенности метод дисконтированных денежных потоков (DCF) уступает методу реальных опционов, позволяющему гибко управлять запуском и масштабом проектов. Крупнейшие компании («Роснефть») применяют сценарное моделирование и стресс-тестирование, анализируя чувствительность NPV и IRR к ценам, курсу и налогам. Управление оборотным капиталом включает реструктуризацию запасов, ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности и хеджирование рисков [16].

3. Структурно-рыночные механизмы основаны на диверсификации. Вертикальная интеграция и углубление переработки (опыт «Татнефти»: комплекс «Танеко», выпуск бензинов Евро-6, масел⁵) позволяют снизить зависимость от сырой нефти. Развитие нефтехимии (шинное производство Kamay Tyres) компенсирует падение доходов. Монетизация экологической повестки (стратегия «Лукойла»: углеродный менеджмент, ВИЭ, улавливание CO₂) обеспечивает доступ на экспортные рынки и снижает операционные расходы.

Заключение

Проведенное исследование характеризуется следующими основными результатами.

Во-первых, разработана и аргументирована структурно-логическая модель формирования рентабельности нефтедобывающе-

го предприятия. Модель включает три взаимосвязанных уровня: воздействие внешней макросреды, управленческие операционные факторы, связанные с оптимизацией затрат, а также адаптационные механизмы. Такой подход обеспечивает целостное рассмотрение рентабельности в условиях повышенной неопределенности.

Во-вторых, определены и систематизированы основные факторы, влияющие на динамику рентабельности нефтедобычи в современных геополитических и макроэкономических реалиях. В их числе выделяются ценовая волатильность, ограничения санкционного характера, особенности фискального регулирования и процессы ESG-трансформации.

В-третьих, предложена периодизация развития моделей управления рентабельностью в нефтегазовых компаниях. Данная эволюция показывает переход от традиционных инструментов финансового анализа к процессно-ориентированному подходу, а далее к цифровым платформенным решениям с интеграцией ESG-компонента. Все это позволяет обосновывать и формировать траекторию повышения эффективности деятельности компаний.

В-четвертых, систематизированы и классифицированы механизмы роста рентабельности с учетом отраслевой специфики и актуальных вызовов. Выделены операционно-технологические, финансово-стратегические и структурно-рыночные направления, описывающие возможные управленческие воздействия на показатели рентабельности.

Таким образом, цель исследования, заключавшаяся в теоретико-методологическом обосновании направлений повышения рентабельности добычи нефти в условиях нестабильной внешней конъюнктуры, достигнута. Результаты исследования имеют прикладное значение для нефтедобывающих компаний и органов государственного управления. Предложенная структурно-логическая схема и классификация адаптационных механизмов могут быть использованы при разработке стратегий повышения рентабельности, формировании инвестиционных портфелей и принятии управленческих решений в условиях ценовой волатильности и санкционных ограничений.

Вместе с этим данное исследование может иметь ограничения. Самым важным ограничением может быть то, что из-за динамики внешней среды (рыночных, регуляторных и геополитических условий) оценка и практическая применимость отдельных элементов модели могут терять актуальность и для анализа причинно-следственных связей потребуются новые данные.

⁵ ПАО «Татнефть». Сеть АЗС «Татнефть». [Электронный ресурс]. URL: <https://azs.tatneft.ru/press/74?ysclid=ms65y5ihkq281325654> (дата обращения: 29.07.2026).

Список литературы

1. Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2026 годах. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2026_godakh (дата обращения: 29.07.2026).
2. Авдюшина М. А. Факторный анализ рентабельности организации с учетом риска финансирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 4-2. С. 141–150. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=2776> (дата обращения: 29.07.2026). DOI: 10.17513/vaael.2776.
3. The International Energy Agency (IEA). Oil Market Report – November 2025. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/e5b3beb1-3774-454c-be14-f515a895017a/-13NOV20_OilMarketReport.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
4. Trading Economics. Нефть Урала – Цена, диаграмма, исторические данные, новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/commodity/urals-oil> (дата обращения: 29.07.2026).
5. Бобылева А. З., Львова О. А. Государственное антикризисное управление в нефтяной отрасли: монография / под ред. А. З. Бобылевой, О. А. Львовой. М.: Юрайт, 2026. 326 с. ISBN 978-5-534-06501-5.
6. Власов С., Неваленный М., Сафиулин Р., Хажгериева А. Устойчивость на текущей основе: долгосрочная устойчивая цена на нефть. Аналитическая записка, Банк России. 2026. 18 с. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/193815/analytic_note_20260619_dip.pdf (дата обращения: 29.07.2026).
7. Кузьмина О. Ю., Шишкина В. В. Влияние ESG-трансформации на ключевые показатели деятельности нефтегазовых компаний России в условиях геополитической напряженности // Экономика и управление инновациями. 2026. № 1 (36). С. 73–82. DOI: 10.26730/2587-5574-2026-1-73-82.
8. Гутова И. Д. Факторы, влияющие на уровень рентабельности предприятия // Экономика и социум. 2017. № 6–1 (37). С. 516–518. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayushchie-na-uroven-rentabelnost-predpriyatiya/viewer> (дата обращения: 29.07.2026).
9. Sharova S. Characterisation of the main factors influencing the profitability of an enterprise and search for reserves of profit increase // Management and Business. 2023. Vol. 1 (1). P. 121–133.
10. Соловьева Ю. В., Черняев М. В. Инструменты совершенствования механизмов контроля формирования цены на нефть марок Brent и Urals // Экономические системы. 2022. Т. 15. № 1 (56). С. 242–254. DOI: 10.29030/2309-2076-2022-15-1-242-254.
11. Краснова А. Е. Основные тенденции развития нефтяного сотрудничества России и Китая в условиях санкционного давления // Конфликтология. 2025. № 4. С. 358–371. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.4.76154. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76154 (дата обращения: 29.07.2026).
12. Navabi S., Khaninezhad R., Jafarpour B. A unified formulation for generalized oilfield development optimization // Comput Geosci 21. 2017. P. 47–74. DOI: 10.1007/s10596-016-9594-z.
13. Dongkun Luo, Xu Zhao. Modeling the operating costs for petroleum exploration and development projects // Energy. 2012. P. 189–195. DOI: 10.1016/j.energy.2012.02.006.
14. Мурашко М. М. Российская стратегия импортозамещения в ТЭК // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2 (22). С. 18–39. DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_18.
15. Саттарова Р. Ф., Терегулова Г. Р. Оптимизация оценки экономической эффективности нефтегазовых компаний при выполнении требований проектно-технологических документов // Нефтяное хозяйство. 2024. № 01. Вып. 1203. С. 12–15. DOI: 10.24887/0028-2448-2024-1-12-15.
16. Телегина Е. А., Чапайкин Д. А. Измерение экономической эффективности цифровой трансформации нефтегазовых компаний // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2025. № 3 (243). С. 17–22.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ. Финансирование и оплата закупки осуществляется из внебюджетного источника финансирования в рамках соглашения о предоставлении гранта № 9/2025-ПД-ВШН от 22.12.2025.

Financing: The study was funded by a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to higher education institutions, research organizations, and other entities to support the development of human resources by encouraging their scientific and academic-pedagogical staff to defend doctoral dissertations and conduct research. Financing and payment for the purchase is carried out from an extra-budgetary source of financing under the grant agreement № 9/2025-PD-VN dated 12/22/2025.

КОНЦЕПЦИЯ МОДЕЛИ БЕСШОВНОЙ ИНТЕРМОДАЛЬНОЙ ЛОГИСТИКИ ТУРИСТОВ НА МАРШРУТАХ КРЫМ – КУБАНЬ

Тимиргалеева Р. Р. ORCID ID 0000-0002-3078-1050,
Гришин И. Ю. ORCID ID 0000-0001-5839-1858

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет», Севастополь, Российская Федерация,
e-mail: renatimir@gmail.com*

В статье рассматривается задача обеспечения сквозной транспортной доступности рекреационных территорий юга России на маршрутах Крым – Кубань. Цель исследования – разработать и обосновать концептуальную модель интермодальной логистики туристов на маршрутах Крым – Кубань, обеспечивающую сквозную транспортную доступность курортов и пригодную для распространения на Черноморский макрорегион. Обосновано, что в условиях сезонных колебаний спроса и инфраструктурных ограничений традиционные подходы к транспортному планированию, ориентированные на пропускную способность, не обеспечивают непрерывности обслуживания на всех этапах поездки, что снижает конкурентоспособность направления. Предложена концептуальная модель интермодальной логистики туристов CIM-Transit, критерием в которой выступает минимизация обобщенных транзакционных издержек туриста: времени, денежной стоимости и дискомфорта пересадки. Модель опирается на многоиндексную транспортную задачу и аппарат теории массового обслуживания; введен индекс логистического комфорта туриста. Эффективность модели оценивалась сравнением двух режимов координации, воспроизводимых в имитационной модели: базового (согласование через ведомственные регламенты, отсутствие синхронизации расписаний и единого билета) и модельного (алгоритмическое согласование расписаний, единый билет, оптимальное распределение потоков). Для минимизации рисков сезонной и погодной природы предложена матрица адаптивных механизмов. По результатам имитационного моделирования пилотной зоны «Севастополь – Ялта – Краснодар» согласование расписаний и единый билет снижают среднее время пересадки и повышают индекс логистического комфорта туриста. Обоснована роль регионального логистического оператора как координатора межрегиональных маршрутов.

Ключевые слова: интермодальная логистика, туристские потоки, транспортная доступность, время пересадки, логистический комфорт, многоиндексная задача, региональный логистический оператор

THE CONCEPT OF A SEAMLESS INTERMODAL LOGISTICS MODEL FOR TOURISTS ON THE CRIMEA–KUBAN ROUTES

Timirgaleeva R. R. ORCID ID 0000-0002-3078-1050,
Grishin I. Yu. ORCID ID 0000-0001-5839-1858

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”, Sevastopol, Russian Federation,
e-mail: renatimir@gmail.com*

This article examines the problem of ensuring end-to-end transport accessibility of recreational areas in southern Russia along the Crimea–Kuban route. The objective of the study is to develop and validate a conceptual model of intermodal tourist logistics along the Crimea–Kuban route, ensuring end-to-end transport accessibility of the resorts and suitable for extension to the Black Sea macroregion. It is substantiated that, given seasonal fluctuations in demand and infrastructure constraints, traditional capacity-based approaches to transport planning fail to ensure uninterrupted service at all stages of the journey, thereby reducing the competitiveness of the destination. A conceptual model of intermodal tourist logistics, CIM-Transit, is proposed. Its criterion is the minimization of generalized transaction costs for tourists—time, monetary value, and transfer discomfort. The model is based on a multi-index transport problem and the apparatus of queueing theory; a tourist logistics comfort index is introduced. The model's effectiveness was assessed by comparing two coordination modes reproduced in a simulation model: a basic one (coordination through departmental regulations, no schedule synchronization, and a single ticket) and a simulated one (algorithmic schedule coordination, a single ticket, and optimal flow distribution). A matrix of adaptive mechanisms was proposed to minimize seasonal and weather-related risks. Simulation results for the Sevastopol–Yalta–Krasnodar pilot zone showed that schedule coordination and a single ticket reduced the average transfer time and increased the tourist's logistics comfort index. The role of the regional logistics operator as a coordinator of interregional routes was substantiated.

Keywords: intermodal logistics, tourist flows, transport accessibility, transfer time, logistics comfort, multi-index problem, regional logistics operator

Введение

Рост внутреннего туристского потока в Российской Федерации, особенно в южных регионах, сопровождается устойчивым увеличением нагрузки на транспортную инфраструктуру. Коридор «Крым – Кубань» – одно из ключевых рекреационных направлений, однако его логистическая организация остается фрагментарной. Фрагментарность обусловлена отсутствием единых стандартов пересадки, рассогласованностью расписаний разных видов транспорта, дублированием билетных систем и низкой информационной прозрачностью пересадочных этапов. В условиях сезонных колебаний спроса и инфраструктурных ограничений традиционные подходы к транспортному планированию, ориентированные на пропускную способность, не обеспечивают непрерывности обслуживания на всех этапах поездки, что снижает конкурентоспособность направления.

Концепция мобильности как услуги (Mobility as a Service, MaaS), активно развиваемая в последнее десятилетие, предлагает интеграцию различных видов транспорта в единый сервис с общим планированием маршрута, оплатой и информированием [1–3]. Однако существующие исследования сосредоточены преимущественно на городских контекстах развитых стран; институциональные и инфраструктурные барьеры внедрения в иных условиях изучены слабее [4], а вопросы институционального оформления подобных систем остаются открытыми [5]. Специфика рекреационных межрегиональных маршрутов – высокая сезонность, разнородность категорий туристов, объемный багаж, зависимость от природно-климатических факторов – в этих работах практически не рассматривается. Это определяет необходимость целенаправленной адаптации зарубежного опыта MaaS к условиям российских рекреационных территорий – прежде всего к межрегиональной координации между двумя субъектами РФ (Республика Крым и Краснодарский край), выраженной сезонной неравномерности спроса и инфраструктурным ограничениям южных курортов, – а не к его прямому переносу из городских контекстов. В российской практике мультимодальные пассажирские и туристические перевозки исследуются преимущественно применительно к железнодорожному транспорту и отдельным экскурсионным маршрутам [6; 7].

Под интермодальной логистикой туристов в настоящей работе понимается организация сквозной перевозки в границах единого маршрута при последовательном

использовании нескольких видов транспорта, при которой согласование расписаний, тарифов и информационного сопровождения обеспечивает воспринимаемую туристом непрерывность поездки, а не только физическую стыковку видов транспорта в пересадочном узле. Научная проблема состоит в отсутствии модели интермодальной логистики, ориентированной не на максимизацию провозной способности, а на минимизацию транзакционных издержек туриста при смене видов транспорта. Известно, что транспортная доступность, измеряемая через время и стоимость поездки, тесно связана с развитием туристической экономики территории [8]; при этом интеграция тарифов сама по себе дает умеренный эффект и должна сопровождаться согласованием расписаний и институциональными механизмами [9]. Сервисы MaaS, разрабатываемые исходя из управленческих, а не пользовательских потребностей, не всегда устраняют реальные затруднения поездки [10], что дополнительно обосновывает смещение фокуса на издержки туриста.

Цель исследования – разработать и обосновать концептуальную модель интермодальной логистики туристов на маршрутах Крым – Кубань, обеспечивающую сквозную транспортную доступность курортов и пригодную для распространения на Черноморский макрорегион.

Научная новизна работы заключается в следующем. Во-первых, предложена формализация бесшовности пересадки через интегральный индекс логистического комфорта туриста (ИЛКТ). Во-вторых, разработана многоуровневая архитектура модели, увязывающая физическую инфраструктуру, цифровые механизмы согласования расписаний, институты межрегиональной кооперации и тарифные инструменты, с математической постановкой задачи оптимального распределения туристопотоков, критерием которой выступает минимизация обобщенных транзакционных издержек туриста. В-третьих, обоснована роль регионального логистического оператора как института, обеспечивающего сквозную ответственность за качество пересадки и распределение доходов между перевозчиками.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу составили системный анализ, структурно-функциональное моделирование, экспертные оценки (метод Delphi) и имитационное моделирование пассажиропотоков. Математический аппарат опирается на теорию много-

индексных транспортных задач линейного программирования и теорию массового обслуживания применительно к транспортным узлам [11]; денежная оценка времени поездки вводится в соответствии с концепцией стоимости времени (value of time) [12], а готовность туристов оплачивать интегрированный сервис – по данным исследований спроса на услуги типа MaaS [13]. Эмпирической областью приложения выбрана зона «Севастополь – Ялта – Краснодар», объединяющая основные логистические узлы региона (морской порт, железнодорожную станцию, аэропорт, автодорожные коридоры) и характеризующаяся высокой сезонной нагрузкой и наличием межрегионального трансфера. Для параметризации модели использовались открытые данные перевозчиков (интервалы движения, тарифы, число каналов обслуживания в узлах) и экспертные оценки; масштаб и сезонная неравномерность туристского потока в регионе, определившие выбор пилотной зоны и ее параметров, опираются на официальную статистику [14]. Значения параметров сведены в таблице 1.

Эффективность модели оценивалась сравнением двух режимов координации, воспроизводимых в имитационной модели: базового (согласование через ведомственные регламенты, отсутствие синхронизации расписаний и единого билета) и модельного (алгоритмическое согласование расписаний, единый билет, оптимальное распределение потоков). Сопоставлялись среднее время пересадки, полное время в пути, обобщенные издержки туриста и индекс логистического комфорта.

Для статистической состоятельности сравнения, в отличие от единичного сценарного расчета, оба режима координации оценивались методом Монте-Карло: $N = 2000$ парных прогонов модели (2)–(11). В каждом прогоне случайно разыгрывался сезонный сценарий (пик – с вероятностью 0,30, межсезонье – 0,55, возмущение/сбой оператора – 0,15) и пуассоновская реализация прибытия пассажиров на каждый хаб при интенсивности, согласованной с целевой загрузкой ρ_i ; показатели базового и модельного режимов рассчитывались для одного и того же розыгрыша сценария, что позволило применить парный статистический критерий. Компоненты индекса ИЛКТ u_i , u_c , u_a оценивались экспертно (метод Delphi, с остаточной случайной вариацией); u_t рассчитывался из подмодели (8)–(9), u_e – из эргономического балла при условном максимуме 10 баллов.

Для оценки зрелости институциональной координации введен индекс контрактно-институциональной связности (ИКИС) – взвешенная свертка четырех нормированных на отрезок $[0; 1]$ показателей (1):

$$\text{ИКИС} = 0,3 \cdot I_{\text{API}} + 0,3 \cdot I_{\text{Mon}} + 0,2 \cdot I_{\text{Rev}} + 0,2 \cdot I_{\text{Cov}}, \quad (1)$$

где I_{API} – интероперабельность информационных систем операторов; I_{Mon} – уровень автоматизации мониторинга исполнения норм обслуживания; I_{Rev} – регулярность пересмотра метрик; I_{Cov} – доля маршрутов, охваченных единым стандартом сервиса. Веса установлены экспертно (метод Delphi). Значение $\text{ИКИС} \geq 0,75$ интерпретируется как достижение устойчивой координации.

Таблица 1

Исходные параметры имитационной модели зоны «Севастополь – Ялта – Краснодар»

Параметр	Значение
Стоимость времени туриста α	250 руб./ч
Оценка единицы дискомфорта β	90 руб./балл
Нормативный стык δ	15 мин.
Хаб «Симферополь»	$H_1 = 60$ мин.; $m_1 = 4$; $\mu_1 = 30$ пасс.·ч ⁻¹
Хаб «Тамань-мост»	$H_1 = 120$ мин.; $m_1 = 3$; $\mu_1 = 40$ пасс.·ч ⁻¹
Хаб «Краснодар»	$H_1 = 40$ мин.; $m_1 = 4$; $\mu_1 = 35$ пасс.·ч ⁻¹
Веса ИЛКТ: w_t ; w_e ; w_i ; w_c ; w_a	0,30; 0,20; 0,20; 0,15; 0,15

Источник: экспертные оценки авторов и открытые данные перевозчиков; нормировочный порог времени пересадки $\tau_{\text{max}} = 90$ мин. Здесь и далее: H_1 – интервал движения соединительного транспорта, мин.; m_1 – число каналов обслуживания хаба; μ_1 – интенсивность обслуживания одного канала, пасс./ч.

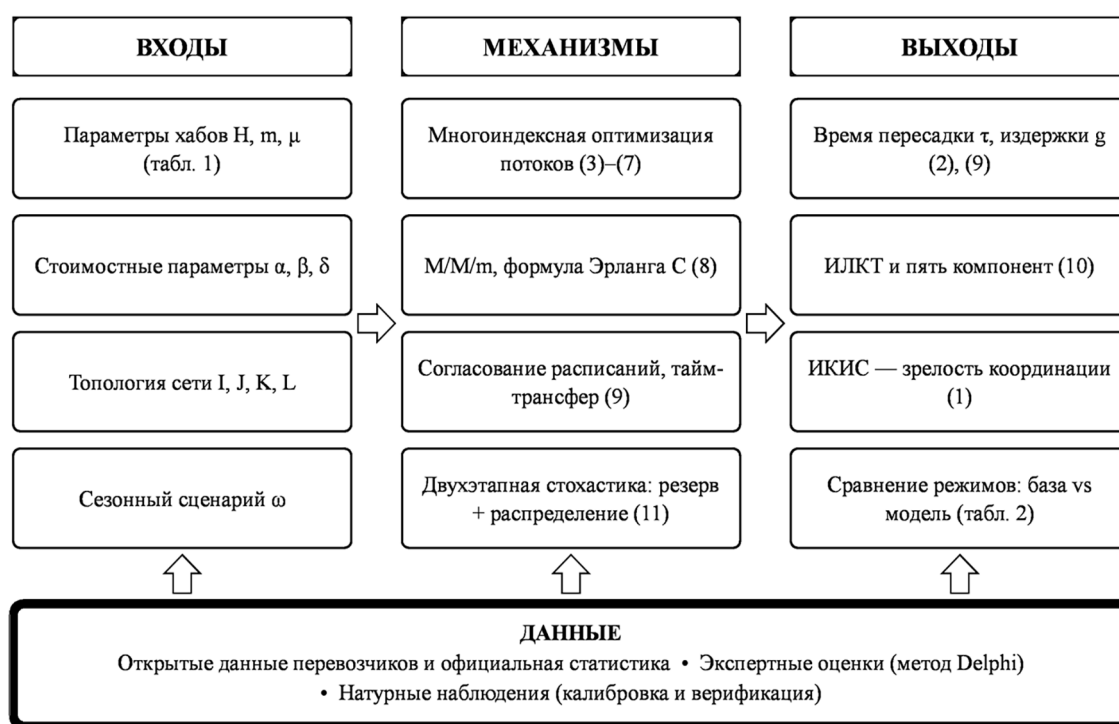

Схема «входы – механизмы – выходы – данные» модели CIM-Transit
Источник: составлено авторами

Общая архитектура модели – от исходных данных и параметров до расчетных механизмов и выходных показателей – обобщена на рисунке.

Результаты исследования и их обсуждение

Бесшовность пересадки трактуется как состояние, при котором физический, информационный, тарифный и временной разрывы снижены до уровня, не воспринимаемого туристом как существенные издержки. Сеть макрорегиона описывается множествами: I – пункты входа туристопотока; J – дестинации; K – модальные цепочки (связки видов транспорта); L – пересадочные хабы. Переменная $x_{ijkl} \geq 0$ – объем потока (пасс./сут.), направляемого из i в j через хаб l по цепочке k . Постановка обобщает многоиндексную транспортную задачу на пассажирские рекреационные потоки.

В отличие от классических постановок минимизируются обобщенные транзакционные издержки туриста (2):

$$g_{ijkl} = c_{ijkl} + \alpha t_{ijkl} + \beta s_{ijkl}, \quad (2)$$

где c_{ijkl} – денежная стоимость поездки, руб./пасс.; t_{ijkl} – полное время в пути с учетом пересадки, ч; s_{ijkl} – эргономический компонент (число пересадок, пеший трансфер), усл. балл; α – стоимость единицы времени

туриста, руб./ч; β – денежная оценка единицы дискомфорта, руб./балл.

Задача оптимального распределения туристопотоков (3)–(7):

$$\min Z = \sum_{i,j,k,l} g_{ijkl} \cdot x_{ijkl} \quad (3)$$

при ограничениях баланса прибытия (4), спроса дестинаций (5), пропускной способности хабов (6) и провозной способности модальных цепочек (7):

$$\sum_{j,k,l} x_{ijkl} = a_i, \quad i \in I; \quad (4)$$

$$\sum_{i,k,l} x_{ijkl} = b_j, \quad j \in J; \quad (5)$$

$$\sum_{i,j,k} x_{ijkl} \leq Q_l, \quad l \in L; \quad (6)$$

$$\sum_{i,j,l} x_{ijkl} \leq V_k, \quad k \in K. \quad (7)$$

Полное время t_{ijkl} складывается из времени движения и суммы времен пересадки τ_l по хабам маршрута. Обслуживание в хабе (контроль, посадка, багаж) моделируется системой M/M/m с интенсивностью прибытия λ_l , интенсивностью обслуживания канала μ_l и числом каналов m_l (загрузка $\rho_l = \lambda_l / (m_l \cdot \mu_l)$); среднее время ожидания рассчитывается по формуле Эрланга С [11] (8):

$$W_q(l) = P_{ож} / (m_l \mu_l - \lambda_l), \quad (8)$$

где Рож – вероятность ожидания (Эрланг С).

Полное время пересадки (9):

$$\tau_1 = W_q(I) + t_{\text{л,пеш}} + w_{\text{л,синх}}, \quad (9)$$

где $w_{\text{л,синх}}$ – время рассогласования расписаний смежных видов транспорта. В базовом режиме $w_{\text{л,синх}} \approx H_1/2$ (H_1 – интервал движения соединительного транспорта); при согласовании расписаний по принципу тайм-трансфера [15] оно снижается до нормативного стыка δ (≤ 15 мин.). Сокращение этого слагаемого и составляет основной механизм снижения времени пересадки. Для маршрута вводятся пять частных показателей, нормированных на $[0; 1]$ (1 – наилучшее значение): $u_T = 1 - \min(\tau/\tau_{\text{max}}, 1)$ (время пересадки, из (9)); u_E (эргономика); u_I (информационная прозрачность); u_C (тарифная предсказуемость); u_A (доступность для маломобильных групп). Интегральный индекс логистического комфорта туриста (10):

$$\text{ИЛКТ} = w_T u_T + w_E u_E + w_I u_I + w_C u_C + w_A u_A, \quad (10)$$

при $\sum w = 1$; веса w установлены экспертно (метод Delphi). Значение ИЛКТ $\geq 0,80$ соответствует состоянию бесшовности. Компонента u_T вычисляется из подмодели (8)–(9), что связывает институционально-технологические решения с измеримым потребительским эффектом. Спрос $b_j(\omega)$ и провозные способности $V_k(\omega)$ зависят от сезонного сценария ω (пик, межсезонье, возмущение). Применяется двухэтапная стохастическая постановка: на первом этапе принимаются решения о резервах (число каналов, резервные коридоры), на втором – распределение потоков; минимизируется ожидание обобщенных издержек (11):

$$\min E_\omega [\sum_{i,j,k,l} g_{ijkl} \cdot x_{ijkl}(\omega)] + R, \quad (11)$$

где R – затраты на резервирование первого этапа.

Загрузка хабов во всех узлах ниже единицы ($\rho = 0,54\text{--}0,71$). Низкое значение само по себе не свидетельствует о проблеме: часть резерва мощности сознательно закладывается на случай сезонных пиков и нестандартных ситуаций, а целевым ориентиром устойчивой работы хаба в период сезонных пиков выступает диапазон 60–85% (табл. 5). Вместе с тем для хабов «Тамань-мост» ($\rho = 0,58$) и «Краснодар» ($\rho = 0,54$) текущая загрузка ниже этого ориентира, что допускает двоякую трактовку – как запланированный резерв под пиковую нагрузку либо как недоиспользование мощности узла вне высокого сезона; разграничение этих сценариев требует данных о фактической сезонной динамике спроса и выходит за рамки представленной имитационной модели.

По результатам $N = 2000$ парных прогонов (табл. 2) согласование расписаний и единый билет статистически значимо снижают среднее время пересадки на 54,6% (с $47,6 \pm 14,2$ до $21,6 \pm 4,0$ мин.; парный t -критерий, $p < 0,001$) и обобщенные издержки туриста – на 11,4% (с $2\,840 \pm 120$ до $2\,517 \pm 82$ руб.; $p < 0,001$), а индекс логистического комфорта возрастает с $0,51 \pm 0,05$ до $0,82 \pm 0,02$ ($p < 0,001$); размер эффекта большой во всех трёх показателях: от $|\text{Cohen's } d| = 1,89$ для времени пересадки и 2,41 для издержек туриста до 5,90 для индекса ИЛКТ. Порог бесшовности (ИЛКТ $\geq 0,80$) в базовом режиме не достигается ни в одном из 2000 прогонов, в модельном – достигается в 86,7% прогонов; на сценарии сезонного пика и возмущений (где даже координированное расписание не полностью компенсирует возросшую нагрузку на хабы) приходится 84,6% случаев недостижения порога, тогда как в межсезонье порог не достигается лишь в 3,6% прогонов.

Таблица 2

Сравнение режимов координации
по результатам $N = 2000$ парных прогонов Монте-Карло

Показатель	Базовый режим ($M \pm SD$, 95% ДИ)	Модельный режим ($M \pm SD$, 95% ДИ)	Изменение	p
Среднее время пересадки, мин.	$47,6 \pm 14,2$ [47,0; 48,2]	$21,6 \pm 4,0$ [21,4; 21,8]	–54,6%	<0,001
Среднее полное время в пути, ч	$3,80 \pm 0,25$ [3,78; 3,81]	$3,36 \pm 0,11$ [3,36; 3,37]	–11,4%	<0,001
Средний эргономический балл	$4,82 \pm 0,87$ [4,79; 4,86]	$2,48 \pm 0,58$ [2,46; 2,51]	–48,5%	<0,001
Обобщенные издержки на туриста, руб.	$2\,840 \pm 120$ [2\,834; 2\,845]	$2\,517 \pm 82$ [2\,513; 2\,520]	–11,4%	<0,001
Индекс логистического комфорта (ИЛКТ)	$0,505 \pm 0,053$ [0,503; 0,508]	$0,821 \pm 0,019$ [0,820; 0,822]	+62,4%	<0,001

Источник: расчеты авторов по модели (2)–(11), $N = 2000$ парных прогонов (см. «Материалы и методы»). $M \pm SD$ – среднее и стандартное отклонение по прогонам; 95% ДИ для среднего; p – парный t -критерий база/модель. Загрузка хабов при базовых (немодулированных сценарием) λ : ρ Симферополь – 0,71; Тамань-мост – 0,58; Краснодар – 0,54.

Таблица 3

Компоненты индекса ИЛКТ по режимам (среднее $\pm$ SD по прогонам)

Компонента	Смысл	Базовый режим	Модельный режим
u_T	время пересадки, из подмодели (8)–(9)	$0,471 \pm 0,158$	$0,760 \pm 0,044$
u_E	эргономика, из балла s (max 10)	$0,518 \pm 0,087$	$0,752 \pm 0,058$
u_I	информационная прозрачность (эксперт.)	$0,401 \pm 0,050$	$0,899 \pm 0,031$
u_C	тарифная предсказуемость (эксперт.)	$0,600 \pm 0,050$	$0,900 \pm 0,029$
u_A	доступность для маломобильных групп (эксперт.)	$0,601 \pm 0,049$	$0,850 \pm 0,029$

Источник: u_T и u_E – расчет по модели за те же $N = 2000$ прогонов; u_I , u_C , u_A – экспертные оценки (метод Delphi, как и веса ИЛКТ в таблице 1) с малой остаточной случайной вариацией. Взвешенная сумма компонент с весами из таблицы 1 воспроизводит агрегат ИЛКТ из таблицы 2 (0,505 и 0,821 соответственно).

Таблица 4

Уровни модели CIM-Transit

Уровень	Функциональное назначение	Ключевые элементы
Физико-инфраструктурный	Пространственная организация узлов	Мультимодальные хабы, зонирование потоков, крытые переходы, багажная обработка
Цифрово-информационный	Данные, алгоритмы, интерфейсы	Единая платформа планирования и оплаты, согласование расписаний, единый билет, информирование пассажира
Организационно-управленческий	Институты, регламенты, ответственность	Межрегиональный координационный совет, региональный логистический оператор, единый стандарт сервиса
Экономико-тарифный	Финансовые потоки, ценообразование	Сквозной тариф, распределение доходов между перевозчиками, субсидирование социально значимых стыков

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Механизмы адаптации модели к риск-факторам

Риск-фактор	Адаптивный механизм	Ожидаемый эффект
Сезонные пики (июль–август)	Перераспределение провозных способностей, тарифные стимулы для сдвига спроса	Стабилизация загрузки хабов в диапазоне 60–85%
Погодные аномалии (шторм, туман)	Активация резервных авто- и ж/д коридоров, автоматические компенсации	Снижение дисперсии времени пересадки
Сбой у одного оператора (отмена рейсов, приостановка работы перевозчика)	Перенаправление потоков, фонд экстренных компенсаций	Сохранение ИЛКТ на приемлемом уровне
Нормативные изменения	Процедурный пересмотр параметров обслуживания (положения о периодическом пересмотре)	Адаптация модели в короткие сроки

Источник: составлено авторами; графа «Ожидаемый эффект» отражает качественную экспертную оценку направленности механизма, а не результат расчета по модели (2)–(11).

Разбивка индекса ИЛКТ по пяти нормированным компонентам, использованным при расчете агрегата, приведена в таблице 3.

Концепция CIM-Transit (Continuous Intermodal Mobility for Tourism) реализуется на четырех взаимодополняющих уровнях (табл. 4).

Операционально модель опирается на согласование расписаний смежных видов транспорта (снижение $w_{I, \text{снх}}$ в (9)), интеграцию билетных систем в единый проездной документ, динамическую корректировку отправок соединительного транспорта при отставании подвозящего рейса и проце-

дуры обратной связи для калибровки нормативов обслуживания. Для минимизации рисков сезонной и погодной природы предусмотрена матрица адаптивных механизмов (табл. 5).

Предложенная модель отличается от традиционных подходов к транспортному планированию тем, что в качестве критерия использует не пропускную способность, а обобщенные транзакционные издержки туриста: денежные, временные и связанные с дискомфортом пересадки. Такая постановка смещает акцент на восприятие поездки пользователем и согласуется с трактовкой времени поездки как существенной составляющей издержек [14] и как меры транспортной доступности, влияющей на туристическую экономику территории. В отличие от городских решений типа MaaS, ориентированных на регулярные поездки в условиях плотной сети, рассматриваемая модель учитывает высокую сезонность, разнородность категорий туристов и зависимость от природно-климатических факторов, характерные для рекреационных межрегиональных маршрутов.

Результаты расчета показывают, что основной вклад в снижение издержек дает не интеграция тарифов сама по себе, а согласование расписаний смежных видов транспорта: именно сокращение времени рассогласования в выражении (9) обеспечивает снижение времени пересадки. Это согласуется как с выводом об умеренном самостоятельном эффекте тарифной интеграции, так и с результатами исследований согласованных пересадок (тайм-трансфера) в общественном транспорте [15]. Тем самым тарифные механизмы, а также механизмы согласования расписаний выступают взаимодополняющими, а не взаимозаменяемыми.

Ключевым институциональным элементом модели выступает региональный логистический оператор (РЛО), обеспечивающий сквозную ответственность за качество пересадки, согласование стандартов обслуживания и распределение доходов между перевозчиками. По функциям он близок к роли интегратора (брокера) услуг мобильности, обсуждаемой в литературе по MaaS [5; 13], однако адаптирован к условиям межрегиональной кооперации, где требуется согласование интересов независимых перевозчиков и органов власти двух субъектов.

Институциональный механизм РЛО опирается на иерархию, обозначенную в таблице 4: межрегиональный координационный совет (представители органов власти Республики Крым и Краснодарского края, перевозчиков и инфраструктурных операторов) утверждает единый стандарт сервиса

и принципы распределения доходов между перевозчиками, а РЛО как исполнительный орган реализует эти решения на операционном уровне – ведет расчеты с перевозчиками пропорционально их фактическому участию в перевозке по сквозному тарифу и несет ответственность перед координационным советом за соблюдение нормативов пересадки. Алгоритмическая оптимизация расписаний (снижение $w_{\text{снхх}}^1$ в (9)) технически сокращает время рассогласования, но не заменяет эту институциональную функцию: распределение доходов между независимыми перевозчиками из разных субъектов РФ, разрешение споров между ними и юридически значимые обязательства сторон требуют полномочий, которые не могут быть делегированы вычислительному алгоритму.

Сервисы MaaS, разрабатываемые из управленческих, а не пользовательских потребностей, не всегда устраняют реальные затруднения поездки; предлагаемый критерий издержек туриста и индекс ИЛКТ призваны устранить этот разрыв.

Ограничения применимости модели связаны с необходимостью гармонизации нормативной базы, обеспечения совместимости билетных систем перевозчиков и создания механизмов межбюджетного финансирования для поддержки социально значимых стыков. Эти барьеры типичны для внедрения интегрированных транспортных сервисов вне крупных городских агломераций. Представленные количественные оценки получены на имитационной модели при экспертно заданных параметрах (табл. 1), откалиброванных для пилотной зоны «Севастополь – Ялта – Краснодар»; перенос модели на другие маршруты требует пересчета этих параметров по фактическим данным, а не прямого заимствования полученных значений. Наряду с накоплением данных натурных наблюдений это определяет направление дальнейшей эмпирической верификации. Отдельного уточнения требует и состав индекса ИЛКТ: в текущей версии он формализует комфортность и бесшовность пересадки, но не включает показатель безопасности туриста – его оценка предполагается отдельным модулем в дальнейших исследованиях.

Распространение модели на Черноморский макрорегион предполагается по принципу «опорный узел – периферийные узлы» (hub-and-spoke) с сохранением единого стандарта обслуживания. Критическими условиями выступают институциональная гармонизация (унификация нормативов и арбитражный механизм на базе РЛО), технологическая совместимость билетных си-

стем как условие допуска операторов и экономическая сбалансированность (распределение доходов и субсидирование стыков в межсезонье). Получаемые результаты соответствуют задачам «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [16].

С экономической точки зрения полученные результаты допускают следующую интерпретацию. Снижение обобщенных издержек туриста на 11,4% (табл. 2) в терминах экономической теории представляет собой выигрыш потребителя, формирующийся за счет сокращения времени пересадки и эргономического дискомфорта, а не за счет прямого субсидирования тарифа: денежный компонент тарифа в обоих режимах практически не отличается, разница в издержках создается временем и комфортом. Согласно исследованиям готовности туристов оплачивать интегрированные MaaS-сервисы [13], часть этого выигрыша может быть капитализирована через тариф на единый билет, образуя источник дохода регионального логистического оператора для финансирования координационных функций и субсидирования социально значимых межсезонных стыков без постоянной бюджетной дотации. Сокращение среднего времени пересадки более чем наполовину (54,6%) отражает не только рост комфорта, но и высвобождение пропускной способности хабов, что при прочих равных условиях снижает потребность в дополнительных капитальных вложениях в расширение инфраструктуры и повышает отдачу от уже существующих узлов. В масштабе региона совокупный экономический эффект пропорционален фактическому объему перевозок по маршруту и требует отдельной оценки на данных натурных наблюдений; в этом смысле представленные удельные показатели (в расчете на одного туриста) образуют основу для последующего бюджетного и инвестиционного анализа при разработке региональных программ развития туристской транспортной инфраструктуры.

Заключение

Разработана концептуальная модель интермодальной логистики туристов CIM-Transit для маршрутов Крым – Кубань, в которой критерием выступает минимизация обобщенных транзакционных издержек туриста. Модель объединяет многоиндексную постановку задачи распределения туристопотоков, подмодель времени пересадки на основе теории массового обслуживания и стохастический учет сезонности спроса.

Введен индекс логистического комфорта туриста (ИЛКТ), формализующий оцен-

ку бесшовности пересадки через пять нормированных показателей и позволяющий количественно сопоставлять варианты организации маршрутов. Показано, что компонента времени пересадки в индексе непосредственно определяется параметрами обслуживания в узлах и степенью согласования расписаний.

Имитационное моделирование пилотной зоны методом Монте-Карло ($N = 2000$ парных прогонов) показало в рамках имитационной модели и принятых предпосылок, что согласование расписаний и единый билет статистически значимо ($p < 0,001$) снижают среднее время пересадки и обобщенные издержки туриста и переводят маршрут в состояние бесшовности по ИЛКТ в большинстве прогонов модельного режима. Обоснована институциональная роль регионального логистического оператора как координатора межрегиональных маршрутов и алгоритм распространения модели на Черноморский макрорегион.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования модели при разработке региональных программ развития транспортной инфраструктуры, формировании единых билетных систем и стандартов туристского сервиса. Дальнейшие исследования связаны с эмпирической верификацией параметров модели на данных натурных наблюдений, развитием подмодели согласования расписаний и оценкой влияния бесшовной логистики на устойчивость рекреационных территорий.

Список литературы

1. Hensher D. A. Future bus transport contracts under a mobility as a service (MaaS) regime in the digital age: Are they likely to change? // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2017. Vol. 98. P. 86–96. DOI: 10.1016/j.tra.2017.02.006.
2. Jittrapirom P., Caiati V., Feneri A.-M., Ebrahimigharehbaghi S., Alonso-González M. J., Narayan J. Mobility as a Service: A Critical Review of Definitions, Assessments of Schemes, and Key Challenges // *Urban Planning*. 2017. Vol. 2. № 2. P. 13–25. DOI: 10.17645/up.v2i2.931.
3. Wong Y. Z., Hensher D. A., Mulley C. Mobility as a service (MaaS): Charting a future context // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. 2020. Vol. 131. P. 5–19. DOI: 10.1016/j.tra.2019.09.030.
4. Hasselwander M., Bigotte J. F. Mobility as a Service (MaaS) in the Global South: research findings, gaps, and directions // *European Transport Research Review*. 2023. Vol. 15. Art. 27. DOI: 10.1186/s12544-023-00604-2.
5. Smith G., Hensher D. A. Towards a framework for Mobility-as-a-Service policies // *Transport Policy*. 2020. Vol. 89. P. 54–65. DOI: 10.1016/j.tranpol.2020.02.004.
6. Волкова Е. М. Мультимодальные пассажирские перевозки как инструмент повышения конкурентоспособности железнодорожного транспорта // *Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике*. 2022. № 1–2 (98–99). С. 27–30. EDN: RGLGUA. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnye-passazhirskie-perevozki-kak-instrument-povysheniya-konkurentosposobnosti-zheleznodorozhnogo-transporta> (дата обращения: 17.08.2026).

7. Гончарова Н. Ю., Большаков Р. С., Давыдова Н. В. Организация пассажирских перевозок смешанного типа. Мультимодальные туристические перевозки // Известия Транссиба. 2023. № 2 (54). С. 68–79. URL: [http://izvestia-transsiba.ru/images/journal_pdf/2023-2\(54\).pdf](http://izvestia-transsiba.ru/images/journal_pdf/2023-2(54).pdf) (дата обращения: 17.07.2026).
8. Zhuang S., Xia N., Gao X., Zhao X., Liang J., Wang Z., Li M. Coupling coordination analysis between railway transport accessibility and tourism economic connection during 2010–2019: A case study of the Yangtze River Delta // Research in Transportation Business & Management. 2024. Vol. 55. Art. 101134. DOI: 10.1016/j.rtbm.2024.101134.
9. Abrate G., Piacenza M., Vannoni D. The impact of Integrated Tariff Systems on public transport demand: Evidence from Italy // Regional Science and Urban Economics. 2009. Vol. 39. № 2. P. 120–127. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2008.05.014.
10. Макаревич С. К., Янишевский О. Б. Оптимизация городской мобильности: потенциал и ограничения модели «мобильность как услуга» // Городские исследования и практики. 2024. Т. 9. № 3. С. 78–94. DOI: 10.17323/usp93202478-94.
11. Hu Y., Luo X., Bai D. Passenger congestion alleviation in large hub airport ground-access system based on queueing theory // Transportmetrica B: Transport Dynamics. 2023. Vol. 11. № 1. P. 257–278. DOI: 10.1080/21680566.2022.2062481.
12. Small K. A. Valuation of travel time // Economics of Transportation. 2012. Vol. 1. № 1–2. P. 2–14. DOI: 10.1016/j.ecotra.2012.09.002.
13. Ho C. Q., Hensher D. A., Mulley C., Wong Y. Z. Potential uptake and willingness-to-pay for Mobility as a Service (MaaS): A stated choice study // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2018. Vol. 117. P. 302–318. DOI: 10.1016/j.tra.2018.08.025.
14. Туристский поток: оценка туристского потока (с 2022 г.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Раздел «Туризм». Данные обновлены 07.08.2026. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 17.07.2026).
15. Ceder A., Golany B., Tal O. Creating bus timetables with maximal synchronization // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2001. Vol. 35. № 10. P. 913–928. DOI: 10.1016/S0965-8564(00)00032-X.
16. Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (в редакции от 29.05.2025) URL: <http://government.ru/docs/all/123838/> (дата обращения: 17.07.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.